

СМЕНА

СМЕНА

№ 12 / декабрь / 2008

Рок на радио 95.2 FM

Виолетта
Давыдовская:

«Кризис. Время рожать!»

Как самому
построить
ГЭС

Семь афро-
американских
президентов

Константин
Кинчев,
оперный певец

№ 12 декабрь 2008

Реклама

Subaru Impreza седан. Полный привод Вам к лицу.

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ SUBARU: 8-495-788-0404

Комфортный седан с отточенной управляемостью легендарного полного привода (Symmetrical AWD), мощным горизонтально-оппозитным двигателем с низким центром тяжести. Сочетание отменной

динамики, реальной безопасности и настоящего удовольствия за рулем! Теперь дороги в Вашей власти. **Новая Subaru Impreza седан. Полный привод Вам к лицу.**

IMPREZA

Think. Feel. Drive.*

SUBARU

Официальные дилеры Subaru в России и Беларуси

МОСКВА, Subaru Центр Автозаводская, ул. Автозаводская, 23, (495) 258-9999; Subaru Центр Башиловская, ул. Башиловская, 2, (495) 258-5-444; Subaru Центр Крылатское, ул. Осенняя, 17, (495) 258-8-999; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Subaru Центр Лахта, ул. Савушкина, 119, к.4 (812) 9999-555; Subaru Центр Охта, пр-т Маршала Блюхера, 52а, (812) 9999-555; Subaru Центр Пулково, Пулковское шоссе, 27а, (812) 9999-555; ВОЛОГДА, Subaru Центр Вологда, Окружное шоссе, 8А, (8172) 51-51-51; ЕКАТЕРИНБУРГ, Subaru Центр Екатеринбург Юг, ул. Московская, 214А, (343) 346-46-46; КРАСНОДАР, Subaru Центр Краснодар, ул. Новокузнецкая, 34/1, (861) 255-88-55; КРАСНОЯРСК, Subaru Центр Красноярск, ул. П. Железняк, 17/30, (3912) 99-22-99; НИЖНИЙ НОВГОРОД, Subaru Центр Нижний Новгород, ул. Куйбышева, 32, (831) 220-08-30; ОМСК, Subaru Центр Омск, ул. Суворова, 89, (3812) 51-20-10; ПЕРМЬ, Subaru Центр Пермь, шоссе Космонавтов, 31б, (3422) 38-55-22; САМАРА, Subaru Центр Самара, ул. Революционная, 70Д, (846) 26-999-46; СУРГУТ, Subaru Центр Surgut, ул. Профсоюзная, 60, (3462) 510-000; ТЮМЕНЬ, Subaru Центр Тюмень, 320 км трассы Екатеринбург – Тюмень, (3452) 221-500; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Лаура-Кулчино, ул. Софийская, 6, (812) 333-333-6; ВОЛГОГРАД, Евразия, шоссе Авиаторов, 14,

(8442) 911-444; ВОРОНЕЖ, Мерлин+, наб. Авиастроителей, 14, (4732) 20-70-20; ЕКАТЕРИНБУРГ, Никко Моторс, ул. Щорса, 7, (343) 214-90-14; ИРКУТСК, Территория А, ул. Байкальская, 259-6, (3952) 255-820; ИЖЕВСК, Формула, ул. Удмуртская, 206, (3412) 68-33-33, 68-44-44; КАЗАНЬ, Триал-Авто+, Дорожный пер., 3, (843) 296-21-96; ЛИПЕЦК, Сатурн-Л, ул. Неделина, 2в, (4742) 22-77-60; МАГНИТОГОРСК, Токио Моторс, пр. Карла Маркса, 208, (3519) 40-15-15; НОВОСИБИРСК, Воронцов Моторс, ул. Большевикская, 255, к.1, (383) 21-33-55; ОРЕНБУРГ, Авиавто, ул. Монтажных, 3А, (3532) 550-777; ПЯТИГОРСК, Статус Авто Северный Кавказ, Черкесское шоссе, 33, (8793) 31-90-00; РОСТОВ-НА-ДОНУ, М-Сервис, ул. Вавилова, 63, (863) 255-85-00; САРАТОВ, Автоцентр ВОСТОК, ул. Большая Садовая, 153/163, (8452) 45-27-27; СТАВРОПОЛЬ, Статус Авто, ул. Бруснева, 5, (8652) 38-08-88; ТОЛЬЯТТИ, Арена-Авто, ул. Воскресенская, 26, (8482) 750-000; УФА, Автотехсервис, ул. Малая Силикатная, 28/1, (347) 279-88-12; ЧЕЛЯБИНСК, Авто-М, ул. Механическая, 1, (351) 236-0576; МИНСК (Беларусь), Ланкор, ул. Брилевская, 25, 10 375 (17) 222-5450.

Реклама товар сертифицирован

* Мыслить. Чувствовать. Управлять.

— Ну, вот, она и призналась! — крикнула Флора. — Вы омерзительны, Кит Лидберн, просто омерзительны! А что до вас, Фиона Рестон, то вы — последняя потаскушка!
— Не считая вас!
— Ну, я-то порядочная женщина!
— Невелика заслуга! Поглядите в зеркало!
— Зато вы, как всем известно, путаетесь с каждым встречным!
— Только с теми, кому осточертели их собственные жены!

Детектив

>> 86 Шарль Эксбрайя
«Наша Иможен»
6—8 главы (окончание)

Обложка:
Виолетта
Давыдовская,

актриса Нового
драматического
театра

Амстердам

>> 54 Фотопутешествие

**Новый
самиздат**

>> 46 Электронные
журналы в интернете

**XXV антиквар-
ный салон**

>> 52 Вкладывать
в искусство по-
прежнему выгодно

**Вдовствующая
невеста**

>> 68 Судьба предна-
значала ее для
трона, но... всего
лишь посмеялась

ВИОЛЕТТА
ДАВЫДОВСКАЯ

>> 10 «Кризис —
время рожать!»

КОНСТАНТИН
КИНЧЕВ

>> 26 «Я — не
великий!»

ЯНА
ПОПЛАВСКАЯ

>> 18 «Сочувствую
законченным
реалистам»

НАУКА

>> 5 0,000000001

Нанокосмос: мир
размером в атом

ОБЩЕСТВО

>> 34 Народы дружат
книгами

Русский язык остается
главным языком в СНГ

>> 44 В. Балон

Уроки великого учителя

ТЕХНОЛОГИИ

>> 50 Экая гиковина!

Как самому построить ГЭС

КУЛЬТУРА

>> 64 Плот «Медузы»

Теодор Жерико. На грани между
жизнью и смертью

>> 22 La belle Esriture

В Москве открывается музей
современной каллиграфии

ЛИТЕРАТУРА

>> 74 М. Мыслинская
«Леночкина Россия»

>> 80 В. Бочаров
«Невыдуманная
история»

Главный редактор
Михаил Кизилов
Заместитель главного редактора
Надежда Панченко
Редактор отдела
Тамара Чичина
Корреспонденты
Анна Шеркунова,
Светлана Подорванова
Бильд-редактор
Тимур Аникин
Корректор
Марина Силакова

Использованы фотографии
ИТАР-ТАСС

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко
Издательский директор
Дмитрий Мережко

Директор по распространению
Ольга Рулева
e-mail: sales@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37

Менеджер по распространению
Алла Шанова
e-mail: sales@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37

Менеджер по рекламе
Кристина Бурякова
e-mail: k.buryakova@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, (499) 257-31-37

Главный бухгалтер
Надежда Молчанова
Офис-менеджер
Людмила Калинина

Редакция: 127994, Москва, ГСП-4,
ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса»
127137, Москва, ул. Правды, 24
Тираж — 55000 экз. Зак. № 82747

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832)

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

Подписка в интернете:
www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Разработка дизайн-макета
Алексей Шелепов,
Александр Жуков

Фото на обложке:
Юлия Игнатова
Идея:
Дмитрий Мережко
Продюсер:
Надежда Панченко
Ассистент:
Тимур Аникин

ЧИТАТЕЛЮ

В очень рейтинговой передаче очень талантливый журналист попытался понять, что заставило посредственных профессионалов взяться за сложнейшую тему — фильм о Гении, легендарном физике, Нобелевском лауреате Лье Ландау?

В студию были приглашены коллеги, ученики и сын Ландау — с одной стороны, и режиссерско-постановочная группа — с другой.

Тяжкое зрелище.

Больно было смотреть на интеллигентных и умных физиков, пытавшихся сказать, что гений — это не только национальное достояние, а явление планетарного масштаба, и то, что положено Юпитеру, — не для быков. В их глазах были недоумение и печаль.

А у оппонентов — наоборот: блеск в глазах, небрежность в позах, упоение в словах и железный аргумент — мы, «прежде, чем сделать фильм, читали книги разных авторов».

Наверное, читали, вот только, судя по характеру дискуссии и аргументам, видно, что не читали Ивана Александровича Ильина, хотя нынче, особенно после захоронения его праха в Донском монастыре — честь и хвала Никите Михалкову, — книги Ильина доступны любому.

Доведись режиссеру или сценаристам хотя бы полистать их, быть может, понимали бы, к чему прикасаются, на что набрасываются денег и славы ради.

Дискуссия не получилась: физики говорили о вечном, великом и духовном, а кинодеятели в потоке слов прятали главное — надо было заработать. А на чем — не важно. Сделал же Безруков из Есенина идиота, и ничего. Главное, чтобы толпе нравилось. А толпе нравится «клубничка». Вот и сотворили.

Видимо, много в стране денег, коль подобные фильмы начали делать. Но предстоящий кризис и девальвация, которыми нас пугают, возможно, принесут нечто и положительное — не до «мерзкого» кино будет.

Михаил Кизилов

0,0000000001

Нанокосмос: миры
размером в атом

текст
Ольга Ка-
норская

Представьте, что создан механизм, который способен создавать свою копию, только на порядок меньшую. Получившаяся копия может снова скопировать себя, уменьшив еще на порядок, и так до тех пор, пока размеры механизма не станут соизмеримы с размерами атома. Тогда, на последнем этапе, механизм соберет свою копию, причем принципиально их количество не ограничено.

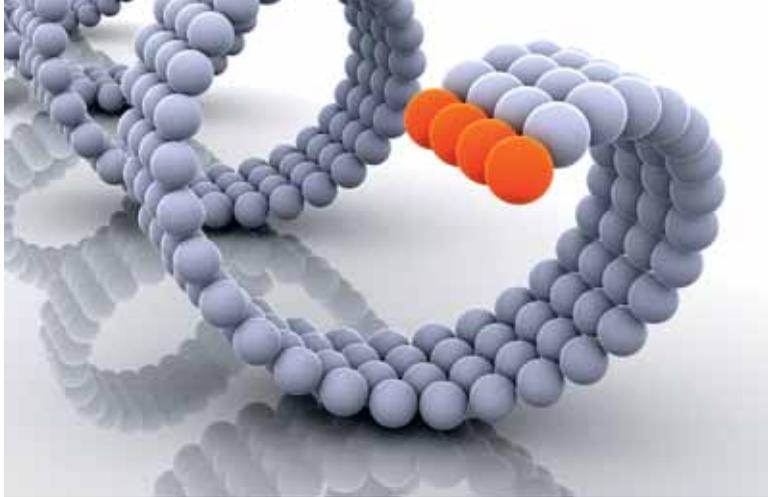
А затем эти машины будут собирать уже макроскопические вещи.

Таким фантастическим примером почти полвека назад лауреат Нобелевской премии Ричард Фейнман в своем выступлении под названием «Там полно места» проиллюстрировал заявление, что человечество

обязательно научится манипулировать отдельными атомами и сможет синтезировать все, что угодно. В дополнение к известным макромиру (миру вещественных объектов) и микромиру, когда-то увиденному Левенгуком, эта лекция открыла дверь в наномир — мир межмолекулярных промежутков и межатомных взаимодействий.

Тогда слова Фейнмана были восприняты как научная фантастика. Ведь человеку очень сложно поверить в то, чего он не видит, а тогда не существовало оптики, которая позволяла бы разглядеть отдельные атомы.

Переломный момент наступил в 1981 году, когда германские физики Герд Бенни

В конце ноября во Фрязине, а затем в Москве пройдут сразу два мероприятия, главной темой которых станут нанотехнологии. Фрязинская Международная научно-практическая конференция «Нанотехнологии — производству-2008», которую организует ЗАО «Концерн Наноиндустрия», пройдет уже в пятый раз. В программе конференции заявлено 13 различных направлений, в том числе и такое экзотическое, как «Нанотехнологии в ЖКХ».

«Смену» же особенно заинтересовал «круглый стол» на тему «Гуманитарные аспекты развития нанотехнологий», об итогах которого мы планируем рассказать в следующих номерах.

и Генрих Рорер создали супермощный микроскоп. Его появление заставило всерьез заговорить о возможности манипуляций с отдельными атомами. Всего через пять лет рядовой сотрудник фирмы IBM выложил название компании атомами ксенона.

А сегодня понятие «нанотехнологии» прочно обосновалось в нашем лексиконе.

Приставку «нано» правомерно употреблять, когда речь идет о манипулировании объектами, хотя бы одно измерение которых не превышает 100 нанометров. За счет этого почти все атомы наноматериала оказываются на его поверхности, что придает самому материалу уникальные свойства. Современные ученые освоили искусство манипуляции отдельными атомами и учатся строить из этих «кирпичиков» качественно новые материалы. Это будут материалы, превосходящие природные по основным критериям — прочности, упругости и проводимости.

Современный мир уже думает «нано», покупает «нано» и мыслит «нано». Косметика, наночастицы которой стремительно разглаживают морщины; автомобильные средства очистки двигателя; фармацевтические

нанолекарства; нанофильтры для воды: все это уже можно купить в магазине или заказать через интернет. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что иногда приставку «нано» используют как простой коммерческий ход.

На современном рынке имеются и вполне серьезные нанотовары, которые, правда, пока предназначены не для массового потребителя. В основном эти изобретения имеют отношение к здравоохранению.

Вот лишь некоторые из них (этих изобретений). Например, нанолейкоциты. Год назад с их помощью удалось уничтожить раковые опухоли у грызунов. Теперь на очереди тестирование многообещающего метода на людях. Нанопипетка позволяет дозировать вещество с точностью до атома и имеет широкий спектр применения — от фармацевтики до химической промышленности. Нанорадио ловит сигналы даже под кожей человека. Его планируют снабдить специальным зондом, измеряющим уровень сахара в крови. Путешествуя по кровеносным сосудам, в случае необходимости радио будет посылать сигналы SOS и способствовать выработке инсулина.

Финансовая привлекательность дела и возможность развития монополий превратили нанонауку в одно из приоритетных направлений для государств. Масла в огонь подливают аналитики, утверждая, будто мировым лидером в 21-м веке может быть лишь та страна, которая лидирует в нанотехнологиях. Но до сих пор единственным

государством, где нанонаука регулируется законом (его приняли в 2001 году), остается США. А общий объем инвестиций в развитие этой отрасли увеличивается с каждым годом.

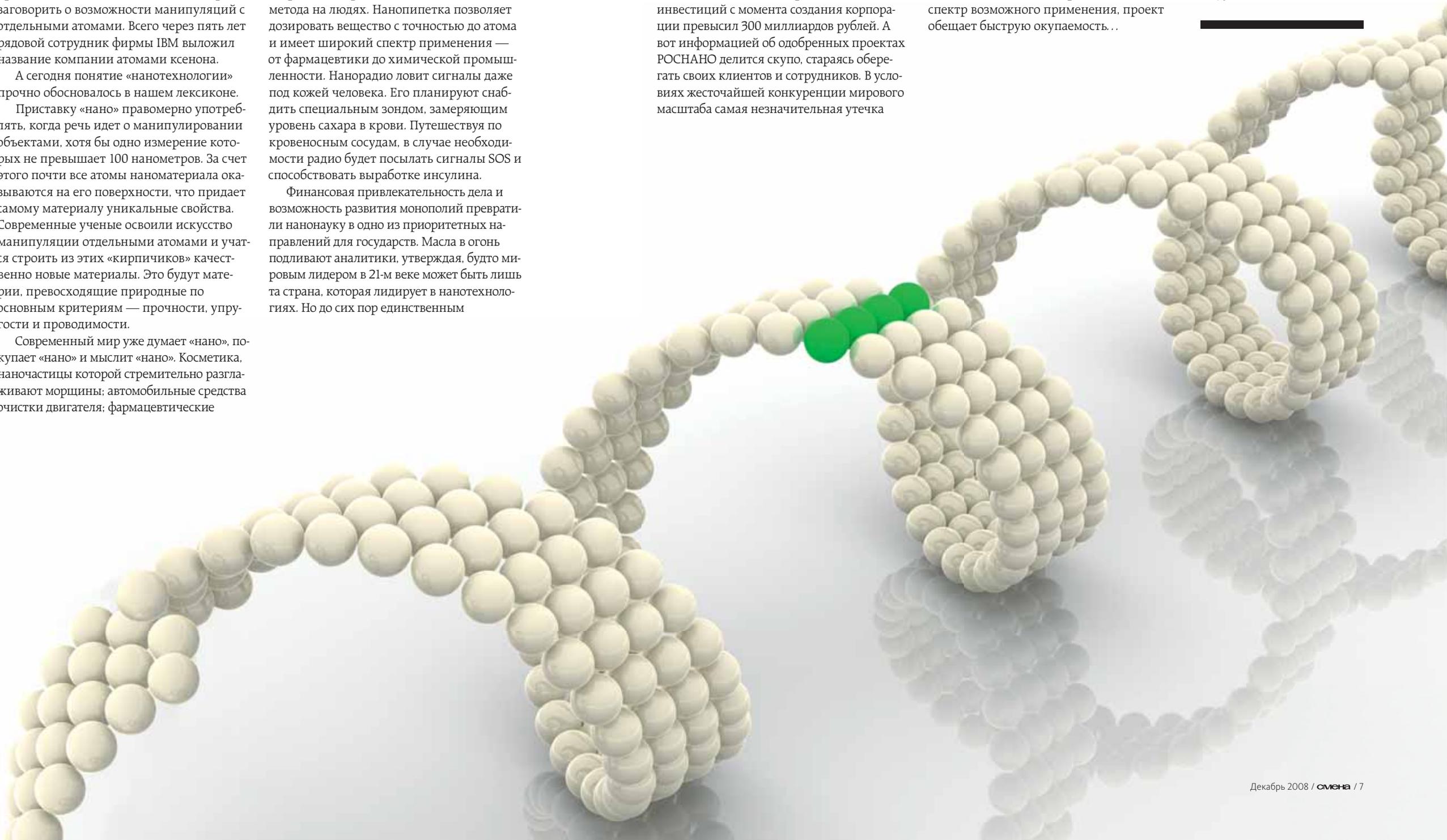
В России значимость нано стали превозносить пару лет назад, в этом году перешли от слов к масштабным действиям. С первых дней своего создания РОСНАНО охотно принимает заявки на финансирование проектов от исследовательских центров со всей страны. По свидетельству главного редактора интернет-представительства РОСНАНО, Сергея Лурье, со дня основания компании на экспертизу прислали более 700 заявок. Запрошенный объем инвестиций с момента создания корпорации превысил 300 миллиардов рублей. А вот информацией об одобренных проектах РОСНАНО делится скупко, стараясь оберегать своих клиентов и сотрудников. В условиях жесточайшей конкуренции мирового масштаба самая незначительная утечка

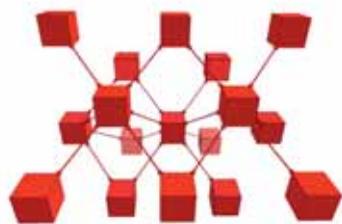
информации может обернуться огромными потерями для лабораторий и потерей влияния для государства.

Одним из первых эксперты РОСНАНО одобрили проект с загадочным названием «нанофабрикация асферической оптики». Его авторы — С. Канорский и В. Раховский. Цель проекта — разработать технологию, позволяющую изготавливать практически любую оптическую поверхность, любого требуемого разрешения.

До сих пор зеркала обтачивали тем же методом, что во времена Гюйгенса и Левенгука. Новый метод позволит обрабатывать стекла более тщательно, что повышает оптические свойства зеркал. Учитывая спектр возможного применения, проект обещает быструю окупаемость...

Международный форум по нанотехнологиям, который в декабре проведет в Москве концерн РОСНАНО, пройдет в этом году впервые. По данным организаторов, в Форуме с докладами и презентациями примут участие более 1100 представителей мировой наноиндустрии, предпринимателей и ученых из 70 городов РФ и 24 стран. Помимо докладчиков, предполагается не менее 1,5 тысяч посетителей Форума

Наноэнциклопедия

Нано... (от греч. *νανός* — карлик) —

это приставка для образования наименований дольных единиц, по размеру равных одной миллиардной доле исходной единицы. Обозначения: русское н, международное n. Пример: 1 нм (нанометр) = 10⁻⁹ м.

...ассемблер

Это устройство наноразмеров, способное собирать из отдельных атомов или молекул сколь угодно сложные конструкции по введенному в него плану. Наноассемблер можно будет запрограммировать как репликатор: устройство, способное производить свои собственные копии. Более простым, чем наноассемблер, устройство — фабрикатор, способный создавать наноконструкции под внешним управлением.

...биотехнологии

Раздел нанотехнологии, изучающий воздействие объектов нанодиапазона на биологические объекты и возможность их использования для развития наномедицины, создания нанолечений, диагностических систем на основе наночастиц, разработки медицинских нанороботов и создания медицинских наноматериалов.

...инженерия

Инженерная деятельность человека, связанная с наноразмерными объектами, а также с объектами, создающимися методами нанотехнологий.

...композиты

Материалы, в которых содержатся частицы наноразмера. Необязательно все изменения частицы имеют размер десять в минус восьмой, десять в минус девятой метра: это может быть волоконце маленького диаметра, или достаточно тонкая пластинка. Внедренные наночастицы могут радикально изменить физические свойства вещества. Например, если взять какой-нибудь полимер, который обычно является диэлектриком, наполнить его проводящими нанотрубками или нанопластинками, то даже при очень маленьких концентрациях этих частиц будет наблюдаться высокая проводимость композита.

...манипулятор

Устройство для обеспечения механосинтеза, способное захватывать отдельные атомы и молекулы и манипулировать ими в радиусе до 100 нм.

...механосинтез

Составление молекул из атомов с помощью механического приближения до тех пор, пока не вступят в действие соответствующие химические связи.

...роботы (наноботы)

Роботы, созданные из наноматериалов и размером сопоставимые с молекулой (менее 10 нм), обладающие функциями движения, обработки и передачи информации, исполнения программ. Нанороботы, способные к созданию своих копий, т.е. самовоспроизводству, называются репликаторами. В настоящее время уже созданы электромеханические нанороботы, ограниченно способные к передвижению, которые можно считать прототипами нанороботов.

...трубки

Протяженные структуры, состоящие из свернутых шестиугольных сеток с атомами углерода в узлах. Свойства нанотрубок и наночастиц углерода, фуллеренов, состоящих из нескольких десятков атомов углерода (C₆₀, C₇₀), кардинальным образом отличаются от структуры блочных веществ, построенных из атомов того же физического элемента: стеклоуглерода, алмаза, графита.

Нанотрубки углерода имеют уникальную проводимость и теплопроводность. Частицы, у которых очень высокое отношение одного размера к другим (нановолокна, графитовые нанопластинки), проявляют уникальные физико-механические свойства.

...фотоника

Раздел нанооптики, в которой исследуются нанополы со считанным количеством фотонов и поведение света на нанометровой шкале. На практике фотоника долго не применялась из-за технологических трудностей создания нужных приборов. С развитием нанотехнологий стало возможным применить световые импульсы в компьютерах. Нанотехнологии позволяют значительно уменьшить размеры и традиционных электронных элементов, и проводов. В компьютерах будущего, скорее всего, будут совмещаться наноэлектроника и нанофотоника. Это приведет к сокращению размеров суперкомпьютеров, занимающих целые здания, до современных персональных.

...электроника

Область электроники, занимающаяся разработкой физических и технологических основ создания интегральных электронных схем с характерными топологическими размерами элементов менее 100 нм. ■

Актриса театра и кино — о максимализме, популярности и пользе вышивания

Виолетта Давыдовская:

«Никакой трагедии в Америке»

текст
Надежда
Панченко

фото
Юлия
Игнатова
и из архива
театра

«Сегодняшняя Россия очень похожа на Америку 20-х годов прошлого века, описанную Теодором Драйзером», — считает Леонид Мазор, режиссер недавно вышедшего на телеканале «Россия» сериала «Жизнь, которой не было...». Рабочим названием проекта было «Американская трагедия» — как и у романа, по которому он снят. «Мы, конечно, адаптировали историю. Но, честно говоря, субъективные мотивации героев Драйзера очень сходны с мотивациями сегодняшней российской молодежи», — заключает режиссер.

А вот у Виолетты Давыдовской, сыгравшей в сериале одну из главных ролей, мотивации не совсем современные. Эта актриса — как будто из другой эпохи. Она считает, что самый правильный шаг в сложный для страны период — родить ребенка; экрану она предпочитает работу в своем театре и убеждена, что популярность нужна только для того, чтобы иметь возможность выбрать самое достойное предложение.

— Я не знаю, почему я вообще стала актрисой. Мне так трудно подавать себя, пробиваться. Особенно не люблю пробы, профессиональные тусовки. В детстве я ходила в театральную студию, играла Белоснежку и очень любила внимание зрителей. Позже стала стесняться публики.

— Как же вас заметили большие режиссеры?

— Я никому не навязываюсь и не хожу по кастингам. Петр Ефимович Тодоровский увидел меня в институте и пригласил в свой фильм «Год Быка». А на роль Годуновой в блокбастер «1612» я попала благодаря съемкам у друзей, которые заканчивали Высшие режиссерские курсы. Там меня и заметил Владимир Хотиненко. Нас в институте пугали — режиссеры, мол, пристают к молодым актрисам! Ничего подобного я не видела. Все, чем я стала в профессии, — заслуга режиссеров, которые со мной работали. И в первую очередь это Вячеслав Васильевич Долгачев (художественный руководитель Нового драматического театра — прим. «Смены»).

Шесть лет он воспитывает меня как актрису. Столько прекрасных ролей, о которых только мечтать. Чего стоят две последние, премьерные. — Доротея в «Прекрасном воскресеньи для пикника» и Амалия в «Разбойниках!» В своем театре я с удовольствием играю все, включая роли в сказках для детей, что, как правило, не очень любят актеры. Такого высокого художественного уровня работ, как в моем театре, в кино сейчас практически нет. В театре и драматургия совсем другая, и подход режиссера к тебе — иной. Кино, в основном, эксплуатирует фактуру, внешность актера. А в моем любимом театре Вячеслав Васильевич делает все для того, чтобы я развивалась. Такой заботы в кино никогда не встретишь. Именно театральная работа позволяет мне уверенно чувствовать себя в кино и достойно

представать на экране. Я убедилась: только играя в театре, на сцене, из вечера в вечер, можно развиваться и профессионально, и лично. Отсюда и востребованность.

— Вопрос выбора — театр или кино — пока не стоял?

— Слава Богу, нет: я не смогу отказаться от театра. Да, кино — это популярность, деньги. Но популярность мне нужна только для того, чтобы иметь возможность выбирать лучшие роли, свободно себя чувствовать, работать только с теми, с кем хочу. Сниматься раз в год, но в самом лучшем, в самом интересном фильме — это было бы счастьем.

— Экий максимализм...

— Такой характер: все — по-максимуму. Если люблю, значит, любимого засыплю sms, не смогу разглядеть в нем недостатков. Хотя и останавливаю себя: Вета, не увлекайся. Слава Богу, есть мама. Она — мой советчик и делает тонкие замечания.

— В интернете высказываются отрицательные мнения о ваших киноролях...

— Да, я слышу порой, что на сцене я — интереснее, чем на экране. И отношусь к этому спокойно. Восторженные же оценки меня настораживают. Надо учитывать любые мнения о себе — повод для самокритики и профилактики.

— В чем выражается слава и популярность?

— Да ни в чем особенно. Бывает, узнают на улицах. Но редко — я не крашусь, ношу потертые джинсы. В метро или троллейбусе едет звезда? Пассажиры об этом и не думают. Один раз узнали — благодарили за игру. Есть поклонник, который шлет мне по три стихотворения в день, причем они — его собственные! Это приятно. Другой почитатель живет в соседнем доме, старается чаще попадаться мне на глаза. Некоторые приходят на каждый мой спектакль и дарят цветы.

Справка

Виолетта Давыдовская родилась в 1982 г. во Владикавказе. Окончила Театральный институт им. М.С. Щепкина при Малом театре. С 2002 года играет в Московском Новом драматическом театре

«Разбойники». Амалия — В. Давыдовская, Франц — Д. Мунаев

Роли в спектаклях

«Время рожать»,
«Один из последних вечеров карнавала»,
«Шутники», «Зверь»,
«Разбойники»,
«Прекрасное воскресенье для пикника»,
«Чудаки, или Жених с зеленого мыса»,
«Кошкин дом», «Синдбад-мореход», «Происшествия невероятные»

Снялась в фильмах

«В созвездии Быка», П. Тодоровский (2003),
«На кончиках ее пальцев» (2005), «Мать» С. Колосов (2006), «1612: Хроники Смутного времени», реж. В. Хотиненко (2007), «Жизнь, которой не было...» (2008)

«Зверь».
Дочь — В. Давыдовская,
Зверь — А. Курилов

— На кого из великих актрис вам хотелось бы походить?

— Мне импонирует женственность Николь Кидман, чувственность Пенелопы Крус. Мерилин Монро — редкое сочетание красоты и таланта. Из наших актрис — Татьяна Догилева и Нина Русланова.

— А ваши героини? Есть в них что-то общее с вами?

— Ксения из «1612» совсем не похожа на меня — сдержанная, неэмоциональная. В сериале же «Жизнь, которой не было...» моя героиня, Наталья, — девушка хваткая, крепкая, простая. Это — тоже не я. Она такая упорная, что готова идти до конца, лишь бы добиться своего. Упорство ее и погубило... К сожалению, большинство трагедий и происходят из-за нежелания человека понять другого, принять чужую точку зрения. Но ведь это так интересно — играть тех, которые на тебя не похожи!

— Обе ваши героини живут в кризисное время. А сейчас все только и говорят, что мир переживает новый катаклизм. Как вы думаете, какое поведение было бы наиболее верным?

— По мне — сделать что-то животворное. Родить ребенка — это глоток радости. Пусть с ним будет трудно, но это счастье! Мне вообще важны семья и дети. Надежность: чтобы было хорошо и навсегда.

— Как вы проводите свое время вне съемок и работы в театре?

— ...Вышиваю. Это редкий способ релаксации, почти медитация.

— Что вышиваете?

— Крестиком, по готовой картинке — цветы, узоры. Еще вяжу, но редко — ведь это надо делать с душой — чтобы мог носить кто-то близкий. С подругами у меня сложно — одна за всю жизнь, и то не с детства. Она искренне радуется моим успехам. В отношениях с людьми очень ценю открытость и искренность. Человеку, который со мной чистосердечен, могу простить все, даже если он меня и обидит. Терпимость, кстати, воспитывает работа в театре.

Ну, и, разумеется, много читаю.

— Что можете порекомендовать из последних новинок?

— Моя мама — филолог, педагог, поэтому дома — много классики. Я считаю, грубо говоря, что сначала надо прочесть Толстого и Шекспира, а уже потом браться за что-то модное. Но на новые книги мало времени. Пожалуй, только Улицкая...

— Если только читать и вышивать, можно пополнить. Не пугает вас такая перспектива?

— Летом я катаюсь на велосипеде, зимой бегаю, кручу обруч. Мне некогда набирать вес — слишком много работы. ☑

Н
НОВЫЙ
МОСКОВСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ
ТЕАТР

7
декабря
5, 17
января

Виолетта
ДАВЫДОВСКАЯ

в спектакле

Теннесси Уильямс

Прекрасное
воскресенье
для
пикника

Заказ билетов по телефонам: 8 499 182 03 47, 8 499 182 64 06
Адрес театра: ул. Проходчиков, дом 2

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА заслуженный деятель искусств России ВЯЧЕСЛАВ ДОЛГАЧЕВ

XXV Антикварный
Салон: вкладывать
в искусство
по-прежнему
выгодно

Вечные ценности

текст
Надежда
Панченко

«Кризис добрался и до рынка антиквариата, — судачили в кулуарах перед открытием XXV Российского антикварного салона (РАС), который прошел в Центральном Доме Художника в середине октября. — Площадей выкуплено немного, лучшие вещи коллекционеры придержали до лучших времен, да и спрос на антиквариат нынче небольшой».

фото
Иван
Гайтров

Но, вопреки таким прогнозам, Юбилейный Салон оказался вполне успешным и представительным; участникам удалось удивить посетителей и любопытными коллекциями, и подходом к организации экспозиций. Насколько оправдались ожидания продавцов — вопрос уже иной...

Торги и скидки

Во-первых, и в лучшие-то, докризисные времена, москвичи и гости столицы любили ходить на Салон просто так, без намерения что-то купить. Потому что это редкая, очень приятная возможность — полюбоваться раритетами без стекла и окриков музейных дам. Последнее время — и XXV Салон не стал исключением — в рамках РАС выставляется свыше двухсот галерей, каждая со своими коллекциями произведений

линника, сколько умение торговаться: считывали, что из-за кризиса галерейщики тут же бросятся продавать раритеты по бросовым ценам. Кое-какие участники Салона и правда шли на изрядные — 30—40% — скидки. А другие галереи попросту не стали выставляться на РАС.

Самовары и топ-лоты

Но глаз рядового посетителя от этого не пострадал. Очередное удовольствие получали

искусства разных школ и периодов. Потому посещение Салона — мероприятие весьма и весьма познавательное, но далеко не всегда связанное с покупкой.

Во-вторых, вещи стоимостью в сотни тысяч евро, в которые уместно вкладываться в период кризиса, и ранее был способен купить далеко не каждый посетитель. А в остальные надо инвестировать умеючи, это более рискованно. «Качественный отбор этого Салона оставляет желать лучшего, — качает головой искусствовед Григорий Израилевич Климовицкий. — Я видел некоторые работы, которые выдают за Тархова и Левитана. Это же фальшаки, только сошли с конвейера!»

Некоторые покупатели показали не столько умение отличить подделку от под-

те, кто заглядывал в Фотогалерею имени братьев Люмьер — на этот раз там представили изображения базы подводных лодок Балтфлота, неизвестные снимки Брежнева и фото довоенных харьковских улочек. Пожалуй, впервые широко выставили вполне заслуживающего этого художника Ивана Блохина (50-е гг.).

«Смену» порадовали рождественские тарелки 20-х годов, французские каминные часы («Петербургский антиквар», 1805 г.), ампириные канделябры из дома Кочетовой и тибетские ритуальные чаши в галерее Александра Дубровина (тут же — парные вазы, коробочка для подношения, чайники XIX века, а также Бодхисатва ми-

Галерея четко продемонстрировала новый подход к собирательству и экспонированию. Витражи демонстрировали в лайт-боксах — элегантно, современно

лосердия, Китай, 1552 г.). На стенде галереи «Евразия» выставили коллекцию редкого для отечественного ценителя бело-голубого фарфора периода Канси (1662—1722).

Разумеется, присутствовали на XXV Салоне и топ-лоты западных аукционов. В их числе — произведения Константина Маковского плюс сразу три работы Василия Кандинского (галерея «Школа» и Ravenscourt Galleries). Галерея искусств KGallery в рамках выставки «Два века русского пейзажа» представила редкие произведения И. Шишкина, Г. Кондратенко, Р. Фалька и др. Отдельными экспозициями показывали — шедевры русской живописи («Русские

сезоны»);

— французских художников первой половины XIX века (Ravenscourt Galleries);

— русскую эмиграцию первой трети XX в. («На Ленивке»);

— русский Париж (галерея Владимира Каплунова)

— западноевропейских художников («Старые мастера»).

Галерея «2.36» в рамках проекта «Натюрморт. Ничего нового» собрала живописные и графические работы Ж. Габори-ада, А. Дерена, А. Каменского и других.

Витражи и фарфор

Но не этой экспозицией прославилась «2.36» в рамках XXV Салона. СМИ, публику и коллег-антикваров поразила выставка «Свет веков». Галерея четко продемонстрировала новый подход к собирательству и экспонированию. Коллекционер Юрий Петухов на протяжении нескольких лет покупал европейские витражи разного времени и «прописки» — Франция, Германия, Швейцария, Англия и Голландия XIII—XIX вв. А накануне этого Салон объединил находки в уникальную экспозицию из 37 «стекол», часть которой и выставил в ЦДХ.

Витражи демонстрировали в лайт-боксах — элегантно, современно. Продавали только всю коллекцию, целиком. Для посетителей проводили краткую экскурсию и озвучивали цену — что для РАС, собственно, вовсе нетипично — 850 тыс. евро. Команде «Смены» приглянулись швейцарские «брачные» витражи 16 и 17 века, которые создавали в честь образования новой семьи.

Еще одной значимой экспозицией минувшего Салона стала выставка королевского фарфора — Фонд Арт Москва, Дом Фарфора представили в ЦДХ коллекцию европейской посуды XVIII—XIX веков. В том числе несколько предметов из Королевского Фарфорового Сервиза Flora Danica.

Эксперты говорят, что это — самый роскошный из сервизов XVIII века в мире и единственный, что сохранил первозданный вид. Он был создан в эпоху «Золотой эры» фарфора, в конце 18 века, на Копенгагенской мануфактуре и предназначался русской императрице Екатерине II. Датчанам очень хотелось произвести на нее впечатление, потому концепция подарка оказалась архисложной. Сервиз, состоящий из полутора тысяч предметов, тщательно декорировали лепниной и золотой росписью. Каждая тарелочка и чашечка стала наглядным пособием — на них были нанесены изображения датской флоры, скопированные из научной энциклопедии Flora Danica. На каждом предмете мастер Иоганн Байер изо-

бразил не только растение, но и его латинское название и отсылку к номеру тома научного труда, в котором оно было описано.

Над сервизом работали двенадцать лет. Неудивительно, что русская императрица подарка не дождалась. Посуда досталась датским королям, а по образу и подобию росписей тарелок и супниц из Flora Danica еще долго изготавливали фарфор.

Лучшее по-прежнему дорого

В рамках XXV Салона выставляли многие вещи, отношение к искусству имеющие весьма опосредованное. Например, целого мамонта, т.е. его скелет, стоимостью в небольшую московскую квартиру (7 млн. руб.). Не желаете мамонта? Можно порадовать домочадцев и гостей салютом из праздничных мортир XVIII века, комплект ядер — прилагается.

Или сделать подарок в виде целой коллекции винтажных флаконов знаменитых марок периода 1900—1950-х гг. Или — в виде старинного кассового аппарата из антикварной лавки Виктора Каменского. На предыдущем РАС, кстати, продавали европейские кассовые аппараты, возрастом постарше. Сегодня — американские, помоложе.

По сравнению с предыдущими салонами, экспозиции нынешнего все больше напоминали музейные — узкая специализация, умелый мерчендайзинг, VIP-desk вместо блошиного рынка.

Экспонатов, имеющих отношение к искусству Японии и прочего Востока, стало еще меньше, русского искусства — больше. Одни эксперты говорят, что русское искусство сегодня наиболее выгодно для инвестиций. Другие специалисты уверены, что русское искусство было одним из самых разогретых разделов рынка, и, следовательно, быстрее всего упадет в цене. По словам директора Салона Натальи Корень, большие русские имена — Айвазовский, Левитан — продавались по-прежнему хорошо.

Хоть в целом на XXV Салоне и было меньше продаж, чем на предыдущих выставках, серьезного демпинга не случилось. На коллекцию витражей «2.36» спрос возник не единожды. То есть и в кризисные времена у коллекционеров находятся свободных 850 тыс. «Когда классические рынки растут, их участники начинают искать недооцененные, выгодные сектора и покупают искусство. Когда классические рынки падают, их участники вновь обращают внимание на арт-рынок, чтобы спрятать деньги», — резюмирует президент Международной конфедерации антикваров и арт-дилеров, Василий Бычков. ☞

Известная актриса
и телеведущая —
о детских мечтах,
профессионализме
и точке опоры

Яна Поплавская:

«Сочувствую
законченным
реалистам»

В 11 лет она была удостоена Государственной премии СССР за лучшую детскую роль (фильм «Про Красную Шапочку»). На этой картине выросло несколько поколений. И по сей день Яна Поплавская — любимица и кумир не только детей, но и взрослых

текст
Елена
Воробьева

Культура. Смена впечатлений

жизненная переоценка. Взрослый человек вдруг понимает, что самым счастливым, самым безоблачным временем в его жизни было детство. Все оптимистично, все легко, кажется, что Все Вперед! Все самое лучшее, самое нежное — все это было Там.

Когда у меня возникают проблемы, я невольно думаю: «Господи, как я хочу быть маленькой! Хочу, чтобы кто-то за меня решил возникшую проблему...» Но в детстве я все же понимала, как сложно быть взрослым. Мои родители работали в театре на Таганке. Мы жили в большой тридцатиметровой комнате в коммуналке, на Садовом кольце, рядом с театром кукол Образцова. Мой уголок размещался за шкафом-секретером, перегораживавшим комнату пополам. Все актеры Таганки — Высоцкий, Хмельницкий — бывали у нас в гостях. Бориса Хмельницкого я называла Дядя Хмель. Он смеялся и говорил, что так его никто и никогда не называл. Помню, я лежала ночью за шкафом, а наши гости что-то оживленно обсуждали. Слушая их, я думала: «Не хочу быть взрослой! У них такие проблемы! Хочу оставаться маленькой!»

— Яна, вся страна любит и помнит вас по замечательному фильму «Про Красную Шапочку». Как вы думаете,

— Яна, когда сегодня вы видите себя, маленькую девочку, на экране, какие ощущения и эмоции вызывает у вас этот уже далекий образ?

— Я много работала в детском кино, после фильма про Красную Шапочку у меня было по две — три картины в год. «Фантазии Веснухина», «Переходный возраст», «Узник замка Иф», «Тайна королевы Анны, или мушкетеры 30 лет спустя», «Снежная королева». Смотреть сегодня некоторые из них тяжело, потому что вижу на экране людей, которых уже нет... С ними были очень добрые человеческие отношения и очень яркие воспоминания. У меня иногда бывает такое ощущение, что вот сейчас наберу номер и смогу поговорить с Евгением Александровичем Евстигнеевым, с Роланом Антоновичем Быковым. Но увы... Для меня это потеря близких людей.

— Почему, повзрослев, мы начинаем часто вспоминать свое детство, перебирать старые фотографии?

— Обычно это происходит, когда у нас самих появляются дети, и происходит

Ты должен, стиснув зубы, постоянно доказывать, что занял это место по праву, и ставить планку все выше и выше

почему сегодня перестали снимать фильмы для детей?

— Сегодня кино стало, в основном, коммерческим — важна касса. А детское кино пришло в упадок — деньги после смерти Ролана Быкова в него не вкладываются. Что сегодня детям показывают? Сказки про Красную Шапочку и про Буратино, которые были сняты еще в восьмидесятых годах! Если вкладывают деньги в образование, в обучение детей, то почему не вкладывают их в детский кинематограф? Я этого не понимаю.

— Мы живем в стремительное и по-своему жесткое время. Надо уметь «крепко стоять на ногах», быть реалистом. А как же высокие идеалы? Ведь без них жизнь выглядит такой серой и однообразной. Что же, на ваш взгляд, важнее — реальность или Мечта?

— Дело в том, что люди, которые не мечтают, а их сегодня, увы, много, слишком приземлены. А когда человек мечтает, включается определенный пусковой механизм, который срабатывает внутри нас. Уверена: тот, кто умеет мечтать, может хотя бы на пятьдесят процентов воплотить свою мечту в жизнь. Ведь если нет мечты — нет и развития.

Я очень сочувствую законченным реалистам. Они мучаются, не понимая, что Господь помогает именно тем, кто благодаря своей мечте движется вперед. Если бы люди не умели мечтать, мир превратился бы в ад. Без надежды у человека опускаются руки. А мечта — это и есть Надежда.

— Сейчас много говорят о том, что время профессионалов куда-то ушло, и началось время дилетантов. А что вы об этом думаете?

— Полностью согласна. И я очень боюсь таких людей. Боюсь, когда говорят: и это я могу, и вот это я могу, я все могу. Поэтому и возникают большие проблемы в различных сферах. Я преклоняюсь перед профессионалами. Человек должен двигаться по своей колее, стремиться достичь ювелирности в своей профессии.

— Профессионал должен просто хорошо работать или все же по-настоящему любить свое дело?

— Считаю, что если ты чем-то занимаешься — это должно нравиться. На мой взгляд, работать без любви — все равно, что выйти замуж без любви. Представьте, что будет с человеком, если он станет ежедневно заниматься нелюбимым делом — какие бы деньги ему ни платили, его будет тошнить от всего. Начнется саморазрушение!

— Какие качества больше всего цените в людях?

— Очень ценю адекватность по отношению к себе. В свое время я много занималась спортом и выражусь спортивной терминологией: самое сложное — удержать результат. Ведь когда добиваешься определенного успеха, огромное количество людей могут сказать, что ты не по праву занял это место, что тебе просто в жизни повезло, и вообще, ты — случайность, просто был когда-то обаятельным ребенком, а обаятельность с годами проходит. И ты должен, стиснув зубы, постоянно доказывать, что занял это место по праву, и ставить планку все выше и выше.

Не люблю тех, кто постоянно ноет и жалуется. И не люблю, когда мной командуют.

— У вас — двое детей, и я знаю, что вы — замечательная мама. Как вы думаете, какими должны быть хорошие родители?

— Характер человеку дается от Бога. Хорошие родители подобны ювелирам — они гранят алмазы.

— Вы такой светлый человек, от вашей улыбки сразу же теплеет на душе. А сами себя считаете оптимисткой?

— Я — неисправимая оптимистка! И всем желаю того же! Когда человек настроен оптимистично, он идет вперед и только вперед.

— Что бы вы сегодня пожелали тем, кто вступает во взрослую жизнь?

— Надо думать о том, как ты живешь. Желаю, чтобы деньги не превращались в идола — это очень, очень страшно. Когда человек уходит из жизни, остаются его деяния, то, что он сумел создать. Главное, чтобы с тобой всегда были рядом верные друзья, пусть их будет немного, но это та точка опоры, которая необходима человеку в жизни.

Хочется пожелать и Оптимизма! Оптимист выигрывает всегда, в любой ситуации! И еще желаю, чтобы сбылись все сказочные мечты. ☺

премьера

Елена Воробьева
на подмостках

Опера
«СКАЗАНИЕ О НЕВИДИМОМ ГРАДЕ КИТЕЖЕ И ДЕВЕ ФЕВРОНИИ»

Премьера в Большом театре

Трудность постановки в том, что в наш век зритель больше двух действий не выдерживает. «Сказание» же предполагает достаточно неторопливое переживание. При этом сделать сокращения практически невозможно: так устроена музыкальная ткань.

В опере — четыре акта, и каждый длится около часа. Спектакль тонкий и поэтичный; гениальность режиссера Эймунтаса Някрошюса чудесным образом сочетается с великой музыкой Римского-Корсакова. В новой версии «Сказания» — множество самых невероятных сцен: и исчезающий волшебным образом город, и пророческие птицы, а также праздники, битвы, свадебные шествия и таинственные преобразования. На сцене, в виде декораций, присутствуют озеро, степь и лес, что придает спектаклю сказочный характер.

Эта премьера в Большом получилась красочной, фантастической, но при этом строгой. В этом также — заслуга сына Някрошюса, Мариуса, который создал декорации, вызывающие богатый ассоциативный ряд, и жены режиссера, Надежды Гультяевой, придумавшей традиционные и, в то же время, сказочные костюмы.

Партию Февронии исполняет Татьяна Моногарова (сопрано), партию Гришки — тенор Михаил Губский, а княжича Всеволода — Виталий Панфилов.

Спектакль
«ВИЗИТ ДАМЫ»

Премьера в театре «Ленком»

Премьера спектакля по знаменитой пьесе Фридриха Дюрренматта «Визит старой дамы» — это событие, которое удивит и порадует зрителя. Не зря почти полвека назад пьеса принесла Дюрренматту мировую известность. Фантастическая, и в то же время вроде бы вполне заурядная история о том, как в маленький провинциальный городок приезжает старая дама, мультимиллионерша. Она требует убить Альберта Ила, который в свое время поступил с ней жестоко, обещая за это миллиард. В постановке Морфова дама — вовсе не старая, что является неким «отступлением» от истории Дюрренматта.

Тема, затрагиваемая в произведении, глубока и пронзительна и сейчас: в джунглях цивилизации люди забывают о своем основном предназначении — о любви к Богу, к человеку, к природе, к искусству... Эта пьеса — о том, как деньги могут изуродовать человека, уничтожить его душу и убить его сердце. Поставил спектакль болгарский режиссер Александр Морфов, ранее уже заявивший о себе на ленкомовской сцене спектаклем «Затмение» по мотивам романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Женские роли исполняют Мария Миронова и Олеся Железняк. Главные мужские — Александр Лазарев-младший и Андрей Соколов. В спектакле также заняты Александр Сирин и Андрей Леонов.

В Москве открывается
Современный музей
каллиграфии

текст
Лиза
Макарова

Карен Аккоф, «Проект 6
стихотворения Омара Хайама»

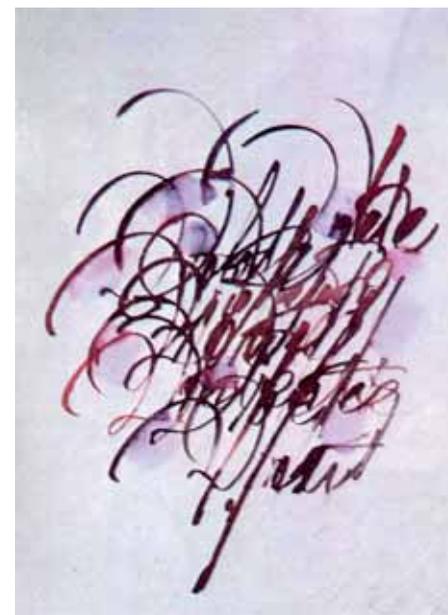
...Он растирает тушь на матовом стекле, добавляет воды. Размышляет — стоит добавить немного кожуры грецкого ореха или чуть-чуть конопляного масла? Кисточкой из меха тигра медленно проводит линию. Потом — еще одну...

Каллиграфия (от греческого *καλλιγραφία* — «красивый почерк») — искусство красивого и четкого письма — родилось не вчера. Говорят, что история китайской кисти насчитывает не менее 3000 лет: древние гадательные надписи на панцирях черепах и бычьих лопатках, относящиеся к эпохе Шан (XVI—XI вв. до н.э.), первоначально наносились с помощью кисточки, и только потом вырезались по кости ножом.

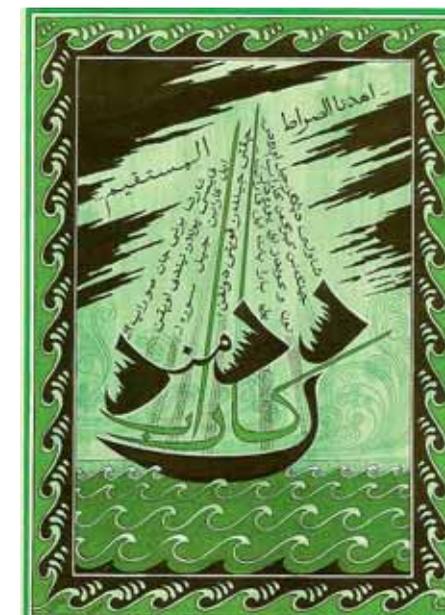
История хранит множество удивительных свидетельств того, как буквы становились картинами, отражая философию времени и целые научные картины мира. С 9 декабря изрядная часть таких свидетельств станет доступной москвичам и гостям столицы — в этот день состоится официальное открытие постоянной экспозиции Современного музея каллиграфии — в КВЦ «Сокольники» (Сокольнический вал 1, павильон 7).

В нашей стране это первый музей, посвященный искусству письма.

Организаторы:
«Национальный Союз Каллиграфов» и
Выставочная компания MVK хотят та-

Евгений Добровинский, Россия,
Москва. «Композиция»

Назим Исмагилов, Россия, Казань.
«Корабль» (стихотворение татарского
поэта начала XX века Дардмэнда
(Закир Рамиева)

Георгий Козубов, Россия,
Москва. *Sreiben*

Томас Ингмайер, США.
Tabula Gratulatoria

Карен Аккоф, США.
«Земляной волк»

На выставке будут представлены работы ведущих каллиграфов России, Белоруссии, Украины, а также экспозиция зарубежных каллиграфических школ стран Европы и Прибалтики, США, Израиля, Китая, Японии, Сирии, Монголии, ОАЭ, Турции, Австралии, Индии, Тайваня, Палестины, Иордании, Бразилии, Перу, Армении и Ирана

Слева:
Клаудио Жиль,
Бразилия.
«Синий
алфавит»

ким образом возродить забытое в России искусство каллиграфии, сделать его доступным, создать среду для его дальнейшего развития.

В музее выставят уникальные образцы письма, включая мировые шедевры. Это и примеры славянского письма, работы европейских мастеров, утонченные образцы еврейской школы каллиграфии. Среди экспонатов — примеры древней письменности, раскрывающие историю ее возникновения и отражающие новые грани изобразительного искусства. На полках нового музея расположатся инструменты для письма, отечественные и зарубежные книги по искусству каллиграфии, редкие рукописные издания, выпущенные единичными тиражами.

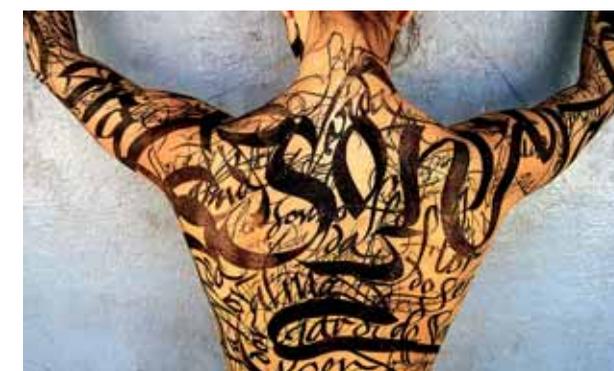
Будут выставлены и образцы прикладной каллиграфии — вышивка, гравировка на предметах быта и пр., а также — первая рукописная Конституция РФ. Ее подготовили совместными усилиями «Национального Союза Каллиграфов» и издательства «Редкая книга» (Санкт-Петербург). Кстати, нашу большую конституцию «от руки» можно будет сравнить с ее миниатюрным аналогом. А также полюбоваться крохотными конституциями США, СССР, стран СНГ, Азии и Европы — в рамках проекта «Тайны мировой каллиграфии».

Ведущие каллиграфы проведут мастер-классы для специалистов, а для обычных посетителей пройдут практические уроки письма. Ведь каллиграфия — это необычайно красиво, и радует не только шрифтовиков и дизайнеров, но и любого ценителя живописи и иллюстраций. Каллиграфия помогает лучше понимать живопись и техники художников.

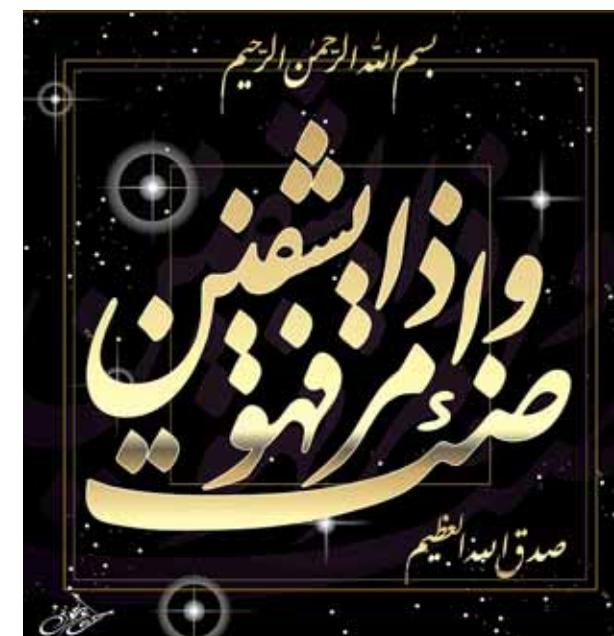
«Смена» советует вооружиться лупой и внимательно рассмотреть каждый штрих, каждую капельку туши и наклон буквы, шероховатость бумаги, в совокупности передающие эмоции и мысли мастера. ☞

Абу Афаиш Хасан, Палестина.
«Не существует божества, кроме Бога»

Клаудио Жиль, Бразилия.
«Графическое движение»

Абу Афаиш Хасан, Палестина.
«Если я болен, Он излечит меня»

Легенда рок-сцены — о правде, «самости» и «гитаре-кормилице»

Их мало осталось на сегодняшнем рок-небосклоне — истинных героев своего времени, ставших кумирами целого поколения. Еще меньше — тех, кто не рвется на телеэкраны, не мелькает на светских тусовках, редко дает интервью. Лично ему — человеку, который давно всем все доказал — это незачем: и сегодня, в дни пятидесятилетнего юбилея, он выглядит, как полководец на лихом коне. Тем более, что за спиной у него — по-прежнему преданная «Армия «Алисы»

Константин Кинчев:

«Я — не великий!»

текст
Андрей
Колобаев

— **Вы — кумир, одиозный герой...**

— Да, шлейф-то колоссальный за мной стелется. Правда, весь придуманный — на домыслах, сплетнях... Кому-то я кажусь ужасным, кому-то — великим. Только и то, и другое — неправда.

— **А что — правда? Каким себя считаете на самом деле?**

— Да просто человек, и все. Живу своей жизнью, делаю то, что считаю нужным. При этом, правда, не обращаю внимания, удобно это кому-то или нет, нравится или не нравится. Поэтому и набивал шишки в свое время. И до сих пор иногда набиваю.

— **Говорят, с тех пор, как Кинчев стал верующим и покрестился, он не пьет спиртного, не выступает с концертами во время постов и регулярно посещает церковь. Не внесло ли это раскол в ряды «Алисаманов»?**

— Поскольку я — человек публичный, о своем выборе имею возможность заявить открыто и честно, что и делаю в песнях. Кто воспринимает их — спасибо большое, а кто не воспринимает — имеет право. Я все равно благодарен всем, кто приходит на мои концерты, независимо от того, разделяют они мое мировоззрение или нет.

— **Расскажите, вы о сцене мечтали с детства?**

— Хотел стать звездой хоккея. На каком-то этапе своих занятий спортом я осознал, что чисто физически не смогу добиться больших успехов в хоккее. Поэтому «переквалифицировался» в рок-звезду.

Учился до кровавых мозолей на пальцах. Усидчивость и упертость у меня были всегда, вот я и обложился учебниками по теории музыки. Затем поступил в школу джазовой импровизации по классу бас-гитары. Сколотил дворовую группу, мы начали выступать на соседней фабрике, где имелся красный уголок с инструментами и условие: играть туш во время награждений почетными вымпелами передовиков и ударников производства.

А в 1977-м мы уже играли на танцах — репертуар Deep Purple, Black Sabbath, Creedence. Правда, пели «на птичьем языке», поскольку английского не знали. Каждое наше выступление традиционно начиналось с массовой драки, а где-то на третьей песне прекращалось.

— **В вашей биографии значитесь певческое училище при Большом театре. Неужели Константин Кинчев пел арии из итальянских опер?**

— Учился петь арии... Изучал итальянский язык. Забавная история вышла с моим поступлением. Сидел я в своей любимой пивной в районе ВДНХ, видимо, крепко выпил и, как обычно, что-то громко

запел. Ко мне подошел парень: «У нас в училище при Большом театре заканчивается прием. Не хочешь попробоваться?». Я пришел на второй тур, спел романс «Гори, гори, моя звезда», и меня взяли. Когда принимают в такое музыкальное заведение со второго тура, без первого и третьего, это тешишь самолюбие. Но через год я ушел из школы. Роль восьмого номера в хоре меня не удовлетворяла, а вокальных данных для того, чтобы быть солистом, не хватало.

— **У вас с детства такой максималистский характер — не удовлетворяться малым?**

— У меня было неистребимое желание петь свои песни, и только это мной двигало. Вообще-то, я по жизни — оптимистичный человек. По крайней мере, стакан я всегда воспринимал как наполовину полный, а не как наполовину пустой.

— **А как вы оказались в ленинградском рок-клубе?**

— В конце 70-х в Москве началась сильная зачистка от «тлетворного влияния Запада». Как раз в это время я первый раз уехал в Питер, и был поражен его духом свободы и раздолбайства. К тому же там был мощный рок-клуб. Там жила моя любимая девушка Аня, на которой я потом женился и от которой у меня — сын Женька. Мы прожили вместе до 1989-го. Потом у меня появилась моя нынешняя и, надеюсь, окончательная любовь — Саша.

Некоторое время играл и пел свои песни на «квартирниках», у меня уже были свои почитатели. Поскольку как иногородний я не мог вступить в рок-клуб, я пришел туда в составе «Алисы». Но... со своим репертуаром. Название группы придумал Слава Задерий. Это как-то связано с Льюисом Кэрроллом. В переводе с греческого «Алиса» читается как «правда», и лично мне эта версия больше нравится.

В ноябре 1984-го мы начали репетировать, в феврале сыграли первый концерт. А признанной звездой я стал в один день — во время третьего рок-фестиваля, который добил всех уже окончательно.

Атмосфера питерского рок-клуба была абсолютно бесребренническая и очень творческая. Мы выступали на концертах бесплатно и при этом были, как единое целое. Это был «золотой» век рок-н-ролла в России.

— **На что же рокеры и, в частности, вы жили?**

— Я работал с 16 лет — фрезеровщиком на заводе, чертежником, художником-оформителем и даже натурщиком в Суриковском училище. Просто искал работу с ненормированным графиком, чтобы было свободное время для занятий рок-н-роллом.

Это все из-за «самости» — самолюбования, сочувствия себе любимому. Отсюда — муки творчества, депрессии, пьянки. Называется это — звездная болезнь

Я одновременно совмещал должность пожарного в театре Маяковского, грузчика в булочной и администратора в женской баскетбольной команде. И заработок у меня был 400 рублей — по тем временам — очень хорошие деньги. А уж когда в «Алису» пришел и отовсюду пришлось уволиться, меня и мою семью кормили только «квартирники».

Даже за роль во «Взломщике» я получил какие-то смешные копейки. А за то, что «Мелодия» издавала миллионными тиражами наши пластинки «Энергия», «БлокАда», нам платили по существующим в ту пору тарифам — 1/10 копейки с проданного экземпляра. То есть, считай, тоже почти ничего. А мой «квартирник» стоил от 20 до 40 рублей, в месяц выходило рублей 320. Нормально! Нам с женой и сыночку хватало. Я свою гитару-двенадцатиструнку «кормилицей» называл.

— В серьезные переделки приходится попадать?
— После концерта во Дворце спорта «Юбилейный» в 1987 году, когда власть решила меня «закрыть» всерьез и надолго. Начали травлю в прессе, возбудили уголовное дело, и потом полгода я был вынужден передвигаться по Питеру только со свидетелями, иначе убили бы. Я не шучу. Я писал кровью в течение полугода, потому что, как чуть-чуть зазеваешься, тебя закрывают и... Инкриминировали организацию беспорядков, избиение милиции и то, что якобы на концерте я кричал «Хайль Гитлер!» и пропагандировал фашизм. Это была их главная ошибка. Мы повезли фонограмму концерта на Петровку, 38, провели экспертизу, которая показала, что ничего подобного не звучало. Дело мое не только закрыли, но и опубликовали опровержение в том издании, которое меня гнобило.

— Вы упомянули о рок-братстве и «золотом веке рок-н-ролла» в прошедшем времени...

— Я — сам себе командир. Поэтому предпочитаю с апреля по ноябрь жить в деревне. В Москву приезжаю зимовать. Просто живу. Со всеми вытекающими деревенскими бытовыми хлопотами. У меня там есть баня, студия, где я занимаюсь музыкой, и тренажерный зал со станком и штангой, чтобы здоровье поддерживать. Живу на берегу озера и иногда уплываю на катере далеко, на север — на Онегу и Ладогу, дней на 5—7. И там ловлю лосося.

— Как проводите свободное время? Я знаю, что вы — заядлый рыбак...
— Конечно! Пил много и запойно, причем это был не бытовой алкоголизм. Я мог подолгу не пить, а потом, дней на пять зависал так, что непонятно, где и с кем просыпался. Слава Богу, все — в прошлом.

— А чем вы занимаетесь в деревне?
— Просто живу. Со всеми вытекающими деревенскими бытовыми хлопотами. У меня там есть баня, студия, где я занимаюсь музыкой, и тренажерный зал со станком и штангой, чтобы здоровье поддерживать. Живу на берегу озера и иногда уплываю на катере далеко, на север — на Онегу и Ладогу, дней на 5—7. И там ловлю лосося.

— Вы — 35 лет в рок-н-ролле, 25 — в «Алисе». Да и пятидесятилетие — прекрасный повод взяться за мемуары. Не хотите написать «страшную правду» о «золотом веке» рок-н-ролла?

— Я — не писатель. И потом, серьезно отношусь к любому творчеству и понимаю, что процесс может отнять несколько лет. Песни — совсем другое дело, они вдохновляют, окрыляют и поглощают.

— Если окинуть пройденный путь критическим взором, какой период жизни назвали бы самым счастливым?

— Да все как-то ровненько и все очень неплохо. И поэтому дай Бог, чтобы был мир во всем мире, и чтобы все вокруг были здоровы и счастливы. ☺

— Рокеры брали на себя смелость петь и говорить то, о чем думало все население страны. Когда живешь в тюрьме, она объединяет единомышленников для одной великой цели — достижения свободы. Но когда эту свободу получаешь, каждый трактует ее по-своему. Поэтому дальше каждый идет своей дорогой, и братство распадается.

Выход на стадионы показал, что многие в принципе не готовы к таким площадкам. Кто-то с очевидностью понял, что, когда все рамки и запреты сняты, им фактически петь не о чем. Много достойных людей из первой рок-волны умерло — Цой, Майк Науменко...

— В чем принципиальное отличие Кинчева двадцатилетней давности от сегодняшнего?

— Глупостей в жизни наделал очень много, переоценивая себя и собственную значимость. Это все из-за «самости» — самолюбования, сочувствия себе, любимому. Отсюда — муки творчества, депрессии, пьянки. Называется это — звездная болезнь.

— Удалось переболеть?

— Конечно! Пил много и запойно, причем это был не бытовой алкоголизм. Я мог подолгу не пить, а потом, дней на пять зависал так, что непонятно, где и с кем просыпался. Слава Богу, все — в прошлом.

— Как проводите свободное время? Я знаю, что вы — заядлый рыбак...

— Конечно! Пил много и запойно, причем это был не бытовой алкоголизм. Я мог подолгу не пить, а потом, дней на пять зависал так, что непонятно, где и с кем просыпался. Слава Богу, все — в прошлом.

— А чем вы занимаетесь в деревне?
— Просто живу. Со всеми вытекающими деревенскими бытовыми хлопотами. У меня там есть баня, студия, где я занимаюсь музыкой, и тренажерный зал со станком и штангой, чтобы здоровье поддерживать. Живу на берегу озера и иногда уплываю на катере далеко, на север — на Онегу и Ладогу, дней на 5—7. И там ловлю лосося.

— Вы — 35 лет в рок-н-ролле, 25 — в «Алисе». Да и пятидесятилетие — прекрасный повод взяться за мемуары. Не хотите написать «страшную правду» о «золотом веке» рок-н-ролла?

— Я — не писатель. И потом, серьезно отношусь к любому творчеству и понимаю, что процесс может отнять несколько лет. Песни — совсем другое дело, они вдохновляют, окрыляют и поглощают.

— Если окинуть пройденный путь критическим взором, какой период жизни назвали бы самым счастливым?

— Да все как-то ровненько и все очень неплохо. И поэтому дай Бог, чтобы был мир во всем мире, и чтобы все вокруг были здоровы и счастливы. ☺

cd

Кирилл Подоляк
cd-бульвар

Rachael Yamagata «Elephants... Teeth Sinking Into Heart» (США, Acoustic, Folk). Warner Bros. Records, 2008

Кузница мирового шоу-бизнеса представила вторую студию работу Рейчел Ямагата. Рейчел — американская японка в четвертом поколении. Композитор и пианистка. Молодой автор звезд с неба не хватает, впрочем не метит; творчество — прежде всего. До выхода диска работы Рейчел слышали очень многие. Могли не знать лишь автора музыки: ее композиции нередко используются в фильмах и сериалах. Альбом условно поделен

на две части. Первая состоит из музыки, отражающей спокойствие, умиротворенность, душевность личности автора. Вторая же — более экспрессивная, бодрая, с отголосками стиля surf (пляжный рок-н-ролл), вполне достойная масштабных концертных выступлений. Музыкальное направление не поддается четкому определению. Это смесь акустики и фолка, но последний едва обнаруживается. Лучшее всего отнести работу к «просто хорошей музыке».

AC/DC «Black Ice» (Австралия, Rock'n'Roll). Columbia, 2008

Количество музыкантов, возвращенных на энергичных партиях австралийцев, неисчислимо. Парни в школьных костюмах и главный «заводила» с галстуком, Ангус Янг, еще на волне. Последняя их работа претендует на не меньшие результаты, нежели чем знаменитые альбомы 70-х. Впервые за долгое время диск AC/DC радует во всех отношениях. Прежде всего тем, что слушается на одном дыхании. Казалось бы, куда расти дальше, но у мастерства и таланта нет предела. Альбом переполнен заводными, ритмичными, мелодичными и красивыми композициями. Ангус и Джонсон (вокал) традиционно неподражаемы. Кажется, будто годы над ними не властны (еще бы, ведь каждый участник группы — под бо и более лет). Рок не умер — он здесь, и сейчас несется вслед за AC/DC, как локомотив, погружая всех приверженцев в музыкальный восторг.

Nino Katamadze & Insight «Blue» (Грузия, Jazz). «Грузия рекордс», 2008

Культура и война несовместимы, ибо живут разными ценностями. Несмотря на тянущийся конфликт между нашими странами, ничто не мешает русским меломанам наслаждаться грузинской джазовой певицей Нино Катамадзе. Незаурядная, при жизни ставшая легендой, Нино еще на заре своего творчества создала фонд помощи инвалидам и социально незащищенным артистам. Она — настоящий профессионал своего дела, развивающий традиции классического джаза. Прослушивание альбома ввергает слушателя в настоящий культурный восторг. Красивые композиции, украшенные чистейшим джазовым вокалом Нино, выполнены на высочайшем уровне. Джаз — это не просто музыка, это тончайшее чувство жизни, ритма, настроений. С Nino Katamadze & Insight «Blue» слушатель впитывает весь калейдоскоп эмоций, переданный певицей.

Qntal «VI Translucida» (Германия, Darkwave, Средневековье). Drakkar Entertainment GmbH, 2008

Что только не совмещали со средневековой музыкой! На этот раз перед нами — микс с современной электроникой, поп-ом и готикой. Казалось бы, смесь гиппопотама с трехколесным велосипедом, да еще и с бантиком? Ан нет, по факту оказалась очень интересное творение. С первых же нот слушатель втягивается в мистическую, расслабляющую атмосферу. Все композиции образуют целостную картину сказочного мира, приоткрывая завесу тайн мироздания, убеждая нас в реальности мифов, легенд, великих сражений и загадочных персонажей. Отдельного упоминания заслуживают вокальные партии, исполненные с убедительной проникновенностью и характерным средневековым оттенком. Группа подтверждает способность музыки порождать любые образы и проникать до глубины души. Местами, конечно, альбом мрачноват, чрезмерно мистичен, тем не менее это не умаляет его оригинальности.

В ЦДХ выставили работы
номинантов премии
Кандинского

Детские плакаты и прочий трэш

Саддам Хуссейн, совокупающийся с Хиллари Клинтон, Слободан Милошевич, вступающий в интимную связь с Кондолизой Райс. Бомжи во всей своей неприглядной красоте. Трупы в моргах. Ноги висельника. Все это — с комментариями из Нового Завета. Социальная живопись стала модной. Бунтарство и эпатаж популярны в этой среде уже давно. С некоторых пор это стало еще и прибыльным — второй год подряд молодым художникам вручают весомые премии. Призовой фонд премии Кандинского составляет около 50 тысяч евро.

На выставке номинантов премии-2008 побывал корреспондент «Смены»

Олег Доу
«Toystory»

Марина Федорова
«Проект «Одинокие»»

Премия Кандинского была учреждена год назад культурным фондом «АртХроника». Тогда выставка номинантов проходила на площадке Винзавода, в ноябре 2008 заняла весь третий этаж ЦДХ. Масштабы премии растут с каждым годом, и помещений бывшего винного склада уже не хватает шестидесяти художникам, заявленным на соискание награды.

Сменив спонсоров и место проведения, премия не изменила основной задаче: демонстрации основных тенденций в развитии современного актуального искусства в нашей стране. Сумма призового фонда позволяет премии Кандинского занять место в одном ряду с британской премией Тернера и французской премией Марселя Дюшана. И, конечно, противопоставить себя государственной «Инновации», которая не может похвастаться столь значительным бюджетом.

«Ничего подобного в нашей стране еще не было. Премия Кандинского проходит с

таким большим размахом еще и благодаря тому, что спонсоры стали больше интересоваться современным искусством. Ведь помимо ценности культурной, оно стало иметь ценность материальную...», — рассуждает Игорь Маркин, владелец музея Art4ru и крупнейший коллекционер России.

Помимо денег, молодые художники получают и хороший творческий старт. В прошлом году после завершения московской выставки, работы всех участников премии Кандинского были представлены в Риге и Берлине. Проекты номинантов этого года будут показаны в Киеве и Лондоне.

Список участников обновился, но организаторы позволили выставляться и прошлогодним номинантам премии.

«Евангельский проект» Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой. Врубель всегда тяготел к социальным проблемам, но в этот раз превзошел сам себя. Бомжи и женщины в хиджабах, трупы в моргах и

Дмитрий Врубель,
Виктория Тимофеева
«Евангельский проект»

И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился.

Жюри премии

Валери Хиллингс, куратор Музея Соломона Р. Гуггенхайма, Андрей Ерофеев, заведующий Отделом новейших течений Государственной Третьяковской галереи, Жан-Юбер Мартен, куратор Национальных музеев Франции и многие другие.

Поддержка премии

Deutsche Bank, ИФД «Капитал» и журнал «АртХроника».

текст
и фото
Анна
Шеркунова

Олег Доу
«Toystory»

ноги висельника-самоубийцы — все это «приправлено» цитатами из Нового Завета: «Ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы не родившие, и сосцы непитавшие...» Нельзя сказать, что Врубель оскорбляет чувства верующих, скорее наоборот. Плакаты будто призывают к терпимости и состраданию ближнему.

Айдан Салахова представила «Персидские миниатюры», уже знакомые москов-

половым органом, «Персидские миниатюры» — весьма целомудренны. Однако сама Салахова считает «картинки из гарема» более «откровенными», потому что здесь мы видим «женскую душу, гораздо более эротичную, нежели тело».

Работы «Синих носов» в прошлом году едва не попали под запрет. Министр культуры Александр Соколов пытался закрыть выставку «Соц-арт: Политическое искусство в

Александр Климов
«Милла Йовович»

скому зрителю по недавно прошедшей выставке художницы в галерее «XL» на Винзаводе. Тема женщины в исламе проходит через все ее творчество. По сравнению с предыдущими работами художницы, где она изображала мусульманку, склонившуюся над мечтью так, будто склонилась она над мужским

России», где была представлена работа «Синих носов» «Целующиеся милиционеры». На премии Кандинского-2008 художники представили «Целующихся балерин» в болоте под Рязанью. Плюс скандальный проект «Голая правда», где обнаженные люди в масках реальных деятелей изображают, как «занимаются любовью» Саддам Хусейн с Хиллари Клинтон, Слободан Милошевич — с Кондолизой Райс, Борис Березовский — с британской королевой.

Нечто подобное можно было увидеть на выставке номинантов премии Кандинского и в работах группы «ПП», также когда запрещенных в рамках «СоцАрт». Художники не стали оригинальничать и выставили те самые скандальные работы из серии «Установки мобильной агитации». В фотоколлажах наглядно живописуется дружба между Россией и Китаем: китайцы «любят» наших женщин на столах с видом на Кремль.

Досталось и современной поп-культуре. В центре видеoinсталляции Владлены

Марина Федорова
«Проект «Одинокие»»

Громовой «Поп-арту посвящается» — мусорное ведро. Внутри него — пластиковый пакет. Дует ветер, края пакета начинают колыхаться, звучит знаменитая песня «I wanna be loved by you» Мэрилин Монро. Игорь Пестров представил серию работ из проекта «Цивилизация потребления». На картинах — куча из старой обуви, головы поросят, под которыми красуются типично детские фразы «конфетку хочу», «машинку хочу» и т.п.

выносит свое, глубоко субъективное, решение. И не факт, что работы тех, кто не вошел даже в лонг-лист, хуже работ номинантов Премии.

Но то, что премия Кандинского существует — это прекрасно. И желательно, чтобы таких премий становилось больше. Ведь конкуренция должна существовать не только среди художников, но и среди тех, кто их поощряет. ■

Дмитрий Врубель,
Виктория Тимофеева
«Евангельский проект»

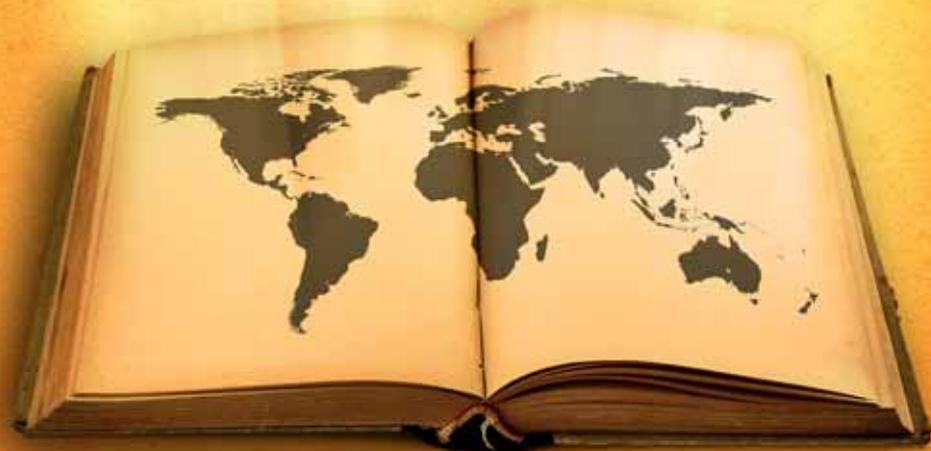
Григорий Ющенко нарисовал звезд отечественной эстрады в духе творчества пятилеток, приправил фразами типа «Мясные мухи — это мой выбор», и назвал проект «Укусы насекомых». В прошлом году он номинировался на премию с серией «Реклама наркотиков». Сам автор называет свой стиль «экзистенциальный трэш». Увы, трэша много, а вот с экзистенциализмом у юноши все плохо (впрочем, как и с изобразительными средствами, качеством работ). В общем, если бы журналу «Смена» предложили отбирать работы, мы бы его ни за какие коврижки не взяли.

Кстати, в этом году организаторы убрали номинацию «Приз зрительских симпатий». Учредитель премии Шалва Бреус объяснил это тем, что в прошлом году было слишком много подтасовок. Теперь только члены жюри вправе решать, что же сейчас актуально, а что нет. Но любое жюри, каким бы компетентным оно ни было,

Дмитрий Цветков
«Проект
«Я горжусь!»»

Народы дружат книгами

Русский остается главным культурным языком в СНГ

Кризисы приходят и уходят, а любимые писатели и поэты всегда остаются с нами. По знаковому совпадению, богатый на кризисы и конфликты 2008 год, на пространстве СНГ был еще и Годом литературы и чтения.

Решение о том, что год станет «литературным», было принято на высшем уровне — руководителями стран СНГ. Среди организаций, претворивших этот замысел в жизнь, особое место занимает Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества (МФГС), объединяющий восемь стран — Россию, Азербайджан, Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан.

Поэты и прозаики, переводчики и библиотекари, издатели и филологи — круг людей, охваченных проектами МФГС, оказался весьма широким. Участники этого многонационального сообщества получили еще одну возможность обменяться идеями и совместно реализовать свои замыслы. В Ереване, например, состоялся II форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии, в Душанбе — III форум творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ, в Узбекистане — VI Ташкентский открытый фестиваль поэзии.

Организаторы рассказывают, что в первую очередь они старались привлечь к участию в различных форумах и конференциях людей молодых. И тот живой интерес к стихам, к современной и классической литературе, который демонстрировали двадцатилетние и тридцатилетние — это доказательство успешности; свидетельство того, что МФГС движется в правильном направлении. Об этом свидетельствует и большое количество участников премии «Содружество дебютов» для молодых поэтов, одной из самых масштабных культурных акций Фонда в этом году.

Среди издательских проектов Фонда, посвященных культурам соседних стран, — публикация сказок народов СНГ, а также издание пятитомной антологии классики национальных литератур. Чтобы сделать классические произведения более доступными, запущен проект фундаментальной электронной библиотеки «Эпос и литература народов Евразии». Читателей со стажем, безусловно, обрадует и новость о возрождении знаменитой книжной серии библиотеки журнала «Дружба народов».

Сотрудники МФГС объясняют, что замысел Года литературы и чтения возник именно потому, что в век электронных технологий и соответствующего воспри-

ятия литературного текста необходимо сохранить культуру чтения книги.

На фоне многочисленных дискуссий о реальном влиянии России на постсоветском пространстве, в культурной сфере, роль русского языка остается очень важной.

— Можно ли себе представить, что в Узбекистане киргизского или белорусского писателя будут читать по-английски или по-турецки? — рассуждали переводчики и издатели стран СНГ и Балтии в Ереване. — Нет, там будут читать русское издание его книг, равно как и с украинским автором армянские или молдавские читатели будут знакомиться на русском. Так уж сложилось, что российская система издания и распространения книг — самая развитая и эффективная в сравнении с аналогичными системами у наших соседей. И если автор не может пробиться к аудитории, потому что в его собственной стране попросту не работают издательские структуры... почему бы

Среди издательских проектов Фонда, посвященных культурам соседних стран, — публикация сказок народов СНГ, а также издание пятитомной антологии классики национальных литератур

ему и не выйти на российский книжный рынок? Литература сегодня — еще и бизнес, это необходимо признать.

Так что авторы искренне заинтересованы в деятельности Фонда, а цель Фонда и состоит в том, чтобы знакомить читателей с культурой соседей. Организаторы Года чтения уверены — здесь не может идти речь о какой-то «русской экспансии», это гуманитарное сотрудничество в чистом виде. Нет и попыток воссоздать культурное пространство СССР — не получится. Нужно строить новое социально-экономическое и гуманитарное пространство, в котором будет комфортно жить всем.

Если в рамках «Содружества дебютов» участвуют даже молодые литераторы Грузии и Украины (формально не входящих в МФГС) — стоит ли сомневаться в востребованности и необходимости межкультурного взаимодействия? ☐

текст
Олег
Переводин

Сильный пол переживает увлечение фотографией

В чем фокус, брат?

«Это лучше, чем секс, — говорит про увлечение фотографией автор «Смены» Юлиан Рибиник. — Это дает мне возможность видеть особенное в повседневном, дает радость жизни. Но, вообще-то, я ведь — непрофессионал».

Юлиан — член художественной галереи Soho Gallery (New York), признанный фотомастер мирового класса. Непрофессионал?! Имеется в виду, что деньги он зарабатывает не этим. Рибиник — инженер по защите информации в крупной американской компании, которая занимается разработкой программного обеспечения для отслеживания операций с конфиденциальными данными.

Когда в 2002 году начался дигитальный бум, Юлиан купил себе цифровую «мыльницу». Когда аппарат перестал его устраивать по скорости и качеству, приобрел «зеркалку»*. Потом вспомнил, что у папы есть старый «Зенит», стал снимать на пленку. Потом нашел древний «Пентакс», купил еще парочку антикварных фотоаппаратов плюс парочку современных, мощных, обрел единомышленников...

Сейчас он посвящает фотографии минимум час в день. С каждым месяцем таких мужчин, как он, становится больше.

текст
Ирина
Толстошеева

* Имеется в виду фотоаппарат, использующий для выбора объекта съемки видоискатель, в оптическую схему которого входит зеркало, перенаправляющее световой поток от объектива в окуляр или на матовое стекло.

В июне этого года Дмитрий Медведев на саммите Россия-ЕС сделал необычный подарок руководству Евросоюза — альбомы со своими любительскими снимками. Этот подарок закрепил моду на увлечение фотографией среди отечественных мужчин. А поступок президента придал невинному хобби статусность.

Дмитрий Медведев любит снимать пейзажи. Фотографированием пейзажей давно увлекается и другой чиновник — Сергей Ястржембский, помощник президента РФ с 2000 года. У него даже уже прошло несколько персональных выставок. Знаем мы и руководителя одной из районных управ Москвы, который купил хороший профессиональный аппарат и теперь регулярно проводит в своем районе фотовыставки с участием собственных работ. И председателя правления крупного банка тоже знаем не понаслышке — иногда он дарит одному из сотрудников «Смены» отличные снимки собственного «сочинения».

Увлечаться фотографией стало модно, даже престижно. Молодые мужчины «меряются объективами»: выясняют, у кого фотоаппарат круче. «Пока у меня Nikon 60D с оптикой: скромнее некуда», — сокрушается инженер-сметчик московской компании Иван Гайтров. В свободное время Иван фотографирует пейзажи. Его хобби началось именно с этого: «Когда попадаешь в красивое место или видишь шедевры архитектуры, очень хочется их запечатлеть». Не ради моды, на память. «Поначалу штудировал тематические сайты, — рассказывает Иван. — Потом записался на курсы к Володе Остапенко. Теперь пытаюсь воплощать знания в жизнь». К репортажам и спортивным съемкам обещает перейти по мере увеличения набора объективов. Зарабатывать на любимом деле пока не планирует.

Москвич Кирилл Кравченко тоже всерьез занимается фотоделом. К увлечению пришел случайно. «Сначала у меня был простенький дешевый фотоаппарат, — рассказывает он. — Потом я расстался со своей девушкой и задумался, чем же заняться, чтобы отвлечься от дурных мыслей. Кирилл купил Canon-40D с двумя сменными объективами. Покупка обошлась ему в 86 тысяч рублей. «Аппарат брал «на вырост», — смеется Кравченко. — Как им пользоваться, разбирался по ходу».

Фотоаппарат изменил его обладателя. «Я понял, что через видоискатель появляется другой угол зрения на все вещи», — признается молодой человек. Кирилл подумывает о том, чтобы в дальнейшем зарабатывать как фотограф.

**Рустам Байрамов,
Иерусалим, 34 года.
Занимается
локализацией**

(перевод компьютерного софта на другие языки).

**Участник выставок
в Москве, его уважает
фотосообщество**

«Я начал снимать на мыльницу «Олимпус», после того, как увидел на фотосайте красивые фотографии и понял, что тоже так хочу. Потом привил себе вкус и купил пленочный механический фотоаппарат. Дальнейшим движущим элементом стали самокритика и поиск фотоязыка, при помощи которого я хотел показать мир таким, каким я его вижу».

<http://rust74.livejournal.com> ▼

Максим Житов, Москва, 25 лет. Сейлз-менеджер компании «Белый ветер»

«Однажды мне посчастливилось купить в нашем магазине Canon 350D за 9000 р. — нереальная для Москвы цена за такой аппарат. Он тогда минимум стоил в два раза больше. Сначала снимал ради интереса, потом это стало моей отдушиной, машиной времени, психологическим якорем, помогающим возвращаться в приятные моменты».

www.maxim-perepelitsa.gallery.ru ▼

В современных условиях это несложно. Яркий пример тому — фотографы столичных печатных изданий, из которых специальное образование имеется примерно у половины.

Евгений Гладин — один из фотографов, пришедший в профессию без особых знаний. Сейчас Евгений — фотограф и руководитель бильд-отдела в сети газет «Мой район». «Раньше я работал обычным журналистом, — вспоминает он. — В нашей редакции не было штатного фотографа. Был простой фотоаппарат, на который снимали сами журналисты. У меня работы получались лучше, чем у других. Тогда мне купили довольно приличный фотоаппарат и сказали: «Работай фотографом».

Гладин говорит, что среди коллег-фотографов большую часть составляют дилетанты. «Вернее, люди, «которые сделали себя сами», — поправляется он. — Мальчишками они увлекались фотографией, потом получили работу, а необходимые знания и навыки приобретали уже впоследствии».

Сейчас фотографии непрофессионалов используются в СМИ, из них собирают выставки. Например, редакция сайта AroundMe.ru организовала FotoWeekend, участникам которого нужно было сфотографировать необычные места Москвы в течение одного дня. Редакция получила 10 тысяч работ. Это наглядно говорит о том, сколько людей увлекаются фотоделом в одной только Москве. «У авторов этих снимков нет супермении, — рассуждает Евгений Глазкова, редактор сайта AroundMe.ru. — Но мы оценивали их не по мастерству, а по оригинальности идеи, юмористическому подходу». Фотографии победителей в сентябре выставили в «Доме Нащокина».

Фотовыставки довольно часто устраивают и другие столичные галереи, выставочные залы и музеи с именем (такие, как Третьяковская галерея): фотоискусство сегодня очень популярно. И каждый увлекающийся им молодой и не очень мужчина может при грамотном подходе не только получить удовольствие и самореализацию, но и заработать себе имя и какое-никакое состояние.

P.S. Есть, конечно, и девушки-фотографы. Но это уже — совсем другая история. ☒

Руководство чайника

В снимках «зеркалки» — ярче и точнее цвета, меньше геометрических искажений и шумов. Она избавляет от «смазанных» кадров, «вытягивает» съемку в темных местах и одновременно не дает яркому солнцу засветить кадр. Важное преимущество зеркалок — наличие сменных объективов разных типов и ценовых категорий. Профессионалы рекомендуют начинать с Canon, либо Nikon. Качественной разницы между ними нет — это, что называется, вопрос религии. Купите Nikon D 40 (от 12000 р.) или Canon 450 D (от 16000 р.), «стартовые» модели зеркальных линеек, плюс внешнюю вспышку (от 4—6 тысяч рублей), сумку, штатив. И — снимайте!

Алексей Коньков, Москва, 35 лет. Арт-директор сети газет «Мой район»

«Начал с того, что купил Canon 10D, потом Canon 20D, потом — Canon 5D. Получаю с помощью фотоаппарата простое человеческое счастье: люблю делать красивые картинки. Это как на гитаре играть или на велике кататься — интересно, приятно, можно разделить это увлечение с друзьями, расти внутри него».

phot.photosight.ru ▼

В 1961 году Роберт Кеннеди сказал, что верит: через 40 лет негр (тогда это слово было политкорректным) сможет стать Президентом США.

Раньше, чем эту тему впервые озвучил политик, ее стал разрабатывать Голливуд. Правда, в самом первом фильме, допускавшем такую возможность, главный герой стал президентом... во сне.

Через 40 лет кинематограф предположил, что подобное может произойти в результате цепочки катастрофических событий. Темнокожие президенты в кинематографе 90-х — символ фантастичности сюжета.

В фильмах последнего десятилетия они уже — герои событий, происходящих почти здесь и сейчас.

Результат выборов 2008 года в Америке вполне логично продолжил бы наш список, пополнив его самым сложным жанром — реалити.

Кинопрезиденты

◀ **«Rufus Jones for President»**
Warner Brothers, 1933
Музыкальная комедия

Фильмы Роя Мака часто открываются натуралистичными картинками реального мира: например, следуя за человеком, который пытается найти работу в период Депрессии. Правда, потом, по желанию режиссера, начинаются музыкальные номера, и проблемы героя теряют значение.

В этом фильме, снятом по сценарию Дорлана Отвоса и Сайруса Вуда, маленький мальчик Руфус Джонс (его играет восьмилетний Сэмми Дэвис-младший) засыпает на коленях у своей матери (Этель Уотерс) и во сне видит себя Президентом США. Что именно делает первый черный президент, не суть важно, — фильм явно дает понять, что такое может произойти только во сне.

▼ **«Idiocracy»**
20th Century Fox, 2006
Фантастическая комедия

Обычного рядового Джо Бауэрса (Люк Уилсон) в 2005 году выбирают для участия в секретном военном эксперименте. В ходе опыта его погружают в глубокую гибернацию вместе с женщиной по имени Рита на один год... и забывают, поскольку закрывается база. Они просыпаются в 2505 году и обнаруживают, что в этом мире Бауэрс — самый умный. Сможет ли солдат спасти Америку от ее глупости? Заставить поверить в свои слова болванов, которые его окружают? Президент здесь — черный, но он предстает не в лучшем свете. В роли Камачо, Президента США-2505, бывшей порнозвезды и профессионального рестлера — Терри Крюз.

▲ **«The Man»**
Paramount Pictures, 1972
Политическая драма

В результате катастрофы в Западной Германии погибают Президент США и спикер палаты представителей американского Конгресса. Вице-президент отказывается от принятия полномочий из-за возраста и состояния здоровья. По закону, в этом случае полномочия главы государства исполняет Президент pro tempore, номинально назначаемый член Сената. Первым

афроамериканским президентом становится сенатор Дуглас Дилман, в роли которого снялся Джеймс Эрл Джонс.

Почти сразу же новый президент попадает в расовый скандал, который разворачивается вокруг экстрадиции в ЮАР молодого чернокожего экстремиста. Белые власти обвиняют парня в терроризме, но Дилман отказывается высылать его в страну, посол которой заявляет, что черный никогда не сможет стать ее президентом. Черный президент в этом фильме — вполне реальная ситуация.

► **«5th element»**
Gaumont, 1997
Фантастика

XXIII век. К Земле на огромной скорости движется пылающий шар — средоточие Зла. Его можно остановить. Для этого требуется соединение пяти элементов. Ученым удается клонировать Пятый элемент в лице женщины по имени Лилу (Мила Йовович). Она говорит на непонятном языке и

обладает невероятной силой. Но Лилу сбегает из лаборатории в машине случайно подвернувшегося таксиста Корбена Далласа (Брюс Уиллис). Догадливый черный президент Линдберг (Том Листер-младший) узнает о произошедшем и решает использовать Далласа для спасения человечества.

В финале герои прибывают в храм мондошаванов, который находится в Египте. Они догадываются, что нужно поместить сами элементы (Воздух, Воду,

Землю и Огонь) на соответствующие им камни. Корбен признается Лилу в любви, и это запускает древнюю защиту. Сфера Зла оказывается уничтоженной.

США

◀ **«Deep Impact»**
Paramount Pictures, Dreamworks, 1998
Фантастика

Ученые обнаруживают комету, траектория движения которой должна пересечься с земной орбитой через год. Это уничтожит планету. Информация становится известна амбициозному репортеру Джинни Лернер (Тея Леони), которая вынуждает Белый дом провести пресс-конференцию. Президент США Бек (Морган Фримен) объявляет о решении: группа астронавтов направится к комете и разрушит ее. Чернокожий президент здесь — воплощение спокойствия и разумности.

▼ **«24»**
Fox Network, 2001—2008
Телесериал, триллер

Сериал «24» вышел как раз после теракта 11 сентября, на что можно списать порой чрезмерное количество терактов в сюжетной линии. Отличительная черта сериала — сценаристы не жалеют своих героев. В течение 6 сезонов различными методами были убиты почти все главные герои. США переживают настоящий ад, будучи постоянной мишенью террористов. Каждый сезон состоит из 24 серий, отображающих события одного дня из жизни Контртеррористического Подразделения (КТП) и его бывшего директора Джека Бауэра (Кифер Сазерленд). Хотя он и не раз спасает страну от катастрофы, его личная жизнь летит ко всем чертям. Джек теряет семью, после этого он становится врагом страны, а в итоге... попадает в китайский плен. Чернокожий Президент Дэвид Палмер (Денис Хэйсберт) помогает

ему спасти от террористов Лос-Анджелес, но сам через два сезона погибает. Младший брат Палмера Уэйн (Д.Б. Вудсайд), также ставший Президентом, вызывает Бауэра от китайцев, но также попадает под пулю и конец сезона встречает в коме. Оба черных президента — старательные молодцы.

◀ **«Head of State»**
Dreamworks, 2003
Комедия

За несколько недель до выборов на пост главы государства Вашингтону срочно потребовался кандидат на президентское кресло. Но кандидат «липовый», который обязательно должен проиграть, создав псевдоконкуренцию. Политические манипуляторы решают, что для их цели идеально подойдет Мэйс Гиллиам (Крис Рок) — неизвестный

чернокожий деятель «местного значения».

Но Мэйс неожиданно оказывается «крепким орешком». Он сколачивает верную команду, назначив будущим вице-президентом родного брата Митча (Берни Мак). Когда те, кто планировал Мэйса на роль жертвенного барашка, осознают, какую бешеную популярность начинает приобретать Гиллиам, — становится уже поздно. Чернокожий кандидат, которого политики и избиратели не воспринимали всерьез, становится у руля большой страны... ☹

Своими
глазами

Обама

В ожидании чуда

Под крылом самолета о чем-то пел океан, стюардессы разносили обед. Курицы на всех не хватало. Сорри, сказали нам, финансовый кризис. Обама, спаси Америку!

Телевизионщики с телеканала города Дейтон (штат Огайо) говорили о предстоящем сокращении и гадали, кого уволят в первую очередь. В этом городе сейчас каждый десятый — безработный. Что делать? «Достаточно разговоров, пошли голосовать», — отвечал на вопрос один из заголовков газеты «Дейтон Дейли Ньюс».

Коллеги из CNN предложили нам сфотографироваться за столом ведущего новостей. За 20 долларов с носа. Сорри, сказали они, у нас рекламная пауза, а реклама — единственный источник поступлений. Спасибо Обаме — заплатил миллион долларов за 30-минутный ролик. Он спасет Америку.

В избирательном штабе Обамы обзванивали «колеблющийся» электорат. Мол, а что у вас?

— Не могу получить ипотечную ссуду, я остался без дома.

— Вот видите, а у Джона Маккейна — 13 домов. У Обамы — всего один. Правда, хороший.

В Атланте — целые кварталы домов, выставленных на продажу, их предлагают бук-

вально за бесценок. Среди огромных небоскребов затерялся маленький домишко, где написала свою книгу Маргарет Митчелл. Куда унесет нынешний ветер перемен?

По другому телефону волонтер рассказывает, что его дети учатся в той же школе, где учатся дети сенатора Обамы. Сенатор не пропустил ни одного родительского собрания, всегда был членом родительского комитета.

Вечером перед выборами кто-то из русских пошутил: 4 ноября может стать вашим «черным вторником». В ответ не побили, но нокаутировали: а была ли возможность у оппонентов Медведева выиграть выборы?

«Вначале была страна, — говорят они. — И эта страна поднялась благодаря усилиям эмигрантов. Обама спасет Америку».

В очередях на избирательные участки в день голосования не работало даже незыблемое в Америке правило личного пространства (расстояние вытянутой руки). На другой день я поехала на встречу с редактором газеты в городок Йеллоу Спрингс, известный своими либеральными традициями. Все жители гуляли — центром всеобщего веселья стал винный магазинчик, где раздавали бесплатное шампанское. «Мы — в восторге, — комментировали они случившееся. — Победа Обамы — доказательство того, что демократия у нас есть».

Возле здания Капитолия в Коламбусе, штат Огайо, вдруг зацвела яблоня. Без всякой политики.

* Татьяна Мехоношина — редактор газеты «Парма-новости», находилась в США в период президентских выборов в качестве наблюдателя в рамках программы «Открываем мир».

Маниния

Посмеившиеся мечтать

В любой стране мира выборы нового лидера — важнейшее событие. Способность нации выбрать нового лидера через легитимную демократическую процедуру — сама по себе достижение. Тем больше значение результата голосования приобретает в случае, если большинство граждан многонациональной страны выбирают лидером человека с черным цветом кожи.

При осмыслении итогов выборов в США вспоминается другой президент, изменивший мир. Тот, кто, будучи черным, также добился демократического избрания своими разноплеменными соотечественниками. Это Нельсон Мандела, президент ЮАР. Тогда, в начале 90-х, в только что отказавшейся от апартеида Южной Африке, взаимоотношения между людьми разных рас были очень хрупкими, а раны прошлого еще кровоточили. Мандела имел полное моральное право отомстить своим бывшим политическим противникам. Но, вместо этого, он сделал упор на примирение, договоренности и объединение белых и черных граждан страны, став для них маяком надежды.

После десятилетий лишений Мандела осуществил свою мечту — остановить апартеид. В поздравлении Барак Обама президент ЮАР очень уместно подчеркнул, что любой человек в любой стране мира должен иметь смелость мечтать о том, чтобы сделать мир лучше. Сегодня в другой стране и при других обстоятельствах другой темнокожий политик получил шанс сделать то же, что когда-то сделал Мандела.

* Янет Роджерс — журналист из Южной Африки. В настоящий момент живет и работает в Москве.

Отказываясь принимать мир таким, каким мы его знаем, и последовательно борясь с расовыми предрассудками, Барак Обама стал предметом гордости для многих. Не только в Америке, но, особенно — в Африке, где к людям стала возвращаться надежда. Реальность того, что один из них, скромный сын черного континента, осмелился мечтать о невозможном и, в конце концов, добился осуществления мечты, дает африканцам новые перспективы. Многие из них чувствуют себя причастными к его победе.

В истории избрания Обамы есть еще один важный урок. Чернокожий кандидат в президенты США никогда не утверждал, что он представляет интересы лишь афроамериканцев. Как и Мандела, он не старался набирать очки в роли возмущенной жертвы исторической несправедливости. С самого начала он ясно высказывался, что вступает в предвыборную борьбу как простой американец, готовый использовать полученные знания и способности во благо всех жителей страны. Его победа доказывает, что нация, наконец, смогла преодолеть расовые барьеры и научилась видеть, прежде всего, человека, а не цвет его кожи.

Для африканцев всех национальностей и рас это еще и пример мудрости: на собственных выборах не нужно голосовать слепо, по племенному принципу. Но самый главный урок в том, что мы не просто можем мечтать о том, чтобы сделать сильнее себя и свой континент. Это сигнал, что мы должны. ☞

Самый известный учитель фехтования — о постановке кинотрюков и «мешках с кулаками»

текст
Андрей
Колобаев

Владимир

Балон: «Двух картин мне достаточно»

Именно его считают своим учителем в фехтовании Михаил Боярский, Дмитрий Харатьян, Сергей Жигунов, Александр Домогаров. Редкий отечественный фильм с «драками на холодном оружии» обошелся без участия Владимира Балона. Это благодаря его мастерству «был бит Наполеон» в картине «Гусарская баллада», «Франция не проиграла войну Англии» в «Трех мушкетерах и Д'Артаньяне», а русские гардемарины — «разбили в пух и прах всех врагов Российской империи»

— Что, на ваш взгляд, в кинофехтовании — самое главное?

— Мысль и индивидуальность. Помните, Смоктуновский-Деточкин фехтует с Ефремовым в фильме «Берегись автомобиля»? Я предложил Рязанову все движения героев с оружием сделать иллюстрацией к их диалогу. «Сударь, я имею честь на вас напасть!» «Я к вашим услугам». «Где вы были две недели?» «Я был в командировке!» Один атакует, другой защищается — все построено на движении. Чтобы образ «выстрелил», надо его обдумать. Но, к сожалению, режиссеров с таким подходом очень мало.

— Кем вы себя в большей степени считаете — каскадером, постановщиком трюков или...

— Честно говоря, не люблю, когда меня называют «постановщиком трюков». Я — «ограничник». У каждого из «моих» мушкетеров или гардемаринов — свои отношения с клинком. По темпераменту каждый — глубоко индивидуален. Я горжусь тем, что в постановке боев для каждого нашел что-то свое.

Моя задача, чтобы актер уверовал в то, что он — лучший фехтовальщик в мире и принял ту «хореографию» для поединка, которую я нарисую. Снимали в «Гардемарины» длинный бой между Боярским и Жигуновым. Драка начинается в комнате, потом по винтовой лестнице они поднимаются наверх, дерутся на балюстраде, потом оба падают вниз, фехтуют там и влетают обратно в ту же самую комнату.

Когда накануне я рассказал оператору, как это будет происходить, он поморщился: «Слушай, зачем эти сложности?! Помахали перед камерой для вида клинками, и достаточно!» В итоге, сцена получилась блестяще.

— Как вы пришли в фехтование? В те годы были куда популярнее футбол или бокс.

— Пошел за компанию с другом. Буквально через две недели его «забраковали», а я остался. Учились «на палках» — шпага в арсенале поначалу не было. Потом я поступил в Ленинградский институт физкультуры, где по восемь часов в день мы занимались только физическими нагрузками. Надо было владеть двадцатью видами спорта минимум по первому разряду.

В кино очутился так: группу московских фехтовальщиков пригласили поучаствовать в батальных сценах, и они рассказали про меня. Эльдар Рязанов лично предложил мне

поставить в фильме все трюки и бои. Никогда не забуду свой приезд в местечко Удино под Дмитровом, где проходили зимние съемки. Февраль, сугробы по пояс. И вдруг появляюсь я — в шикарном английском пальто, костюме-тройке с двумя разрезами сзади, стильных туфлях на тонкой подошве, в модном нерповом «пирожке» и с золотой медалью «Чемпион СССР» на лацкане. Все ахнули, а Рязанов саркастически прошелся по поводу моего внешнего вида: пижон, мол, приехал. «Прикид» этот быстро сменился телогрейкой и ушанкой.

Батальных сцен в фильме было много, играл я и французов, и наших, даже снялся в эпизоде — Рязанов доверил мне маленькую роль адъютанта Кутузова.

— Вы в жизни — азартный человек?

— Нет, нет и нет. По гороскопу я — Рыба, то есть десять раз просчитаю спокойно, а потом уже действую. Кроме того, никогда не развязываю «мешок с кулаками», если есть хоть малейшая возможность этого избежать. Ходов в жизни существует очень много, надо только вовремя уметь их применить...

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Еще несколько лет назад я был директором студии «Мосфильм-автотрюк». А потом ушел и нынче не делаю абсолютно ничего. Все мои увлечения — это друзья, баня, футбол. Еще люблю вкусно готовить и обожаю, когда кто-нибудь заглядывает в гости. Или сам отправляюсь в гости — к тому же Мише Боярскому. Недалеко от его дачи, в лесу, у нас есть любимое место — дзот, сохранившийся со времен Великой Отечественной войны. В этих местах проходила знаменитая финская «линия Маннергейма». Обычно мы звоним Кире Ласкари (сводному брату Андрюши Миронова), запасаемся всем необходимым и втроем залезаем на дзот, «накрываем поляну». Тишина, лес, поле, никто и ничего не мешает.

— А предложения сняться все еще поступают?

— Последние мои работы — в «Марше Турецкого» и «Сыщиках». Если мне еще предложат подобные роли, я откажусь — не хочу повторяться. Да и сам творческий процесс сегодня — поток, штамповка. А у меня есть две картины, которые каждый год по несколько раз крутят по телевидению. Значит, зрители их признали и полюбили. Мне вполне этого достаточно. ☒

Моя задача, чтобы актер уверовал в то, что он — лучший фехтовальщик в мире и принял ту «хореографию» для поединка, которую я нарисую

НОВЫЙ

САМ

ИЗДАТЕЛЬ

Самые безумные форматы, никому не известные герои, отсутствие рекламы и оформительский анархизм. Добро пожаловать в мир сетевых pdf-журналов, где тиражи — бесконечны, дизайнерские возможности — безграничны, а цензура — бессильна

Электронные журналы в интернете

текст
Тимур
Аникин

иллюстрация
Михаил
Иванов

Журналы без текстов

В огромной толпе интернет-изданий наши сегодняшние герои, лишенные типографских дублей, выделяются именно своей «журнальностью»: каждый номер — законченное, сжатое в один файл многостраничное произведение, так же не похожее на сайт любого «глянца», как экземпляр пушкинского «Современника». Лучший подход к pdf-журналам — распечатать весь номер на цветном принтере (недаром pdf = printable document format), скрепить и только потом рассматривать. Зачем талантливые одиночки или коллективы «играют в редакцию»? Здесь — чистый XIX век: Достоевский издавал свои журналы не для заработка, а потому, что сильно хотел их издавать. С тех пор прошло 150 лет, текста в самиздате стало меньше, красок и дизайна — в миллион раз больше. Суть осталась: нам предлагают увидеть то, что считают интересным сами

авторы, без оглядки на рекламодателя. А так как границы допустимого расширились, у одного читателя эти издания вызовут интерес, у другого — шок. Он-лайн «сами-себе-издатели» могут позволить семь номеров bathtime stories (журнал, на 100% заполненный фотографиями людей в ваннах: freewebs.com/aaasite/bathimestories). 56 страниц дизайнерского оформления слова QUIT в суицидальном ключе (весь BATTERIEnext №15) или издание порножурнала, почти лишенного порнофотографий — иногда кажется, что все это инопланетяне какие-то издают, честное слово. Если наугад выбрать любой журнал из пестрого каталога на сайте pdf-mags.com, он наверняка будет посвящен фотографии или дизайну — так уж исторически сложилось, что визуальным изыскам здесь уделяется больше внимания, чем словесным хитросплетениям. Откроем newporker.ru и скачаем любой из номеров номинально российского (графические издания обычно интернациональны)

The New Porker Magazine. В файл упаковано собрание рисованных сочинений разных авторов на заданную тему — «персонажи», «собаки» или «наше любимое кино». Грустные,

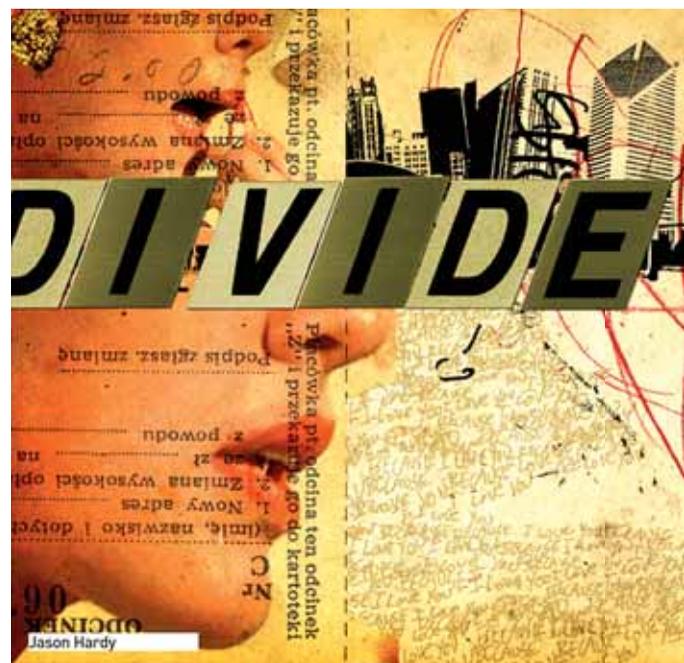
смешные, минималистичные, неприличные, ретро, коллажи, непонятные мазюки и близкий к гениальности арт — полный, в общем, ералаш, не отпускающий от монитора до последней страницы.

«Наша цель — показывать выдающийся визуальный контент», — заявляет редакция альманаха ANTI, идущего одной тропой с New Porker. ANTI (revolverlover.net/anti.asp) не ограничивает себя в средствах (фотографии, графический дизайн, иллюстрации) и, на первый взгляд, шеголяет картинками обо всем — и ни о чем конкретно. Четкая контент-политика откроется лишь тем, кто присмотрится к темам номеров. 1:born, 2:couple, 3:tree, 4:seasons, 5:senses и особенно 6:69 — условное кодирование изображений сразу и цифрой, и словом вытаскивает на поверхность довольно неожиданные смысловые цепочки.

Формально BATTERIEnext — лишь еще один журнал с картинками. На самом деле градус визуального безумия, творящегося на его страницах, парит в стратосфере, удачно сочетаясь с периодичностью выпуска («мы выходим дважды в год... когда нам удобно»). Неблагодарный труд — описывать словами творчество людей, способных посвятить весь номер панграмме* «The quick brown fox jumps over the lazy dog». С предпоследнего номера эти, кажется, немцы окончательно улетели во внутренний космос и сообщают оттуда, что теперь они делают не pdf-журнал, а коллекции анимированных изображений.

И эту психоделическую анимацию, и старые номера вы найдете на ladestation.net.

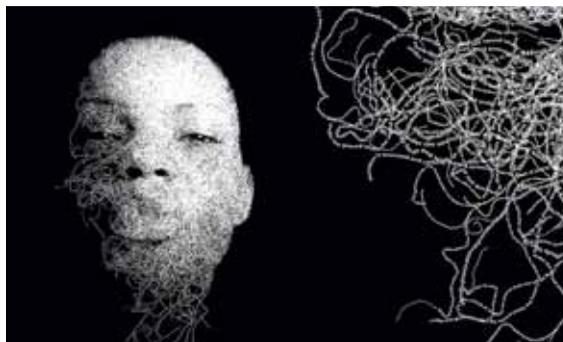
* Панграмма — текст, использующий все или почти все буквы алфавита.

Творческие лаборатории

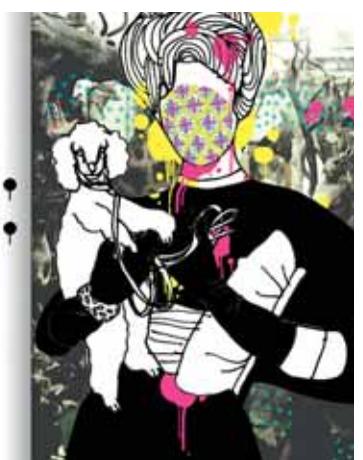
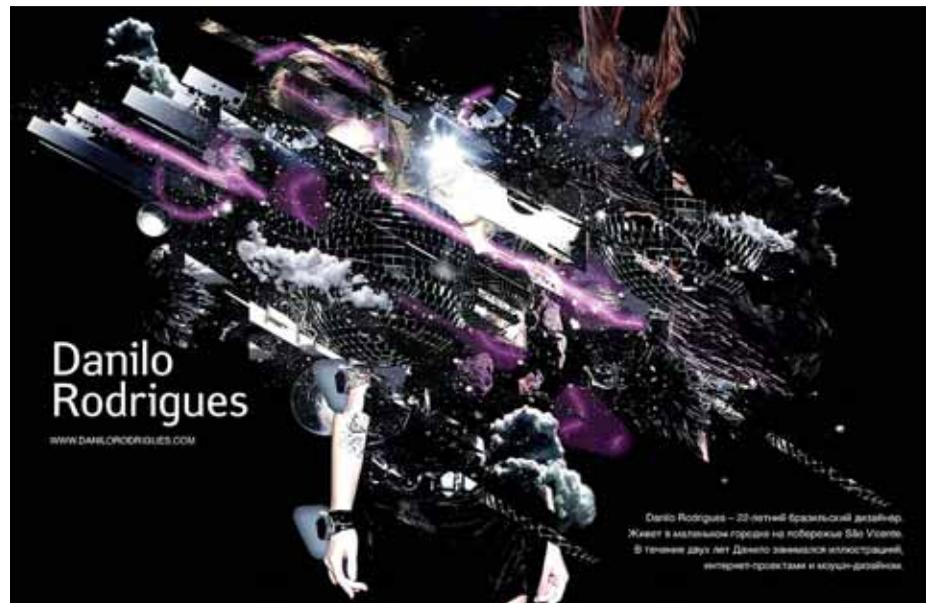
Анонимность этих признанных и непризнанных гениев планшета и «фотошопа» порой начинает утомлять: хочется-таки посмотреть, кто же бьет тебя по голове одновременно ракурсом, цветом и композицией. И узнать — зачем бьет? Для «посмотреть и узнать» выходят журналы, дополняющие портфолио художников их биографиями и интервью. Издаваемый россиянами Moloko+ (molokoplus-mag.com) или англоязычный Blanket (blanketmagazine.com) многое проясняют. Можно долго в недоумении смотреть на коллаж, а можно прочесть, что автора «вдохновляют очень разные вещи: неодушевленные объекты, окружающая среда, люди, фильмы, бессонница и здоровый сон, старые вещи, например, старые книжки или учебники, животные, углеродный анализ, комфортабельные условия, механизмы, эпоха с 12 века до сегодняшнего дня».

И все встанет на свои места.

Файловые чтения

Когда визуальные образы уходят на второй план, подчиняясь тексту, обнажается главная особенность pdf-журналов — их субкультурность. Есть журналы для скейтеров, граффитчиков, линуксоидов*. Пока маркетинговая погоня за широкой аудиторией обходит эти угоды стороной, можно, например, всерьез изучать архитектуру по настоящим строительным проектам и рассказам их создателей в журнале UME (umemagazine.com). Или проникнуть в тесный мирок культурно-контркультурной жизни Майами с помощью текстов MAP (music.art.people), доступных на themartmag.com. Единственное, что в pdf-мире устроено неправильно — слишком редко, только дважды в год выходит русский журнал 55 (55mag.com). Его создатели хватаются за ручки полужакрытых дверей в маленькие комнаты, делая «журнал о современных субкультурах, которые опосредованно влияют на массовую культуру: по-своему деконструируют ее и создают заново». 55 по-

вестует о психологии невмешательства, концепции овощного бытия, гейх, музыкальных маргиналах и творческих кластерах московских художников. Чем-то подобным в 90-е занимался ныне покойный журнал «ПТЮЧ»: бедняга опередил свое время, но не смог прокормить собственное прожорливое бумажное тело. Теперь, когда Сеть утвердила примат журнального духа над журнальным телом, таких проектов будет все больше, а там, не ровен час, и мы начнем ежемесячно представлять к закачке файл smena.pdf. ☑

* Линуксоид — пользователь операционной системы Linux.

Экая ГИКОВИНА!

Настоящая
гидростанция
и живой динозавр —
в качестве подарков

текст
Тимур
Аникин

▲
Hydrodynamic
Building Set — **\$80**

◀ Pleo Robotic
Life Form — **\$350**

Позвищем geek по ту сторону Атлантики награждают людей, чрезмерно увлеченных технологиями. Благодаря гикам в мире постоянно появляется множество замечательных вещей, которые техноэнтузиасты создают для своих собратьев и не только.

«Смена» посетила самый известный «гиковский» интернет-магазинчик Thinkgeek.com в поисках оригинальных штучков, которые нельзя найти на полках магазинов, но можно подарить близким на Новый год и Рождество.

Для детей

Возможно, не каждому взрослому нужна собственная работающая гидродинамическая станция. Но если опрометчиво спросить о ней своих детей, станцию рано или поздно придется купить. Главное — учесть несколько вещей:

— вам лучше знать английский, потому что в этом научном конструкторе — 300 деталей, и с просьбой перевести инструкцию придут именно к вам;

— можно показать юным ученым, как один Hydrodynamic Building Set позволяет строить разные станции. А вот проговариваться, что из нескольких конструкторов собирается целый аквапарк — рискованно, сами понимаете;

— однажды, наблюдая за бодрим бульканьем электронасоса, вы поймаете себя на зависти к детям. Ничего страшного. Надо только вернуться на thinkgeek.com и заказать LED-насадку на кран, светом окрашивающую холодную воду в синий цвет, а горячую — в красный. Заказать, тихо установить и никого в доме, ха-ха-ха, не предупредить.

Чтобы аварии на станции не стали проклятием соседей снизу, окололочное пространство можно заполнить и более «детскими» подарками. Например, обретенный утром Нового года робот-динозавр вряд ли кого-то разочарует. Благодаря 14 моторам ископаемое удивительно реалистично двигается (видео: thinkgeek.com/geektoys/science/9802), а также слышит, говорит, реагирует на движения хозяев и «обучается» после загрузки файлов по USB.

Для взрослых детей

Фанаты фантастических фильмов и сериалов — особый подкласс гиков, настолько любопытный, что мы о нем еще расскажем в следующих номерах «Смены».

Пока поверьте на слово: любого владельца лицензионной антологии «Звездных войн» можно заставить прыгать, танцевать и издавать малопонятные звуки, просто добыв ему световой клинок Star Wars Force FX Lightsaber. Если вручить еще и робу джедая (+\$50), произнеся «Да пребудет с тобой Сила!», он впадет в кататонический ступор. Чтобы с этой секунды сделать лучшим другом гика навечно, не хватает лишь одной голосовой команды, после которой из засады выкатится всем известный дроид R2-D2.

▼ Star Wars Force FX
Lightsaber — **\$100—\$120**

◀ R2-D2 Interactive
Astromech Droid — **\$200**

Для юзеров

Лучший подарок опытному компьютерщику — гаджет, которому будут завидовать его коллеги. Например, огнеупорная и водонепроницаемая «флэшка» GoldKey Personal Security Key, сверхнадежно шифрующая данные электронным ключом. Или «флэшка» Scent, которая, нагреваясь, испаряет нанесенное на нее ароматическое масло и создает вокруг рабочего места ауру умиротворения. «Игрушек», связанных с компьютером, на складах Thinkgeek больше, чем прочих — выбор огромен. Любителю музыки — конвертер записей с аудиокассет в mp3-файлы (Ion USB Cassette Deck), а видеоману — Ion USB VCR, способный переписать на жесткий диск целый архив VHS-видеокассет.

▲ GoldKey Personal Security Key — \$130—\$265

▼ Ion USB VCR — \$200

▼ Scent 2.0 — \$6

Для меломанов

Кстати о музыке — чтобы создавать ее самому, не нужно ни музыкального образования, ни даже изучения сложных компьютерных программ. Необходим лишь мини-синтезатор Kaossilator Touchpad. По отзывам диджеев, эта сенсорная крохотуля с сотней программ действительно позволяет сочинять интересные трэки.

Завсегдатаи живых концертов наверняка оценят портативные диктофоны H4 и H2 для многоканальной записи звука в CD-качестве. Более дешевый и компактный H2 пишет даже в формате 5.1, зато к H4 можно подключить гитару и записывать инструментальные партии сразу на жесткий диск.

▼ Kaossilator Touchpad Synthesizer — \$200

▼ H4 Pocket-Size Digital Audio Recorder — \$300

Для водителей

Исторически, самые первые гики — это автолюбители с их тюнингом и подсчетами «лошадей». Проверяется элементарно: вручите первому попавшемуся водителю комплект Car Chip Pro Engine Performance Monitor, и уже завтра он с лицом увлеченного сисадмина начнет штудировать отчеты машины о своей машинной жизни: времени и скорости в пути, горючем, температуре мотора (и еще 22 его параметров), участках длинного торможения, деталях аварий...

Если настолько серьезной влюбленности в машину не наблюдается, присмотритесь к Универсальной Кассете для автомагнитолы. Кассетоподобный Car Cassette MP3 Player играет музыку со встроенной SD-карточки. Он же готов работать в любой кассетной (!) магнитоле, как обычный цифровой плеер.

▼ Stand Alone or Car Cassette MP3 Player — \$40

▶ Car Chip Pro Engine Performance Monitor — \$120

Заказать и получить

Хорошая новость: перевозчики (DHL или UPS) доставят ваши гаджеты в Москву за пару суток с момента заказа. Всего от одного до четырех дней займет доставка из столицы в любой регион. С помощью интернет-трекинга легко практически в реальном времени узнавать — еще в Нью-Джерси посылка или уже в Лейпциге.

Плохая новость: не так давно перевозчики повысили расценки. Раньше транспортный минимум от DHL равнялся 30 долларам — даже если покупать только футболку за 15. Больше вещей — больше вес посылки, и цена ползет вверх в зависимости от того, что именно вы заказали. Сегодня минимум по доставке — уже 47 долларов. Согласно встроенному калькулятору сайта, трехсотдолларовый рекордер H4 доставить дешевле, чем стодолларовый меч джедая Йоды. Первый привезут за \$57, второй — за \$85, а обе вещи сразу — за \$97.

Самое, впрочем, грустное — это не аппетит перевозчиков (от них хотя бы есть польза), а поведение таможни. Она задержит ваши игрушки на двое-трое суток в Москве. Может организовать и дополнительные проверки, если стоимость — больше 5000 рублей. Заказали больше чем на 10000 рублей? Придется доплатить еще, по меньшей мере, 20% «за растаможку».

Методов борьбы с эдаким свинством ровно два:

- попросить зарубежных друзей принять посылку и переслать ее вам;
- заказать и получить гаджеты во время заграничных командировок или отпуска. ☑

фото
Юлиан
Рибник
текст
Надежда
Панченко

АМСТЕРДАМ

Это удивительный город. Он такой маленький, что для того, чтобы по нему передвигаться, туристу не нужно пользоваться никаким транспортом. Даже велосипедом. Велосипедисты тут явно доминируют над пешеходами и немногочисленными водителями авто — подрезают, обгоняют, совершенно не смотрят перед собой. А количество музеев на квадратный метр городской площади явно превышает средневропейские параметры — идти за культурными впечатлениями далеко не нужно.

То же самое можно сказать об отелях и маленьких уютных кафе: такое ощущение, что, кроме ресторано-отельного бизнеса, предназначенного для туристов, приезжающих, чтобы побывать в вышеупомянутых музеях, тут никто ничем не занимается. Своей неспешностью и добродушной атмосферой, а также толерантностью жителей, Амстердам напоминает деревню. Между тем, ночная жизнь его легко составит весомую конкуренцию любому мегаполису: чего стоит только знаменитый квартал Красных фонарей

Пресловутые проститутки и кофешопы — развлечения на любителя. А вот селедка и голландское пиво — точно из области запредельных наслаждений. Рейхсмوزهум с его Вермеером и Рембрандтом — отдельное счастье. Лебеди не боятся людей, ласковы и любопытны, как собаки. Владельцы квартир, выходящих на каналы, по ночам не закрывают шторы, чтобы продемонстрировать свои интерьеры. Разумеется, мебель и картины подбираются тщательно, чтобы прохожие могли ими любоваться. Прохожие здесь никогда никуда не спешат.

В общем, если бы не чудовищные (например, по сравнению с хваленым «дорогим городом Парижем») цены, а также зачастую хмурая погода — бросить бы все да уехать в Амстер! ...Ну, или, по крайней мере, не раз вернуться

Синдром Одиночества

...Э

та фотокарточка, единственная, осталась случайной закладкой в романе Рушди, который Кира мучила, мучила, да так и бросила, не дойдя до середины. На ней Кира сыграла в Мэрилин Монро (лайт, поскольку Кира худа). Прищуренные глаза, сложенные сердечком и вытянутые вперед губы, изогнутые брови, нацеленный в зрителя палец — пу-пу-пи-ду.

— Чье плечо рядом?

— Мое. Отрезал, — поясняю в ответ на приподнятые брови Андрея, собравшие кожу лба в вопросительную гармошку.

— В гневе?

— Нет, в холодном рассудке. Видите, какая линия ровная?

Андрей проводит пальцами по лицу Киры на фотографии. Надо было взять копию.

— У вас не возникало мысли, что она просто ушла?

— Возникало. Вообще-то, она на самом деле ушла. И только потом пропала, через месяц.

— Когда это случилось?

— Семь месяцев назад. В марте.

— Милиция?

— Да. Морги, больницы, приемники. Думаешь, если бы я не перепробовал все... — Мешкаю с определением, стараясь не задеть его.

— ... нормальные?.. Если бы вы не перепробовали все нормальные пути, вы не обратились бы за помощью ко мне. Так? Для вас — это шаг отчаяния. Ни во что такое вы не верите, ни в каких медиумов, но других возможностей нет, и где-то в глубине души допускаете — а вдруг получится? Вы это хотели сказать?

— Да.

— И вам сейчас стыдно?

— Не то слово. Ощущаю себя генералом вермахта, защищающим Берлин и одновременно выправляющим документы для бегства в Аргентину.

— Это нормальная реакция, — читает мои мысли Андрей, — Вам кажется, что, придя к магу, вы расписываетесь в собственной несостоятельности, так ведь?

Криво ухмыляюсь на «мага». Никаких тебе черных плащей и волшебных палочек — темные носки и халат с дыркой на заднице. Маскирую смех кашлем.

— Не бойтесь меня обидеть. Я сам, кого хочешь... — Он возвращает мне карточку. — Что-нибудь еще есть? К чему она прикасалась. Мне нужен другой

контакт. Какая-нибудь ее вещь у вас осталась?

Конечно, осталась. Как ни вычищай свой мирок от присутствия бывшей девушки, как ни пропальвай сорняки прошлых отношений, рано или поздно — через день, месяц, пять лет — непонятно откуда выныривает запылившаяся заколка, дисконтная карта косметического магазина, абонемент на танцы — что-то ее.

Протягиваю Андрею гребень Киры.

Старый, принадлежал ее прабабушке, а еще до нее, уверяла Кира, передавался в их роду из поколения в поколение, уходя происхождением в века с латинской галочкой в центре. Я объяснял этот миф смутной потребностью всякой девушки в загадочном прошлом. Но антикварную природу гребня отрицать не мог. Тяжелый, почерневший от времени, он походил скорее на кинжал, чем на расческу. Сходство усиливала длинная, изогнутая, покрытая вязью узоров ручка — ни дать ни взять — острие ятагана.

Именно ее, предварительно глазами испросив моего согласия, ковырял сейчас ногтем Андрей:

— И вам сейчас стыдно?

— Не то слово. Ощущаю себя генералом Вермахта, защищающим Берлин и одновременно выправляющим документы для бегства в Аргентину

— Кровь?

Ручка и вправду измазана чем-то бурым, что можно принять за кровь или морилку — в зависимости от склада ума.

— Вряд ли. Было бы слишком... мелодраматично.

Гребень я нашел под ванной, в марте, во Второй Месяц Без Киры, в самый разгар безумия, когда жизнь на планете Земля представлялась бессмысленной, а собст-

текст
Олег
Маловичко*

* Отрывок опубликован с любезного разрешения издательства «Росмэн», в котором опубликован роман «Синдром одиночества».

венное одинокое существование — постыдным. Генеральная уборка была частью общего процесса детоксикации. Мне казалось, уничтожив следы Кириного присутствия в квартире, я каким-то образом ослаблю и ее доминирующие позиции в моем сознании. К тому времени я ходил по миру бледным овощем, потерявшим десять килограмм веса, с постоянно висящей на веке слезинкой и страдающим взглядом. Еще бы, меня бросили. Долбанный эгоист.

Я вспомнил, как Кира любила, наполнив ванну и набросав в воду всякой ароматической дряни, сидеть там часами, глядясь в маленькое зеркало и расчесывая этим гребнем волосы. С ее короткой стрижкой это походило на самоистязание.

Я сел на пол в ванной, утер пот со лба локтем — рука была в резиновой перчатке — и стал думать: выбросить гребень или оставить. Позвонить Кире мысли не было — за предыдущие недели я измотал ее звонками, поводом для которых служили забытые ею вещи. Каждый раз, начиная безразличным и холодным голосом, я уже через минуту сдувался и просил о встрече, ненавидя себя за малодушие. Я не мог смириться с мыслью, что все кончено: мне казалось, еще есть шанс вернуть ее, надо лишь хорошо объяснить. Через неделю Кира перестала брать трубку, через две, когда

Я не собирался использовать эти вещи — никаких пьяных слез и лобызаний, никакой беготни под луной голым, в чешках и шапочке для плавания. Они просто лежали в икеевской картонной коробке, ожидая встречи с хозяйкой

умный я насобачился звонить с автоматов, сменила номер.

В итоге, гребень отправился в Музей Киры, присоединившись к двум романам Кундеры в мягкой обложке, черным чешкам тридцать восьмого размера (видеотельство кратковременной вспышки безумия, когда Кира решила заняться латиноамериканскими танцами), брелочку в виде ножичка для сигар (да, она курила сигары), смятому билету на концерт «Дюран Дюран», синей резиновой шапочке

для бассейна и завернутым в нее розовым очкам.

Я не собирался использовать эти вещи — никаких пьяных слез и лобызаний, никакой беготни под луной голым, в чешках и шапочке для плавания. Они просто лежали в икеевской картонной коробке, ожидая встречи с хозяйкой. Мне казалось, такая забота о брошенных ею вещах добавит мне пару очков в ее глазах, когда она вернется и поймет, тварь такая, какой я благородный. А может, я и сам был в той коробке — ненужный, покинутый.

Щелчок электрического чайника возвращает меня к реальности, к которой Андрей, в последний раз пройдясь ногтем по зубчикам гребня, возвращает его:

— Чай точно никак?

— Я не пью чай.

— У меня плохие ощущения. И от фотографии, и от гребня.

Мои тоже радостными не назвать. Уточняю:

— Она мертва? — Я давно научился произносить этот вопрос без задержки дыхания и мелодраматического снижения тона.

— Не знаю. Может быть. Я чувствую негативные потоки. Вещи заряжаются от людей, которым принадлежат, постоянно или временно и от жизненных процессов, происходящих рядом. Вокруг гребня и фотографии — сильное негативное напряжение. Я затрудняюсь с источником — это могла быть сама Кира, могли быть события с ней...

— Я?

— Могли быть вы, ведь вы владели этими вещами год и могли напитать их чем угодно. Я не могу сказать, где ваша девушка. Я не могу сказать даже, жива она или нет.

— Смысл был платить?

Я сказал это вслух?

— Я могу дать вам совет.

— Весь внимание.

— Не ищите ее.

— Не понял?

— Вам это ничего не даст. Вне зависимости от результата. Я знаю такой тип женщин. Она вас не любит. Возможно, любила — короткий миг, как игрушку или компакт-диск модной мальчуковой группы. А потом засунула в кладовку. И там вы теперь лежите, покрываясь пылью в компании сломанных игрушек, старых школьных дневников и всего остального, что пригодится вряд ли, а выбросить жалко. Она списала ваши отношения в архив, но одного не учла.

— Чего именно?

— Надоевшие компакт-диски не преследуют своих хозяев. ☹

Олег Маловичко

СИНДРОМ ОДИНОЧЕСТВА

Издательство
«РОСМЭН»
и журнал «Смена»
РЕКОМЕНДУЮТ

Теодор Жерико и его

«Плот «Медузы»»

Эта картина, грандиозная по трагическому накалу, по силе выплеснутых на полотно чувств — надежда, горечь, страх смерти, жажда жизни, — положила начало романтизму в западноевропейской живописи. Молодой художник Теодор Жерико создал поистине гениальное творение, в котором историки культуры находят не только черты романтизма, но и истоки философии экзистенциализма, захватившего Европу в XX веке. Впервые в мировом искусстве Жерико удалось показать человека на грани жизни и смерти

Теодор Жерико

Летом 1806 года вся Франция только и говорила, что о страшном кораблекрушении, постигшем фрегат «Медуза». Корабль, в сопровождении корвета «Эхо», флейты «Луара» и брига «Аргус», возглавлял флотилию, направлявшуюся в Сенегал. На борту судна находились губернатор африканской колонии и его свита, всего около 400 человек!

Капитан, некто Гуго Дюруа де Шаморе, перед отплытием получил указание постараться успеть достичь цели — Сенегала — до наступления сезона дождей. Денег на снаряжение кораблей не хватало, флотилия была далеко не в лучшем состоянии. Это привело к тому, что 2 июля «Медузу» выбросило на песчаную отмель в 120 километрах от африканских берегов, недалеко от мыса Блан.

На воду тут же спустили шлюпки, на которых разместились высшие чины и высокопоставленные пассажиры — и среди них сам капитан и губернатор со свитой. Остальные, — их было более 150 человек, большей частью матросы, младшие офицеры и женщины, — погрузились на

плот размером 20x7 метров, который корабельные плотники под руководством инженера Корреара соорудили с помощью мачт и рей. Плот должен был двигаться на буксире за лодками. Однако в море канаты оборвались, а может, были просто обрублены, и люди на плоту остались в бушующем океане один на один со стихией, без запасов питья и продовольствия.

Вскоре плот был устан человеческими останками — смердящими на жаре трупами, покрытыми язвами смертельной тропической болезни. От слабых быстро избавились — они падали за борт сами, или им помогали. Умерших от голода тут же съедали их обезумевшие товарищи по несчастью. К 11 июля на плоту оставалось в живых всего пятнадцать человек. 17 июля один из несчастных вдруг увидел на горизонте парус — это «Аргус» шел им на помощь...

Капитана «Медузы» приговорили к разжалованию и трем годам тюрьмы. Инженер Корреар и доктор Савиньи, двое из пятнадцати спасенных, опубликовали книгу «Кораблекрушение фрегата «Медуза», в

которой честно и откровенно рассказали о пережитой ими трагедии. (Книгу эту власти быстро запретили.)

Эта история взволновала Теодора Жерико — романтического, порывистого, остро чувствующего несчастья ближних, чуткого ко всему, что происходило в обществе. В 1818 году он как раз вернулся в Париж из Италии и страстно искал сюжет, в котором мог бы выразить обуревавшие его идеи. Двадцатисемилетний живописец уже многое успел — ученик известных парижских мастеров Верне и Герена выставлялся в Салоне, и многие запомнили его «Офицера конных егерей, идущего в атаку» и «Раненого кирасира, покидающего поле боя».

Жерико только что закончил потрясающий «Бег свободных лошадей в Риме», написал портрет своего друга Эжена Делакруа, создал серию выразительнейших портретов душевнобольных, обитателей клиники Сальпетриер. Но это все же не то, что ему нужно — он ищет тему, с помощью которой сможет выразить все, что думает о людях, о жизни и смерти. И сюжет с «Медузой» оказывается очень кстати.

Жерико мучительно ищет композицию — делает многочисленные рисунки, акварели и даже маленькие картины, изображая различные моменты трагедии. Наконец, художник находит решение — он покажет на своей картине счастливого спасения — момент, когда на горизонте показался парус «Аргуса», и в душах отчаявшихся людей вновь зародилась надежда.

Жерико знакомится с Савиньи и Корреаром, разыскивает других уцелевших участников трагедии, выясняет страшные подробности, не вошедшие, по соображениям цензуры, в книгу. Даже находит плотника с «Медузы», заказывает ему макет плота и расставляет восковые фигурки своих героев на нем! А затем едет в Гавр — писать открытое море, шторм. Его картина должна стать эпизодом подлинной драмы.

Ему позируют актеры и профессиональные модели, друзья и знакомые. Среди них — молодой Делакруа (Жерико изобразил его лежащим ничком на плоту рядом с отцом и умирающим сыном). Отцом «стал» приятель художника по имени Ле-

брен. Встретив его, только что оправившегося после желтухи, Жерико просто счастлив: цвет лица Лебрена был таков, что деревенские жители не брали его на постой из боязни, что он умрет у них в доме. Художник же сказал: «Как вы прекрасны!» и тут же повел больного в свою мастерскую.

Кстати, в это время Жерико как раз меняет мастерскую. Новое место работы располагается рядом с больницей Божон. Теодор договаривается с ее санитарями и получает доступ в анатомичку, где делает необходимые ему наброски разных частей тел.

В ноябре 1818 года Жерико запирается у себя в мастерской и обривает голову, чтобы отсечь все возможности выхода в люди. Теперь все его существование сосредоточено на картине — она огромна, семь метров в ширину и пять в высоту. С утра до вечера он пишет это полотно, и так в течение восьми месяцев. Постепенно трагический эпизод приобретает под его кистью глубину обобщения. Недаром историк Мишле писал о картине Жерико: «Это сама Франция. Это наше общество погружено на плот «Медузы». Но картина Жерико оказалась даже шире, чем судьба Франции в эпоху реставрации. И сегодня, когда мы все понимаем, сколь хрупка жизнь на нашей планете, она актуальна, как никогда.

25 августа 1819 года «Плот «Медузы» был выставлен в Салоне. На фоне умиротворенных картин на религиозные сюжеты и сентиментальных сцен из жизни королевской семьи, пропитанных верноподданническим духом и написанных в академическом стиле, полотно Жерико произвело эффект разорвавшейся бомбы. Память о трагедии «Медузы» еще была жива в памяти французов, люди помнили о недостойном поведении властей. Неудивительно, что в Париже говорили только о картине Жерико.

...Кругом — бурное море, на небе — темные тяжелые тучи. На плоту еще остаются двенадцать мужчин, правда, пять из них уже умерли или умирают от непереносимых лишений. На первом плане картины — отец, держащий на коленях умирающего сына. Справа и слева от них — трупы. Ослабевший матрос пытается подняться, но ему мешает упавшее на него тело. Рядом —

На фоне умиротворенных картин на религиозные сюжеты и сентиментальных сцен из жизни королевской семьи полотно Жерико произвело эффект разорвавшейся бомбы

трое несчастных, среди которых — гардемарин, пристально смотрящий вдаль.

Слева, в тени полуразрушенной палатки, четыре персонажа — врач Савиньи и инженер Корреар, рядом с ними обезумевший человек дико смеется каким-то своим видениям, а позади другой держит голову двумя руками. Справа, со стороны открытого моря, трое несчастных пытаются привлечь внимание появившегося на горизонте «Аргуса». В этом царстве смерти появилась надежда.

Да, недаром Жерико столько времени проводил в Сикстинской капелле, застыв в восхищении перед гениальными созданиями великого Микеланджело! Тела героев Жерико выпуклы, осязаемы, скульптурны. В этой картине явно видно влияние титанов итальянского Возрождения.

Но публика и критика еще не были готовы воспринять это страстное и правдивое художественное высказывание, столь новаторское по стилю и накалу страстей. Картину Жерико встретили в штыки. Более того, власти постарались отместить любой намек на недавнюю трагедию, и картину записали как «Сцена кораблекрушения».

Жерико был страшно оскорблен. Он столько вложил в эту работу, а она оказалась никому не нужна! Прошло некоторое время, и Жерико предложили показать картину в Англии — в стране моряков обязательно оценят его творение, убеждали друзья.

В Англии картина имела невероятный успех. Ее выставляли во всех крупных городах страны. Жерико был счастлив. Успех, пережитый в Англии, вдохновил его на создание новых замечательных работ — серию литографий и великолепную картину «Скачки в Эпсоме». Кроме живописи, он больше всего любил лошадей, и эта любовь выразилась в картине — глядя на нее, так и чувствуешь азарт состязаний, свободу, движение, полет.

Но любовь к лошадям дорого обошлась художнику. В конце 1822 года случилось несчастье — плохо объезженная лошадь сбросила его на грудь камней. В результате — серьезнейшая травма позвоночника.

Теодор Жерико умер 26 января 1824 года. Умер до обидного молодым — ему было всего тридцать два года.

Уже после смерти художника «Плот «Медузы» купил за 6000 франков друг и почитатель его таланта Деро-Дорси. Считая, что картина — национальное достояние и должна оставаться во Франции, он отклонил множество предложений зарубежных коллекционеров и музеев и продал ее государству всего за 6005 франков — на 5 франков дороже той цены, что заплатил за нее сам.

С тех пор картина украшает собрание Лувра. ■

В Троице-Сергиевой лавре хранятся две вышивки дивной красоты. Первая — покровец для изголовья гробницы Сергия Радонежского, с изображением рублевской «Троицы». По малиновому атласу мелким жемчугом вышиты фигуры, стол, палаты, очертания гор и кроны деревьев. На полях, среди растительного орнамента, выполненного крупным жемчугом и самоцветными камнями, размещены серебряные и позолоченные пластины-дробницы с изображениями Богоматери, Иоанна Предтечи, Сергия Радонежского и святых Бориса, Марии, Федора, Ксении...

Вторая — многофигурная красочная композиция, вышитая на бархате, предназначенном покрывать «жертвенник»: сидящий на троне Христос, рядом с ним расположились Богоматерь и Иоанн Предтеча, у ног их склонились Сергей и Никон Радонежские.

Обе вышивки сотворены руками Ксении Годуновой — несчастной царевны, которую судьба предназначала для трона, но... всего лишь посмеялась. Страшна судьба дочери царя Бориса, сполна заплатившей за его неумное желание властвовать. Да что там сполна — втройне!

Вдовствующая невеста

После смерти Ивана Грозного трон унаследовал его младший сын Федор, — человек, о котором сам его отец отзывался так: «Постник и молчалик, быть бы ему монахом, а не царем».

И действительно, царь Федор Иоаннович ни на минуту не задумывался о том, что происходило в России, и кто будет самодержцем после его смерти. За него думала любимая жена Ирина, урожденная Годунова. А помогал ей родной брат Борис, который фактически и правил Россией того времени.

И правил — нужно отдать ему должное — неплохо: в стране было относительно спокойно, народ не бедствовал, враги не тревожили. Более того, после кончины Федора Иоанновича, точнее, после того, как его вдова Ирина, ставшая на две недели русской царицей-самодержицей, постриглась в монастырь, Бориса как бы «выбрал» царем сам народ — случай, беспрецедентный в истории страны.

Задолго до этого какие-то звездочеты предсказали Годунову, что он станет царем, но царствовать будет только семь лет.

— Хотя бы семь дней, — воскликнул он в ответ, — лишь бы царствовать!

В лучших словесных портретах непредвзятых современников говорится о красоте лица, величественных манерах, неизменной приветливости и мягкости в обращении, звучном голосе и красноречии Бориса Годунова, который «цвел благолепием» и «образом своим множество людей превзошел». Среди добродетелей царя русские летописцы и бытописатели особенно отмечали постоянство в семейной жизни и привязанность к детям. Очевидно, красоту, тонкую душевную организацию и талант Ксения унаследовала от отца, так как о жене Бориса Годунова, честолюбивой дочери опричника Марии Григорьевне, таких лестных отзывов не встречается.

Напротив, именно ей чаще всего приписывали неблагоприятное влияние на

текст
Светлана
Бестужева-
Лада
иллюстрация
Лев
Рябинин

Царевна Ксения представляла собой классический образец русской красавицы тех времен. Ее современники в один голос превозносили прелести этой стройной, яркой брюнетки с «союзными», то есть сросшимися на переносице, бровями, пышными косами, огненными глазами и «телом, словно сделанным из сливок»

мужа, в том числе так и оставшееся неразгаданным убийство малолетнего царевича Дмитрия — младшего сына Ивана Грозного — в Угличе.

В день коронации Бориса, 1 сентября 1598 года, никто и не предполагал, насколько трагичны для России будут последствия драмы в Угличе. Меньше всего об этом думала шестнадцатилетняя Ксения Годунова, с этого момента ставшая царевной. Ей собственное будущее рисовалось в самых радужных красках, и поводов для такого оптимизма было предостаточно. Современники в один голос превозносили прелести этой стройной, яркой брюнетки с «союзными», то есть сросшимися на переносице, бровями, пышными косами и огненными глазами.

Отец постарался дать Ксении европейское образование и воспитание. Царевна умела не только читать и писать, но знала латынь, могла объясняться по-польски, ездила верхом, прелестно пела и танцевала. Сам не слишком грамотный, Борис Годунов пригласил к своим детям иностранных учителей, хотя это и вызвало недовольство русского духовенства.

Посредством брака с каким-нибудь европейским принцем отец-царь хотел не только устроить счастье любимой дочери-красавицы, но и устранить многочисленные препятствия, которые власти западных государств, опасавшиеся усиления могущества России, чинили ученым, специалистам и мастерам, желавшим работать в России.

Изначально Ксению хотели выдать за сына низложенного шведского короля Эрика XIV. Принц Густав бежал из своего отечества и скитался по Европе. В августе 1599 года, по приглашению Годунова, он прибыл в Московию. Годунов предложил Густаву руку царевны и титул властителя Ливонии. Непременным условием был переход принца в православную веру. Густав отказался — и был выслан в Углич, где и скончался некоторое время спустя, причем, не исключено, что ему в этом помогли.

Вторая попытка Годунова породниться с одним из западных королевских дворов была куда более успешной. Выбор царя Бориса пал на брата датского короля принца Иоанна, который согласился принять православие, а вместе с ним — руку царевны Ксении и княжеский удел на Руси.

19 сентября 1602 года принц Иоанн торжественно прибыл в Москву. Под звон колоколов его встречали толпа горожан и десять тысяч русских всад-

ников. Бракосочетание было решено свершить в начале зимы. Ксения влюбилась в Иоанна с первого взгляда. Для него личное знакомство с царевной тоже оказалось приятным сюрпризом. В «нагрузку» к княжескому венцу ему вполне могли подсунуть рябю или хромую уродину, да еще и малообразованную дурочку, — вещь обычная в европейских царствующих домах. А тут — красавица, почти как в сказке.

В мечтах о счастье и о своем женихе склонялась царевна над девичьим шитьем. Именно в это время были сделаны прекрасные вышивки, сохранившиеся до наших дней. Но незадолго до свадьбы принц Иоанн заболел жестокой горячкой и несколько дней спустя, несмотря на все усилия врачей, скончался... Ксения, услышав о смерти жениха, сильно убивалась по нему, а Борис Годунов сказал ей: «Погибло, дочь, твое счастье и мое утешение».

«Царь отравил королевича!» — тут же поползла молва в народе. Никому не приходило в голову, что Годунову это было не выгодно. После таинственной гибели царевича Дмитрия любая смерть в окружении царя Бориса приписывалась его злому умыслу.

Ксения осталась невестой-вдовой: возобновление брачных переговоров с Данией ни к чему не привело. Не увенчались успехом и поиски жениха в Австрии, Англии и даже Грузии. Трагическая участь обоих принцев отпугнула от царевны искателей ее руки. К тому же, по понятиям того времени, Ксения уже была старой девой, ибо к моменту своего второго обручения достигла двадцатилетнего возраста.

Главной причиной краха всех брачных замыслов Годунова было то, что его собственное положение на троне становилось все более шатким. Через пару лет после смерти принца Иоанна по Руси пополз слух, смертельно опасный для Бориса:

— Царевич Дмитрий жив!

Кроме слухов о чудесном спасении младшего сына Ивана Грозного, у царя были куда более серьезные проблемы. Россия страдала от голода и моровой язвы, то есть чумы, повсеместно появлялись разбойничьи шайки, грабившие и сжигавшие все подряд: от холопских изб до боярских палат. В 1604 году появилась комета, и вслед за нею начались бури, ураганы, опрокидывавшие дома и даже колокольни. Народ счел все это проявлением гнева Божьего, а виновником всего назвал, разумеется, царя Бориса. Народная ненависть, однако, не коснулась

Ксении: по-видимому, она вызывала лишь сочувствие.

В 1604 году царя Бориса постиг первый удар, после которого он несколько недель не выходил, а когда появился на люди, то волочил за собой ногу. 13 апреля 1606 года еще далеко не старый государь скорострительно скончался от второго апоплексического удара. Смерть Годунова усилила смуту в Российском государстве, дала новый толчок к распространению слухов об «истинном царевиче Дмитрие», и расчистила путь самозванцу. Преемник Годунова, его шестнадцатилетний сын Федор царствовал после смерти отца только два месяца. Царевна Ксения стала свидетельницей внезапного и трагического падения своего рода и предательства тех, на кого Годуновы возлагали свои надежды.

Почему Ксения не постриглась в монахини после смерти своего второго жениха, которому она как будто бы пообещала хранить вечную верность? Наверное, потому, что была не только достойной дочерью своего отца, но и родной внучкой Малюты Скуратова, одного из самых жестоких людей того времени. Так что, вряд ли она мечтала о монашеском покрывале: царский венец представлялся ей куда более заманчивым. Но судьба решила иначе...

Остановившись в Серпухове, Лжедмитрий I не решался войти в Москву до той поры, пока были живы молодой Федор Годунов и его мать-царица. Послав в столицу бояр с приказанием умертвить сына и жену Бориса Годунова самозванец, наслышанный о необычайной красоте Ксении, «дщерь повелел в живых оставить, дабы ему лепоты ея насладиться».

10 июня 1605 года князь-убийцы Василий Голицын, Василий Мосальский, Михаил Молчанов и Андрей Шереметевы в сопровождении отряда стрельцов ворвались на подворье Годуновых, захватили царицу Марию Григорьевну и ее детей и развели «по храминам порознь». Царица от неожиданности потеряла дар речи и не оказала никакого сопротивления. Федор Годунов, «поистине юный витязь и писанный красавец», мужественно сопротивлялся.

Отчаянно вырывавшуюся Ксению Годунову увезли в дом к одному из губителей ее матери и брата, князю Масальскому. Позже она узнала, что задушившие Федора и Марию Годуновых бояре-убийцы объявили народу, что царь и царица покончили жизнь самоубийством — «испиша зелья», а «царевна едва

оживе». Хотя этому никто не поверил, традиционный обряд погребения запретили. Федора и его мать закопали, как самоубийц, возле ограды бедного Варсонофьевского монастыря на Сретенке. В одну яму с ними были брошены останки Бориса Годунова, которые родовитые бояре извлекли из Архангельского собора.

Все это время осиротевшую Ксению Годунову удерживали в доме князя В. Масальского. Догадывалась ли несчастная царевна, что очень скоро наступит день, когда ее поведут на поругание к тирану-самозванцу? Ждала ли чудесного избавления?

Дьяк Иван Тимофеев так описывает эти события:

«А бдительно охраняемую девицу он, после своего вступления в город, как рабу, без всякого царского чина, с ласковым принуждением вывел из царского дворца и, без ее согласия, срезал, как незрелый колос, — одел в монашеские одежды. И было бы удивительно, если не было ей чего-либо тайно-оскорбительного от отступника».

Как считается, Ксения была изнасилована Лжедмитрием, отличавшимся сластолюбием, и затем он держал ее при своем дворе наложницей целых пять месяцев. Буквально на следующий день после вступления самозванца в Москву Ксения Борисовна стала его любовницей. Правда, жертвами Лжедмитрия оказались еще десятки боярских жен, дочерей и даже молоденьких монахинь. Но негодование историков почему-то обрушилось на одну лишь Ксению.

«В защиту Ксении Годуновой мы не находим ни слова, — пишет один из них уже в конце XIX века. — Жертвою грубого, зверского насилия честнейшая девушка или женщина может быть раз в жизни, но чтобы в течение нескольких месяцев переносить ласки человека ненавистного, убийцы ее отца, матери, брата... и покоряться этому жребию, не имея духу убить злодея или собственной, добровольной смертью избавиться от позора и срама,— для этого надобно иметь в характере особый запас трусости и подлости...»

А почему, собственно, Ксения должна была убить Лжедмитрия или покончить с собой от позора? Целый народ принял самозванца за подлинного царя, гордая аристократка Марина Мнишек согласилась стать его женой, а Ксения, приученная своим отцом к мысли о том, что будет королевой, сразу распознала «подлог»? Наверяд ли! И не исключено, что какое-то время самозванец колебался:

Посредством брака с иностранным принцем отец-царь хотел не только устроить счастье любимой дочери, но и устранить многочисленные препятствия, которые власти европейских государств чинили ученым, специалистам и мастерам, желавшим работать в России и пытавшимся пробраться в Москву

Ксения Борисовна Годунова, приведенная к самозванцу

Брак с царем, пусть и самозванным, был последним шансом гордой и властной красавицы найти себе достойного мужа

Царевна превратилась в смиренную инокиню Ольгу и дожила в монастыре почти до сорока лет, возраст по тем временам — весьма почтенный

бывший монах-расстрига Григорий Отрепьев, был убит. Избранный царем Василий Шуйский перевел Ксению Годунову во Владимирский Княгинин монастырь. В целях укрепления авторитета своей власти он устроил торжественное перенесение останков Бориса Годунова и членов его семьи в Троице-Сергиевский монастырь. Царевна Ксения, одна только и оставшаяся в живых из всей семьи Годуновых, ехала следом за этим погребальным шествием в закрытых санях и громко причитала.

Приехав в начале 1609 года в Троице-Сергиевский монастырь для поминаения родителей и брата, Ксения, теперь монахиня Ольга, была застигнута полчищами поляков, осаждавшими монастырь под командованием Сапеги и Лисовского: в стране началась открытая польская и шведская интервенция.

Осада монастыря длилась полтора года и закончилась поражением поляков, которые не смогли сломить мужество и смелость защитников. Вместе с осажденными все трудности и бедствия стойко переносила и Ксения Годунова.

После освобождения монастыря от осады Ксения Борисовна Годунова вместе с племянницей Ивана Грозного Марией Владимировной переехали в Москву, в Новодевичий монастырь. Но и здесь их ждало новое злоключение. В начале августа 1611 года казаки Ивана Заруцкого взяли приступом Новодевичий монастырь и разграбили его. В одной из грамот того времени говорится: «Когда Ивашко Заруцкий с товарищами Девиный монастырь взяли, они церковь Божию разорили, и черниц, королеву, дочь князя Владимира Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде и зрети не смели, ограбили донага, и иных бедных черниц и девиц грабили и на блуд имали, а как пошли из монастыря, и церковь и монастырь выжгли».

После этого нового, но уже последнего поругания несчастную дочь Бориса Годунова вместе с другими монахинями отправили обратно во Владимирский Княгинин монастырь. С тех пор о ней не было никаких сведений, вплоть до 1622 года, когда на 41-м году жизни прекратились все ее страдания. Перед своей смертью Ксения Годунова завещала похоронить ее рядом с родителями и братом. Последнее желание несчастной царевны исполнилось. Тело Ксении Борисовны Годуновой было перевезено в Троице-Сергиевский монастырь и погребено рядом с могилами родных у входа в Успенскую церковь. ■

жениться ему на полячке или на русской царевне. Брак с дочерью Годунова мог сильно упрочить позиции Лжедмитрия, и наверняка он это прекрасно понимал.

Наверняка это понимала и Ксения. Тем более что брак с царем, пусть и самозванным, был последним шансом гордой и властной красавицы найти себе достойного мужа.

Кстати, несчастье Ксении обернулось трагедией и для Марины Мнишек. Своенравная полячка колебалась: ехать ли ей в смутную и чужую Московию, чтобы занять там опасный, шаткий престол, или остаться на родине и найти менее блестящую, зато безопасную партию. И тут ей донесли, что жених отнюдь не изнывает в разлуке с нею, а приблизил к себе красавицу-царевну и чуть ли не собирается обвенчаться с нею.

Марина помчалась отбивать неверного суженого у соперницы. А поскольку в ее запасе были довольно внушительные аргументы — несколько тысяч вооруженных поляков, то выбор самозванец сделал очень быстро. Марина надела брачный венец, Ксения — монашеский клобук. Царевна превратилась в смиренную инокиню Ольгу и дожила в монастыре почти до сорока лет: возраст по тем временам — весьма почтенный.

Не надеясь когда-либо вернуться в Москву, чтобы оплакать могилы своих родителей и брата, Ксения Годунова мысленно возвращалась к своему прошлому, к тем бедам, которые постигли ее семью и всю Русскую землю.

17 мая 1606 года в результате дворцового переворота, организованного дворянами-заговорщиками и поддержанного народом, Лжедмитрий I,

ЧТЕНИЕ

Дмитрий Мережко, Надежда Панченко
книжный бульвар

Джо Данторн.
«Я, Оливер Тейт»
Рипол-классик, 2008

Книжка напечатана очень маленьким тиражом и, очевидно, представляет собой первый опыт автора, в чем он, собственно, и признается. Со всеми вытекающими — примат формы подачи; иногда непоследовательность, кажущаяся, впрочем, нарочитой. В чем автору не откажешь — он предельно, до цинизма, откровенен в повествовании от лица 15-летнего подростка. Кто помнит, чем и где занимаются 15-летние подростки, что волнует 15-летнего подростка, на что способны 15-летние подростки, что пробуют впервые, будучи 15-летними подростками — прочитает об этом еще раз. Кто не помнит — вспомнит во всех подробностях. В общем, прочитав Данторна, я с меньшим содроганием встретил 15-летие своей дочери и теперь несколько более толерантно смотрю на ее «художества». Все они, видать, такие, независимо от страны проживания. А вот дать ли дочке почитать эту книгу — еще не решил.

Иэн Макьюэн.
«Суббота»
Росмэн, 2007

Это произведение Макьюэна к самым свежим релизам не относится. Но я считаю, что стоит его прочитать хотя бы потому, что оно отмечено старейшей в Великобритании литературной премией имени Джеймса Тейта Блэка. Книга написана в довольно сложной форме — это хронологическое повествование о событиях одного дня. Повседневная жизнь редко развивается по законам остросюжетного жанра. В качестве приманки, удерживающей читателя в тексте четырехсотстраничного романа, автор использует высокую насыщенность современными научными и эстетическими концептами. Вы вот, например, знаете, что удовольствие от легкой физической нагрузки обусловлено воздействием эндорфинов на мю-рецепторы, а характеры детей совершенно не вытекают из личностных черт их родителей? В перерывах между напряженными эпизодами Макьюэн подсовывает довольно приличное количество такого рода пицци для мозгов, что сглаживает даже слабость некоторых побочных сюжетных линий.

Дмитрий Дегтярев.
«28. Книжка на полет»
Рипол-классик, 2008

Прочитав «28», я остро пожалела о том, что сейчас свою книгу, да еще и в авторской редакции, может опубликовать каждый. Очень тяжело читать слабый, пустой, дневниково-разговорный текст, который лишен, видимо, не только редакторской, но и даже корректорской правки. Если бы автор ухитрился ужать свои измышления на тему «я был неправ, она меня бросила, мне было тяжело, но я это пережил» до пары страниц, цены бы такому тексту не было! Особенное возмущение вызвал у меня десяток страниц, претенциозно названный главой №3 и посвященный байкам. На любом мотопоруме можно прочесть ровно то же самое, но в куда более интересном и качественном изложении. Пешеход или автолюбитель даже с помощью предложенного автором словаря ничего особенно удивительного и замечательного из главы №3 не вынесет. Почему я-таки решила опубликовать рецензию на «28»? Может быть, потому что парень был искренним? И, чем черт не шутит, может, прочтение этого потока эмоций кому-то пойдет на пользу?

Миша Дефонсека.
«Выжить с волками»
Рипол-классик, 2008

А вот за публикацию этого произведения издательству «Рипол-классик» можно, как сказали бы представители более юного поколения, поставить зачет. В прошлом году здесь была опубликована «Суад. Сожженная заживо» — история храброй маленькой женщины из мусульманской страны. В этом году «Рипол» напечатал книгу о судьбе еврейской девочки по имени Мишке, которая становится сиротой по вине нацистов. Устав от страха за свою жизнь и придинок приемных родителей, семилетний ребенок отправляется на поиски мамы и папы. На пути Мишке лежит Европа 1941 года: война, голод, смерть. В отличие от «Суад», у романа Дефонсека — более качественный перевод. И уроков из него извлечь можно больше, чем из вышеназванного «28». Потому что, собственно, самое ценное в «Суад» и «Выжить с волками» — в том, что эти истории — подлинны. Роман Миши Дефонсека был переведен на 18 языков, в прошлом году по нему сняли фильм. Уверена — не зря.

Мария Мечиславовна Мыслинская родилась в 1900 году в Варшаве. До 1918 года она с матерью жила в Праге, где мать преподавала французский язык в пражской Русской гимназии. А затем они возвращаются в Россию, и Мария заканчивает гимназию в Рыбинске и поступает на агрономический факультет Тамбовского университета. В октябре 1920 года Мыслинские вновь уезжают в Прагу. В 1924 году Мария Мыслинская впервые появляется на собра-

ниях «Скита» с чтением своих стихов, а впоследствии часто выступает с ними на «ски-товских» вечерах. Она выходит замуж за Бориса Крестинского, инженера, работавшего в пражском отделении фирмы «Филипс». А когда его увольняют, он никак не может найти работу, и они с женой решают эмигрировать в США, куда и уезжают в 1942 году. На протяжении долгих лет жизнь их была неустроенна, но это не мешало им тесно

поддерживать связь с русской диаспорой. Как вспоминают ее бывшие друзья: «... слегка ироничной улыбкой... она производила впечатление аристократизма, была человеком глубокого ума и безусловной принципиальности».

Мария Мечиславовна Мыслинская-Крестинская скончалась в бостонском доме престарелых. Так закончилась жизнь этой удивительной женщины и прекрасной поэтессы.

Леночкина Россия

I

«Воля России».
1929

публикация
Станислав
Никоненко

иллюстрация
Лев
Рябинин

Медведям хочется спать, но спать они не могут, ибо лишены век, и поэтому обречены на вечную бессонницу. Неподвижно уставясь пуговичными глазами в потолок, они, быть может, мечтают о дремучих лесах, бурых медведях, по образу и подобию которых они сотворены. На груди у младшего медведя зияет огромная рана, из которой торчит солома и сыпятся опилки. Вот уже год, как над ним была произведена какая-то сложная операция, и с тех пор рана не заживает. И медведь, постепенно теряя свои опилочные внутренности, катастрофически худеет.

Таинственно мигая, за окном зажигается совиный глаз луны, и неверный желтый свет его вливает новый яд в медвежью опилочно-соломенную грусть.

Тревожно тикают часы, по углам мышино шуршит тишина...

И часы, и тишина, и желтый совиный глаз луны вскрывают чуткий сон, и маленькая голубая полосатая фигурка осторожно сползает с кровати. Нарушенный сон отходит, отходит, недовольно фыркая и ёжась, как разбуженный кот.

Леночка — ибо голубую полосатую фигурку зовут Леночкой — подходит к окну и смотрит прямо в желтый и хитрый зрачок луны, и луна смотрит прямо на Леночку. Пожалуй, она немного сконфужена, что разбудила Леночку, впрочем, присмотревшись, она замечает, что Леночка как будто вовсе не спала: глаза ее широко раскрыты, волосы спутаны и губы что-то шепчут, а на лице ее — странное отсутствующее выражение. Отойдя от окна, Леночка берет со стола первую попавшуюся тетрадь в синей обложке и грызок карандаша.

Незримая муза вдохновенно водит рукой Леночки, но вдруг рука останавливается… Несомненно, прекрасная муза, должно быть, кем-то вызванная, оставила на произвол судьбы Леночкину руку, и рука эта, беспомощно сжимаемая карандаш, рисует фантастические цветы под лихо разбежавшимися строками на редкость крупных букв.

Нарисовав достаточное количество цветов и присоединив к ним еще двух собак и дом, Леночка, грустно вздохнув, возвращается к покинутому сну.

На столе остается открытая тетрадь с изображением цветов, собак и домика, над коими судорожно искривленные буквы, вытянутые в две строки, страдальчески твердят:

Луги цветут, а мне опять все грустно; — Учусь, учусь и письменно, и устно.

II

Между тем луна, наскучив любопытным шныряньем по углам и побледнев от усталости, наконец, закатывается и выпускает себе на смену самодовольное розовеющее солнце.

Ольга Николаевна будит Леночку. — Леночка, половина восьмого, первый — арифметика, ты опоздала.

Леночке трудно проснуться: обманутый ночью сон мстит за себя и не выпускает ее из своих пушистых лап.

— Еще пять минут, я скоро… он, может быть, опоздает.

— Кто он?

— Владимир Викторович. Мама, я еще немножко, ма-люлюсенький кусочек посплю.

Но Ольга Николаевна неумолима. Она откидывает нагретое ватное одеяло и расстегивает фланелевую полосатую пижаму.

— Вставай, вот твоя рубашка, чулки и подвязки. Ты с каждым днем все позже и позже уходишь в гимназию. Лень прежде тебя родилась.

«Вечно про эту лень», — презрительно думает Леночка и, натянув чулки и рубашку, нехотя идет к умывальнику.

Недовольство Леночки, впрочем, скоро проходит, когда, схватив книжки и нахлобучив круглую синюю шапочку с хвостиком на макушке, она выскакивает на улицу и бежит через садик к звенящему и громяющему трамваю.

Лохматая коричневая собака бросается ей под ноги, отчаянно виляя хвостом и исступленно лая.

— Каро*, Бронька, — кричит Леночка по-чешски, так как собака хозяйская и русского языка не понимает.

Усевшись в трамвай, Леночка несколько секунд тяжело дышит, так как за трамваем она бежала и вскочила в него на ходу, вопреки маминым просьбам. Отдышавшись, она подтягивает ноги, начинает осматривать пассажиров. В углу сидит толстый «пан» и читает газету, а напротив — женщина с корзиной, а рядом с Леночкой, держась за белое, висящее на ремне кольцо, стоит хорошенькая барышня в розовой шапочке и серой меховой шубке. Леночка с удовольствием смотрит на барышню, на серую шубку, но

вдруг она вспоминает, как презрительно Ольга Николаевна отзывается о подобных шубках, говоря, что в России такой мех носят только внутрь, на подкладку, и что чешки не умеют одеваться и у всех у них большие ноги. Леночке втайне нравится барышня, нравится и ее шубка, она сама не прочь такую же «подкладочную» шубку, но, вспомнив слова матери, она высокомерно отворачивается.

«Россия, — думает она, — разве может какая-нибудь страна сравниться с Россией».

Хотя Россию Леночка покинула двух годов от роду и совершенно ее не помнит, зато слышит о ней постоянно.

Отец ее — крупный инженер, занимает в Чехии приличное место на одном из цементных заводов, и они живут хорошо, а в сравнении с другими эмигрантами даже роскошно, но разве это может сравниться с Россией. У мамы все время лицо, как будто ее смертельно оскорбили, заставив жить в двух комнатах с кухней в небольшой вилле на окраине города и объясняться в магазинах по-чешски.

Леночке великолепно известно, что, помимо больших ног, подкладочного меха и неумения одеваться, чехи страшно невоспитанны, едят с ножа и не уступают дамам места; что Россия — единственная страна «настоящей духовной культуры» и подлинной «аристократии духа». Леночка хорошо запомнила эти два выражения и, выдав Россию только на открытках и зная ее по рассказам окружающих, все же чувствует глубокое почтение к этой необыкновенной стране, заселенной не только людьми, но и разными аристократическими и культурными духами.

III

В гимназию Леночка попадает в пять минут девятого и, срывая с себя по дороге и пальто, вся красная от смущения, входит в класс.

Урок уже начался, учитель математики, Владимир Викторович, высокий, бледный, никогда не улыбается и ведет урок глухим усталым голосом. Он никогда не кричит на учеников, как Софья Львовна или Никита Иванович, но его боятся, и уроки его всегда старательно готовят. Ученицы старших классов узнали, что он был офицером у Врангеля, носил черкеску и ездил на вороном коне, был очень храбрый, и черкеска ему необыкновенно шла. Они говорят тоже, что он — очень красивый и что глаза у него чудные, но Леночка этого не замечает, так как взгляд его глаз она всегда ощущает как тяжесть, и ее сжавшееся сердце неминуемо чует приближение роковой четверки.*

Сегодня она особенно встревожена, ведь она не решила заданных примеров и не выучила правил.

Осторожно вбирая голову в плечи, она прокрадывается к своему месту рядом с Люсей Зайцевой, на третьей скамейке.

Владимир Викторович спрашивает Мухина; Мухин, стоя у доски, бойко отвечает урок и решает примеры.

* По чешской системе школьных оценок от 1 (высший балл) до 5 (низший балл) четверка соответствует двойке.

Владимир Викторович просматривает домашнюю тетрадь Мухина и изредка задает ему вопросы.

Мухин — хороший ученик, и ответами его всегда довольны все учителя. Владимир Викторович тоже доволен, но он ничем этого не выражает — ни кивком головы, ни улыбкой. Владимир Викторович никогда не улыбается.

«Помяни, Господи, раба твоего Давида и всю кротость его; помяни, Господи, раба твоего…» — беззвучно шепчет Леночка, держа кукиш под фартуком. Она боится, что ее вызовут, а молитва эта действует, как заклинание, и спасает от вызова.

— Зверева! — вдруг слышит Леночка и, вздрогнув, не разжимая кукиша, негнуцимися ногами идет к доске.

— Ваша тетрадь…

Леночка подает тетрадь и вдруг с ужасом вспоминает, что именно в этой тетради она ночью написала свои стихи.

— Луги… Что такое? — изумленно вскидывает глаза учитель. — Что это значит?.. — продолжает он, но вдруг встречается с глазами Леночки: беззвучный вопль застыл в этих глазах, они грозят, умоляют, затопленные слезами, эти серые глаза пронзают и трогают даже бесчувственное сердце Владимира Викторовича. Еще миг, и он отводит взгляд и продолжает просматривать тетрадь. Затем он встает с кафедры, подходит к окну и, повернувшись к классу спиной, долго кашляет. Кашель его звучит очень странно, он, скорее, похож на сдерживаемый смех. Но это только кажется; повернувшись, он с тем же холодным и бледным лицом отдает Леночке тетрадь. Отдавая тетрадь, он смотрит на Леночку, и только одна она замечает неуловимые золотые искры смеха, мелькающие в его глазах.

— Прекрасно, садитесь, Зверева.

Леночка идет на место, как во сне; теперь она тоже знает, что глаза у Владимира Викторовича действительно «чудные»… Звонок, наконец, прерывает напряженное томление урока арифметики. Вылетая вместе с другими во двор, Леночка пробегает мимо наказанного, стоящего у дверей Степанова. Этот Степанов, рослый двенадцатилетний мальчишка в перетянutom кушаком свитере, с перепачканными руками и вечно сонными глазами, самый отчаянный хулиган во всей гимназии.

Стоя у дверей, он толкает пробегающую мимо Леночку, но она не оборачивается.

— Китайский мандарин, обезьяна с хвостиком, — тихо, но внятно, говорит Степанов.

Леночка слышит. Леночка вспыхивает. Нет для нее ничего обидней этого названия… И всему причиной — ее короткая, толстая косичка. Леночка, как и всякая другая современная женщина, является сторонницей «микадо», но мама упорно отказывает ей в просьбе отрезать косичку.

— Это гораздо красивее и женственнее, и в России все девочки носят косы…

Последний аргумент, конечно, убедительнее всех, и Леночка покоряется.

Но все же среди прочих «бубикопфов» и «микадо» (коротких стрижек с челкой), она чувствует себя, действительно, китайцем и даже — увы! — немного обезьяной с хвостиком.

Литература. Наши публикации — 100

Слезы навертываются у нее на глазах, и больно сжимается уязвленное сердце.

— Чернильная клякса, футбольная затычка!.. — кричит она, не помня себя, и, показав Степанову язык, выскакивает во двор.

— Крыса! — кричит взбешенный Степанов, но «высшая воля» приковывает его к месту, и Леночка на сей раз избавлена от пары ощутимых тумачков.

IV

К трем часам Леночка возвращается домой возбужденная, в пальто, забрызганном грязью, растрепанная и в помятой шапке. Дома она застает Веру Семеновну, у которой, как папа говорит, на лице ясно написано: «Меня ничем не удивишь».

— Mamerta, — кричит Леночка, — я получила единицу по истории.

— Боже мой, как денационализируются дети, — вздыхает Вера Семеновна. — Это варварское смешение языков. Ольга Федоровна посылает свою Лелю во французскую школу, но я предпочитаю русскую. Ее Леля скоро совсем забудет русский язык, говорит на каком-то франко-чешском…

— Это ужасно, — подтверждает Ольга Николаевна.

Леночка проходит в соседнюю комнату готовить уроки и оттуда слышит отрывки разговора:

— Большевики опять объявили террор… Восстание…

Русская икра… Вы знаете, эти чешские портнихи…

Готовя уроки, Леночка схватывает отдельные слова, по-своему уясняя себе их смысл: террор представляется ей в виде тореадора, о котором иногда по утрам поет папа, объяснивший ей, что тореадоры — это те, что сражаются с быками. Большевики для Леночки — полумифические существа, чрезвычайно большого роста, отсюда — их название. Икра — загадочное русское кушанье, похоже на мармелад. В том, что она никогда не ела икры, Леночка ни за что не решится признаться. Ведь она — русская и родилась в городе Симбирске.

— Леночка, ты скоро кончишь? Иди чай пить.

— Сейчас, мне остался еще чешский ukol.

— Какой еще «укол»?

— Да «уколь», а не «укол», ты ничего не понимаешь; это значит, по-чешски, заданный урок.

— Ну, и язык, — ахает Ольга Семеновна, — разве можно научиться? У них урок, у нас укол, у них свежий, у нас черствый. А правописание… Я оставила всякую надежду…

За чаем мама говорит, что если детей пускают, то она поведет Леночку на русский фильм.

Леночка вскакивает и опять садится. О, кино — это ее страсть; прекрасные дворцы, лукавые гибкие красавицы, неустрашимые героические мужчины.

К шести часам возвращается папа. Узнав о проекте вести Леночку в кино, он протестует.

— Elle ne comprendra pas*, — говорит Ольга Николаевна, — но я хочу, чтобы наш ребенок не забывал своей Родины.

* Она ничего не понимает (фр.).

Папа пожимает плечами.

— Твое дело, тебе виднее. — Он всегда уступает маме, и говорят, что он — слабый и под башмаком у мамы, но Леночка знает, что это неправда, он просто очень, очень умный, умнее всех на свете, вот и все.

v

Леночка, с мамой, папой и Верой Семеновной, идет по залитым светом вечерним улицам. Рекламы восхищают ее, витрины неудержимо влекут к своим зеркальным стеклам. Но она не смеет слишком явно восхищаться, ведь в Симбирске, несомненно, ярче освещены улицы и больше и прекраснее витрины. Разве может какая-нибудь страна сравниться с Россией...

Сверкающий вход в кино проглатывает людской поток. «Carevno Katerino».

При входе происходит спор: Леночку не хотят впустить. Наконец, после долгих препирательств и уверений со стороны мамы, что Леночке меньше семи лет, ее пускают, причем папа что-то сует в руку толстому швейцару.

Леночке немного обидно, что ей так безжалостно уменьшили возраст, но, вспомнив о предстоящей картине, она прощает матери ее ложь.

Во время сеанса, первый раз в жизни, Леночка не соглашается с родными и их громким возмущением и протестом.

Екатерина, прекрасная испанская «кино-стар», очаровала Леночку; ее прическа, костюмы, ее поведение, вплоть до избияния непокорных придворных хлыстом, пиры с неизбежными балалайками, ее столица — Петербург; с картонными церквями, дворец с ручными медведями и чудовищно огромный кокошник пленили Леночку кино сердце.

«Во поле березынька стояла...»

«Сижу за решеткой в темнице сырой...» — поет русский хор, скрытый в оркестре, и звук его, вливаясь в безбрежные снежные степи экрана, потрясает Леночку. Ее душа горит, слезы текут из глаз.

Она почти ненавидит своего папочку за то, что он громко хохочет в самых трагических местах; она не понимает, что мама имеет против костюма Екатерины, которая с кокошником на голове, в высоких сапогах со шпорами лихо гарцует на коне.

«Они сами не знают, чего хотят; они не любят Россию, они не умеют ею восхищаться...»

Домой Леночка возвращается молчаливая и задумчивая, в ее душе открывается новый мир.

«Так вот она какая, Россия; я обязательно поеду туда, обязательно», — думает она, и глаза ее слипаются.

Спать ее укладывают мама и папа: папа снимает башмаки, а мама — платье. Лица у них далекие и туманные.

Леночкин сон переживает действительность. Во сне она видит Россию: поля, покрытые снегом, сани, запряженные бурными медведями, и в санях — Екатерина.

Исполинского роста большевики дерутся с красными быками, пожирающими икру. А икра горами навалена на снег, похожа на смородиновое варенье. Тройки такие, какими они изображены на коробках с русским чаем «Самовар», звенят колокольчиками, на облучках сидят ямщики и поют по-русски. Среди домов с соломенными крышами бегают настоящие русские собаки, заливаясь настоящим русским лаем. На светлом небе расцветают изумительные синие купола русских церквей, и из-за куполов, навстречу быкам, Екатерине и большевикам, заслоняя икрную гору, скачет на коне Владимир Викторевич в черкеске, с красным башлыком и в черной папахе, и глаза его горят ярче луны и солнца, ярче сияющих звезд и голубых электрических кинореклам... ☞

dvd

Кирилл Подоляк
dvd-бульвар

Квант милосердия («Quantum of Solace»)

США, Великобритания, шпионские страсти, 106 мин. Режиссер М. Форстер, в ролях: Д. Крэйг, М. Амальрик, Д. Денч, Д. Артертон, 2008

Давнишняя, по сегодняшним меркам, серия «Завтра никогда не умрет» стала последней каплей, создав четкую границу между классикой «бондианы» и тем, что появляется сейчас. А сейчас — это условный сюжет, написанный за ночь, колоссальный бюджет, море совсем не скрытой рекламы, теоретически завораживающие эффекты... Новая картина — «сиквел» «Казино Рояль». По сюжету, Бонд ищет истину в надежде разгадать, за что же его предали в предыдущей серии. Непременно появится боевая девушка, но на этот раз она его не предаст, ибо их цели найдут общий знаменатель. Создатели затронули актуальную тему — злодеи стремятся захватить контроль над мировыми запасами нефти. Зрелищно, ярко, быстрая смена обстановки и стран. На один раз должно хватить.

Враг Государства №1 («Mesrine: L'instinct de mort»)

Канада, Франция, Италия, документальный, 113 мин. Режиссер Ж.-Ф. Рише, в ролях: В. Кассель, С. Де Франс, Ж. Депардьё, Р. Дюпюи, 2008

Документальные или основанные на реальных событиях фильмы — редкие гости мировых экранов. Сюжетов — море, но не многие берутся переводить их на ленту. Наши соседи по континенту решили воссоздать целую эпопею жизни легендарного французского бандита Жака Месрина, заслужившего в свое время статус «врага государства №1». Время действия — 70-е. Главный герой — уроженец благополучной семьи, обладатель хороших возможностей и перспектив. Открестившись от доступных путей развития, он вступает на преступную тропу, став банковским налетчиком. Это не жажда денег, скорее какой-то очередной отсидки Месрина неминуемо следовал возврат к грабегам. Карьера бандита завершилась поимкой Жака с личным в Канаде.

Свидание вслепую («Blind Date»)

США, Великобритания, драма, 80 мин. Режиссер: С. Туччи, в ролях: С. Туччи, П. Кларксон, Т. Ромер, Г. Де Декер, 2008

Изначально смутило название картины — вспомнился фильм с Брюсом Уиллисом в главной роли. Повтор оправдывается официальной информацией — новый релиз — «ремейк» старого. Сюжет, актеры, атмосфера — все другое. Создатели представляют серьезную драму с оригинальным сюжетом. Семью Дона и Джанны постигло несчастье — смерть дочери. В итоге, для возрождения былой любви им приходится начинать все сначала. Пара изобретает интересный способ общения — свидания через объявления в газете и обыгрывание различных ролей (слепец, танцор, журналист, агрессивная женщина и так далее). Все было ничего, да разговор неминуемо перетекает в неразрешимый кризис отношений. Лейтмотив имеет параллель с фильмом «День Сурка», где главный герой после очередной неудачи начинал все сначала.

Крик муравьев («Scream of the ants»)

Франция, Иран, Индия, авторское кино, 85 мин. Режиссер М. Махмальбаф, в ролях: М. Чокроллахи, М. Шадзи, К. Маасс, Т. Чогьял, 2006 (2008 в РФ)

Творческие новинки приковывают взгляд лишь в случае нестандартности. Сила новатора — в умении разрушить стереотипы. В данном случае иранскому режиссеру пришлось снимать фильм в Индии, ибо на родине многие темы, затрагиваемые в картине, — запрещенные. Сюжет повествует о свадебном путешествии молодоженов по стране слонов. Казалось бы, банально, но перед нами — далеко не приключения, а, скорее, философский очерк, посвященный жизни, религии, принципам, заблуждениям, мифам и так далее. Сюжет предполагает постоянное противопоставление супругов, ибо жена — искренний, набожный человек, а муж — ярый скептик и атеист. Кинолента напоминает документальный путеводитель по Индии с живыми, настоящими людьми, без грима и постановочных моментов.

На волейбольной площадке атмосфера накалилась до предела: исход матча зависел от последней подачи.

Рука Пашки Кравцова напряглась, потом уверенно взметнулась вверх, и мяч, перелетев через сетку, попал точно в угол площадки. Есть! Они — в финале!

Радостные болельщики с букетиками цветов, собранных тут же, на поляне, окружили победителя — команду завода «Каучук».

К Пашке подбежала симпатичная темноволосая девчушка.

— Паш! Как думаешь, кто выиграет финал?

— Поживем — увидим, Лариса, — отшутился Паша, разглядывая протянутый ему девушкой букетик васильков.

— Надеюсь, это будет, — улыбаясь, вмешался в разговор Илья.

Лариса смущенно покраснела и отошла к группе подружек, о чем-то шептавшихся и украдкой посматривавших на ребят.

— Илья, сколько раз просил, не подначивай Лариску, неудобно. Сам ведь знаешь, что между нами ничего не может быть, кроме дружеских чувств, — раздраженно произнес Паша.

— Да я, собственно, и не собирался, — оправдывался Илья.

Невыдуманная история

Паша с Ильей дружили с самого детства, и судьбы их были очень схожи: у обоих отцы погибли на фронте, а матери работали на обувной фабрике, оба учились в одном классе, сидели за одной партой, после школы вместе пошли в ремесленное, а потом и в армию. После демобилизации они устроились на завод «Каучук», и даже станки их стояли рядом. В будни и в праздники, на работе и на спортивной площадке — они везде были неразлучны.

Сегодняшний матч не стал исключением — друзья, отбивая безнадежные мячи, приносили очередные очки в командную копилку.

Теперь на площадку вышли девушки, и Илья с любопытством спросил:

— Паш, за кого будешь болеть?

— Догадайся сам. Конечно, за Настю, — шутливо ответил Паша.

Они с Настей познакомились случайно, на танцплощадке в Сокольниках. Павел сразу выделил из толпы красивую стройную девушку со смеющимися карими глазами и слегка капризным ртом. После танцев они долго гуляли по парку, а затем Павел проводил девушку домой. Оказалось, что жили они в противоположных концах города, но это вовсе не помешало их

дальнейшим встречам. А позже они стали встречаться и на соревнованиях. Вот и сегодня во время матча договорились, что после игры пойдут гулять в Сокольники.

Вроде бы все между ними было просто и понятно, их тянуло друг к другу, к тому же и интересы у них оказались общие, включая и волейбол. Но Пашу постоянно грызло необъяснимое беспокойство: их отношениям не хватало той мучительной тоски при расставаниях и учащенного сердцебиения при встречах, какие он испытывал к Нине Забиякиной, своей первой, еще доармейской любви.

...Они жили в одном дворе, учились в одной школе, и Паша никак не мог забыть их прогулки по Москве, когда они часто сидели в кафе и в уютном полутемном зале тихо разговаривали о своем будущем, а прощаясь, прятались от соседей в пышных кустах сирени и тайком страстно целовались. Им казалось, что их тогда еще полудетская любовь будет длиться вечно. Но всешло по-другому.

Пашу забрали в армию, а на проводах оба клялись, что будут писать друг другу каждый день. Поначалу все так и было, но почти перед оконча-

Владимир
Бочаров

иллюстрация
Роман
Львов

нием службы переписка неожиданно прервалась — Нина перестала писать ему. Павел ждал целый месяц, а потом не выдержал и отправил матери письмо с просьбой сообщить, что же произошло с Ниной. Ответ пришел быстро. Разрывая конверт дрожащими пальцами и доставая густо исписанный листок бумаги, Паша боялся взглянуть на строчки — вдруг сбудется то, от чего в последнее время так ныло сердце. И предчувствия его не обманули: мать сообщила в письме, что старый дом, в котором жила Нина, пошел на слом, жильцов расселили, а нового адреса Забиякиных она не знала. Семья Павла тоже получила отдельную квартиру недалеко от Серебряного Бора, и теперь они занимаются обустройством новой квартиры…

Прошло полгода. Павел демобилизовался и вернулся в Москву. Они с Ильей сразу же устроились на работу, и потекла спокойная размеренная жизнь: дом — работа — спортивная секция…

Но Павел никак не мог избавиться от воспоминаний и часто после работы ездил к пустырю, где раньше стоял их деревянный дом, и, глядя на небо с быстро пробегающими рваными облаками, мысленно пытался оживить картинку прошлого.

Вспомнилось, как однажды они с Ниной поехали на Птичий рынок покупать корм для рыбок, а вместо него купили понравившегося Нине щенка. Щенка назвали Спутник в честь запуска первого спутника в Космос.

Дома был жуткий скандал, Нинина мама кричала на весь двор, что дети бездумно потратили деньги, и щенка у себя в комнате она не потерпит, пусть относят его куда угодно.

После долгих споров и препирательств пришлось отвезти щенка к бабушке Нины, жившей в деревне недалеко от города Чехова. Ребята щенка не забыли и каждое воскресенье приезжали навестить его. За лето Спутник окреп, подрос и очень привязался к ним. Перед уходом в армию Паша с Ниной навестили бабушку, чтобы попрощаться с ней, и та даже прослезилась. Она трогательно обнимала Пашу, а Спутник, встав на задние лапы, облизал ему все лицо…

Когда Павел после армии попытался разыскать Нину, он ездил даже в деревню к бабушке. Но там жили уже какие-то другие люди. Они рассказали ему, что бывшие хозяева дом продали им, мебель всю забрали, даже рыжего пса увезли, хотя новые жильцы, которым собака очень приглянулась, просили оставить его.

И в Горсправке, куда неоднократно обращался Павел, никаких сведений о Нине не было. На этом все концы девушки оборвались…

Тем временем на площадке подходил к концу финальный матч. Победа была очень важна — победители соревнований награждались профсоюзными путевками в дом отдыха, и ни куда-нибудь, а на Черное море.

Игра заканчивалась в пользу Настиной команды, и после свистка судьи запыхавшаяся счастливая девушка подбежала к Павлу.

— А почему ты меня не поздравляешь?

— Поздравляю, Настя. Здорово, что мы вместе поедем на море, — с вымученной улыбкой выдавил из себя Паша.

Подошедший к ним Илья отвел друга в сторону.

— Слушай, со стороны совсем не похоже, что ты в нее влюблен. Никак не пойму, что у вас за отношения.

— Я сам ничего не понимаю, — задумчиво произнес Павел, отводя взгляд в сторону. — Знаю только, что она мне очень нравится.

— Так нравится или любишь? — продолжал допытываться Илья.

— Любил я только Нину. До сих пор не могу избавиться от этого чувства. А найти ее так и не смог.

— В Горсправку обращался?

— Обращался, да все напрасно. Сказали только, что адресат выбыл, и все. Правда, есть еще один шанс. Мы вот выиграли путевки и поедем отдыхать именно в тот город, где живет Нинина тетя. Я обязательно разыщу ее, может, она расскажет, что все-таки произошло. Хотя я не знаю ни ее имени, ни фамилии… — В голосе Павла было столько грусти, что Илье даже стало жалко его.

— А вдруг у нее такая же фамилия, как у Нины? — попытался ободрить он Пашу.

— Вряд ли. И вообще, давай замнем, — ответил Павел, показывая взглядом на приближавшуюся к ним Настю…

Тем же вечером Павел и Настя встретились на танц-площадке в Сокольниках. Они от души натанцевались, затем долго бродили по аллеям парка.

— Паша, ты рад, что мы вместе едем на юг? — тихо спросила девушка.

— Конечно, рад. К тому же я обещал привезти маме морские камушки на память, ведь она никогда не была на море, — уклончиво ответил Паша.

Больше они не разговаривали и так, в полном молчании, дошли до Настиного дома. Только здесь, у самого подъезда, Павел взял Настю за руку и, глядя ей в глаза, решительно проговорил:

— Я никогда не вру, и сейчас врать тебе не буду. Ты мне очень нравишься, но любовь — это нечто другое, что-то необъяснимое, идущее из души. И я пока не готов говорить с тобой о любви.

Настя, ничего не ответив, резко выдернула свою руку и быстро вбежала в подъезд. А Паша медленно направился к троллейбусной остановке…

Наступил день отъезда. На перроне было шумно и весело. Ребята громко переговаривались, не прислушиваясь к наставлениям провожающих матерей. А те наперебой старались перекричать молодежный гвалт: «Не выходите на станциях, чтобы не отстать от поезда, с рук ничего не покупайте, мойте фрукты, не задирайтесь с местными и обязательно пишите».

Наконец, все разошлись по вагонам, поезд тронулся, а толпа провожающих, размахивая руками, устремилась за ним…

Время бежало незаметно — ребята заходили друг к другу в купе, дружно пили чай, пели песни под гитару и с восторгом любовались мелькавшим за окнами пейзажем.

Вот и юг — море, пляж, солнце, пышная экзотическая растительность!

Им устроили торжественную встречу во главе с местным профсоюзным боссом, загорелым усатым балагуром, которого сопровождала очаровательная секретарша Любаша. Она должна была разместить гостей и отвечала за их досуг. Чуть поодаль, урча моторами, спортсменов дожидались два стареньких «Газика». Не успели ребята

разместиться по номерам, как тут же, побросав рюкзаки и сумки, побежали к морю. Красотища! Что еще нужно человеку в жизни!

А вечером, после ужина, были танцы, и, наплясавшись до упаду, молодежь разбрелась по своим комнатам, и в коридорах наступила полная тишина.

На следующее утро первым проснулся Илья и тут же включил приемник на всю громкость.

— Эх, вы, сони! Просыпайтесь! Как можно спать в такой день! Нет ничего лучше утреннего моря!

Мальчишки начали медленно подниматься, протирая заспанные глаза и недовольно ворча:

— Илья, хватит дурачиться!

А Паша поддержал друга.

— Илья прав. К тому же я сегодня прекрасно выспался.

Бежим, искупаемся!

Во время завтрака в столовую впорхнула принаряженная Любочка и сообщила, что их ждет интересная экскурсия. Наскорка заканчивая трапезу, ребята выбежали на улицу и бросились в экскурсионный автобус.

Настя села рядом с Пашей и, чувствуя прикосновение его руки, боялась лишь одного — чтобы он не услышал, как бьется ее сердце.

Они ехали по городу, разглядывая своеобразные курортные домишки, как вдруг Павел напрягся — мимо автобуса пробежал большой рыжий пес и скрылся во дворе двухэтажного дома под аркой.

А автобус свернул на узкую дорогу, ведущую к дому отдыха.

Настя сразу почувствовала состояние Паши и удивленно спросила:

— Что ты там увидел?

— Да показалось, вроде собака знакомая, — с какой-то тревогой в голосе проговорил Паша.

— Ты что, уже бывал в этих местах, и даже собак помнишь? — весело подхватил разговор Илья.

— Нет, здесь я никогда не был. А подслушивать чужие разговоры нехорошо, — зло оборвал его Павел.

Когда они прибыли на место, Илья отвел Пашу в сторону, взял его за руку и серьезно произнес:

— Давай, рассказывай про собаку.

— Какую собаку?

— Не прикидывайся. Думаешь, я тебе поверил? Пойдем на балкон, поговорим.

— Пойдем, — охотно согласился Павел.

Темное небо было сплошь усыпано звездами, среди которых выделялся огромный желтый диск луны, отражавшийся в мирно шепчущихся внизу волнах. Такое полнолуние можно увидеть только на юге. Вдалеке слышалось пение цикад, а теплый ветерок доносил к балкону легкий аромат садовых цветов и трав.

— Понимаешь, Илья, — тихо начал Павел, — мне показалось, что я видел Спутника. Точно не могу сказать, ведь столько времени прошло, но очень похож…

— Ты сам говорил, что в этом городе живет тетка Нины. А вдруг это действительно Спутник?

— А может, просто мои фантазии.

— Вот завтра и проверим. Ты же запомнил двор, куда пес забежал.

Друзья договорились, что после завтрака они под благовидным предлогом сбегут в город и займутся поиском собаки.

Предлог был найден — надо поехать в город, отбить телеграммы родным и купить фрукты на рынке.

— А можно и я с вами? — нежно проговорила Настя, беря Павла под руку.

— Будем только рады, — вместо Павла ответил Илья.

На почте была огромная очередь, и ребята попросили Настю постоять, пока они выйдут покурить. Ничего не подозревающая девушка согласилась, и друзья, выбежав на улицу, устремились к двухэтажному дому. У калитки действительно стояла собачья будка, но она была пуста. Ребята позвонили в дверь — никто не открыл им.

— Придется еще раз приехать. Хозяев нет, а собаку, наверное, выгуливают. Жаль, нет времени искать, где именно, — огорченно произнес Павел.

— Не огорчайся, Паша, завтра постараемся одни приехать и обязательно найдем твоего Спутника.

Друзья вернулись на почту, где их ждала рассерженная Настя.

— Где вы шатаетесь? Наша очередь подходит, — набросилась она на ребят.

— Да мы тут бездомного пса подкармливали, — сбивчиво объяснил Павел.

— Тоже мне, академик Павлов, — фыркнула Настя и протянула в окошко телеграмму.

Купив на рынке фрукты и слегка перекусив в городе, ребята буквально втиснулись в маленький рейсовый автобус. От монотонной езды и духоты Пашу разморило, и его голова опустилась на Настино плечо.

— Смотри, это, что ли, твой пес? — вдруг проговорила она, указывая взглядом на рыжего пса, которого вела на поводке какая-то пожилая женщина. Другой рукой она крепко поддерживала молодую девушку.

Павел пристально вгляделся в удаляющиеся фигуры и сонно пробормотал:

— Нет, та собака была черная.

Вернувшись в номер, друзья договорились, что Паша не пойдет на ужин, а прикинется больным. Когда раздосадованная Настя зашла к нему в комнату, Паша лежал в кровати, прижимая к щеке полотенце.

— Тебе надо в город, к зубному врачу. Хочешь, я с тобой поеду? — участливо спросила девушка.

— Нет, спасибо, я поеду один, а то неловко будет, если у врача стану кричать при тебе от боли.

Утром все ушли на пляж, а Павел поехал в город, напутствуя друга:

— Ты остаешься за старшего. Отвечаешь за Настю головой.

— Не сомневайся. Она за мной — как за каменной стеной, — весело произнес Илья.

Автобус медленно въехал в город. Вот и знакомая остановка. Павел вышел и медленно направился к дому под аркой. Собачья будка опять была пуста, и он с тоской разглядывал зашторенные окна.

— Молодой человек, вы кого-нибудь ищете? — вдруг за его спиной раздался чей-то голос.

Павел резко обернулся.

— Клавдия Ивановна, бабушка, это вы?!

Пожилая женщина, открывая калитку, внимательно посмотрела на него.

— Что-то я тебя не припомню, милоч. Голос вроде бы знаком, а так — не могу вспомнить.

— Клавдия Ивановна, это ведь я, Паша, — чуть ли не закричал Павел.

— Господи! Теперь узнала. Совсем взрослым стал, и такой красивый. Что ж мы здесь стоим? Пошли в дом.

— Может, в саду посидим, там прохладней, — предложил Павел.

— Ну, пошли в сад, там у нас беседка симпатичная, — согласилась женщина.

— Как вы тут? — тихо начал Павел, когда они присели на лавку. — Я после армии искал Нину, даже в деревню к вам приезжал, но концов так и не нашел.

— Пашенька, беда у нас. Нашу Ниночку сбила на улице машина. Ее сразу же увезли на «скорой» в больницу и сделали операцию. Врачи сказали — черепно-мозговая травма. Бедная, она так мучилась и исхудала, одни глазницы на лице остались. Потом вроде бы начала поправляться. Но, как говорится, беда не приходит одна — она стала терять зрение, сетчатка постепенно отслаивалась, и Нина совсем ослепла. Врачи ничего не смогли сделать, и ее выписали из больницы. После выписки врачи порекомендовали ей морской воздух. Как раз в это время дом их сломали, дали новую квартиру, и мы ее сразу же обменяли на эту. Здесь моя вторая дочка живет, она и помогла. Потом Нинина мама устроилась на работу, и немного легче стало. А вообще, представляешь, что мы все пережили! — вытирая слезы, рассказывала Клавдия Ивановна.

— А почему вы мне ничего не написали?

— А чего тебе, милоч, писать? Зачем она тебе слепая? Не беспокой ее. Только-только стала приходить в себя, а то все плакала и плакала, и мы — вместе с ней.

— Где она сейчас? Я хочу ее увидеть. Ведь я люблю ее, бабушка!

— Верю, голубчик, что любишь. Но прежде, чем с ней говорить, подумай хорошенько. Ведь уедешь — а это добьет ее окончательно. Ладно, скажу. Каждый день, часа на два-три, я вожу Нину к морю. И Спутник с нами — ее охраняет, и мне спокойней.

— Можно, я завтра к вам приеду?

— Приезжай, конечно. Я в это время всегда дома. Буду рада тебе, еще поговорим. А ты надолго в наших краях?

— Путевку от завода дали на две недели. Одну уже отгулял, осталось пять дней — и снова на работу.

Павел попрощался, но пошел не к остановке, а на пляж. В это время народу на пляже было немного, и он сразу увидел под «грибком» сидящую девушку в темных очках, рядом с ней на песке лежал большой рыжий пес, зорко озирающийся по сторонам и издававший устрашающий рык при приближении прохожих. Павел начал медленно подходить к девушке, пристально вглядываясь в ее лицо. Она будто почувствовала его приближение и обернулась. Павел остановился, как вкопанный, метрах в пятнадцати от нее, а потом опустился на теплый песок. Пес повернул к нему свою морду и завилял хвостом, очевидно, узнав старого друга, но не подбежал, а остался у ног девушки.

Прошло полчаса, а Павел так и не решился подойти к ней. Он встал и медленно побрел вдоль берега, время от времени оборачиваясь, пока девушка и пес не исчезли из виду...

Следующий день был последним отпускным. Те же старенькие автобусы отвезли спортсменов на вокзал. Состав еще не подали, и все, оживленно переговариваясь, нетерпеливо ждали посадки.

— Паш, ты везешь маме камушки, как обещал? — спросила Настя.

Павел внезапно остановился и вдруг, резко повернувшись, побежал по перрону, бросив на ходу:

— Илья, посмотри за вещами, я быстро!

Илья растерянно смотрел ему вслед, но Павел был уже далеко...

Вечерело... Солнце начало уже прятаться за горизонт, и последние лучи его ласково коснулись щеки девушки, по-прежнему сидящей на берегу. Одной рукой она гладила лежащего рядом с ней рыжего пса, а другой пыталась стереть слезы, катившиеся из-под темных очков.

— Нина! Вот и я, — просто сказал Павел, опускаясь перед ней на колени.

Девушка от неожиданности вздрогнула, и вдруг лицо ее озарила счастливая улыбка... ☺

Подпишитесь через редакцию!

1. Заполните купон.
2. Заполните и оплатите квитанцию.
3. Отправьте копию оплаченной квитанции и заполненный купон одним из следующих способов:
 - по факсу: **(499) 257-13-78**;
 - по почте: **127994, г. Москва, ГСП-4, ул. Правды, д. 24, стр. 4**;
 - по электронной почте: **sales@smena-online.ru; jurnal@smena-online.ru**

Купон и квитанция редакционной подписки

Количество номеров _____ начиная с № ____ за 2009 г.

Стоимость одного номера (включая НДС и стоимость доставки) — **67 руб. 10 коп.**

ФИО _____

Индекс _____ Область _____ Город _____

Улица _____ дом _____ корпус _____ квартира _____

Домофон/код _____ телефон _____

Электронный адрес _____ Дата рождения _____

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ

Кассир	Извещение		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
Кассир	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	Подписка на «Смену» 2009 г.		
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ «_» _____ 200_ г. (подпись плательщика)			
Кассир	Квитанция		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в ОАО «Промсвязьбанк» г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)	
Подписка на «Смену» 2009 г.			
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ «_» _____ 200_ г. (подпись плательщика)			

Наша Имощен

Как честный полицейский и достойный воспитанник Школы детективов в Глазго, ведя расследование, Дугал всегда старался не принимать в расчет личных чувств.

Немного отлежавшись, он отправился в участок побеседовать с сержантом Мак-Клостоу. Тайлер молча присутствовал при разговоре.

— Но в конце-то концов, сержант, вы достаточно давно живете в Каллендере и должны знать, кто так люто ненавидел Рестона, чтобы желать ему смерти.

— По всей видимости, у него не было ни единого врага!

— Наоборот, по всей видимости, был, иначе аптекаря бы не застрелили!

— Верно, прошу прощения... Но сам я по-прежнему думаю, что Ангус Кёмбре...

— Слишком примитивное решение!

— Но ведь он же был на месте убийства!

— С вполне определенной целью: увести из дома Дженет Лидберн!

— И прихватил для этого револьвер!

— Не спорю, это он сделал напрасно и теперь заплатит немалый штраф за незаконное ношение оружия. Тем не менее, мы должны сделать скидку на романтический настрой молодого человека, задумавшего любой ценой похитить возлюбленную.

— Вплоть до убийства?

— А почему бы и нет?

— Тогда, сами видите...

— Он мог бы убить родителей — тюремщиков девушки, но какой смысл стрелять в дядю?

— Так ведь он тоже родственник, правда?

— Вряд ли Ангус Кёмбре хотел перебить всю родню своей любимой.

— А, может, он принял аптекаря за Лидберна?

— Ну, едва ли! Парень-то не слепой: меж тем Рестон стоял под самым фонарем, а он, в отличие от мясника, вовсе не отличается могучим телосложением! Нет, что бы вы там ни думали, а в Каллендере наверняка есть человек, который ненавидел аптекаря, желал ему смерти и при первом удобном случае поспешил свести с ним счеты. Найти его трудно, но воля и упорство преодолевают любые препятствия. Вы начнете все сначала и проследите каждое движение всех, кто так или иначе был связан с жертвой. Я хочу знать, чем каждый из них занимался в ночь преступления. Тем временем сам я еще поброжу по городу и поговорю с кем сумею. До вечера.

Не успел Мак-Хантли отойти от участка и на несколько шагов, как его догнал Сэм.

— Прошу прощения, инспектор...

— В чем дело, Тайлер?

— Я насчет этого расследования... На вашем месте я бы непременно сходил к мисс Мак-Картри.

— Это еще зачем?

— Просто она здорово разбирается в такого рода историях.

— Мисс Мак-Картри работает в полиции?

— Нет, но...

— Или, может быть, у нее есть какой-то документ, дающий ей право расследовать уголовные преступления?

— Несомненно, нет.

— Тогда я, право, не понимаю, почему должен просить у нее помощи.

— Но, инспектор, вам кто угодно скажет...

Шарль
Эксбрайя

перевод
с французского
Мария
Малькова

иллюстрация
Иван
Каменщик

¹ Окончание. Начало в № 11-2008

— Мне наплевать на все, что люди болтают о мисс Мак-Картри, Тайлер. По-моему, она крайне эксцентричная особа, сумевшая своими странными выходками поразить воображение не в меру доверчивых людей, всегда склонных восхищаться тем, что выходит за рамки обычного. Я же с отличием закончил полицейскую школу Глазго, не нуждаюсь ни в какой подмоге и не допущу, чтобы меня учила собственному ремеслу какая-то сумасбродная страя дева, не имеющая ни малейших законных оснований вмешиваться в наши дела.

Возвращаясь в участок, Сэм с грустью думал, что лучше б ему промолчать. А Дугана трясло от возмущения. С ума сойти! Даже вообразить невозможно, что какая-то чокнутая старуха способна чему-то научить блестящего детектива! К тому же в глубине души Мак-Хантли все еще злился на Иможен за то, что они со служанкой так бесцеремонно выпроводили его из дома. Дугал, естественно, жаждал отыграться и дал себе слово сделать это как можно быстрее. То же самое касалось и хозяина гаража, у которого, как нарочно, работает Ангус Кёмбре. Пусть эти двое сидят тише воды, ниже травы, если не хотят навлечь на свою голову крупные неприятности!

За обедом Мак-Хантли расспрашивал Мак-Пантиша о Рестоне, Лидберне и Гленроузе. Джефферсон высказал ему все, что знал об этих видных, почтенных и, в общем, уважаемых гражданах. Все трое состояли в консервативной партии, и хозяин гостиницы считал это немалым достоинством. Напротив, Экскотт, Булит и Мак-Грю, равно как и мисс Мак-Картри, голосовали за шотландских националистов. Убийство аптекаря оставалось для Мак-Пантиша совершенно непонятным и, коль скоро Кёмбре невиновен, возможно, доктор Элскотт избавился таким образом от опасного соперника на предстоящих выборах в Окружной совет?

Дугалу хотелось утереть нос двум болванам, представляющим Закон в Каллендере. В первую очередь, следовало сузить круг подозреваемых. Таковых было всего два: доктор Элскотт и молодой Ангус Кёмбре. Лишь убедившись в их невиновности, инспектор мог перейти ко второй стадии расследования.

Доктор Элскотт встретил полицейского сардонической улыбкой.

— Входите-входите... Я сейчас никого не собираюсь убивать, так что, вы как раз вовремя!

— Заранее прошу извинить меня, доктор, но вы, наверное, сами догадываетесь, что мое ремесло не располагает к особой деликатности.

— Не забойтесь о реверансах, друг мой, и выкладывайте, что вас сюда привело.

— Дело вот в чем... Расследуя убийство Рестона, я хочу прежде всего исключить возможных виновников и...

— ...и вам очень хотелось бы знать, уж не милейший ли доктор Элскотт надумал с помощью

револьвера навсегда устранить опасного конкурента?

— Честно говоря, это звучит немного грубовато, но... по сути верно.

— Жаль вас разочаровывать и лишать удовольствия немедленно прекратить дознание, но нет — я не убивал Рестона. Во-первых, моя основная работа — попытаться спасти ближнего, а не отправить его прямиком в мир иной, во-вторых, я вообще выставил свою кандидатуру на выборы только для того, чтобы позлить Рестона и его приятелей и, наконец, в ночь убийства я принимал роды у одной дамы, живущей в десяти милях отсюда. Могу дать вам ее имя и адрес.

— В таком случае прошу прощения.

— Не за что извиняться, я вас отлично понимаю. Скорее всего, на ваше представление обо мне повлияли отзывы трех старых сорок, которые меня на дух не выносят, а поскольку вам придется выслушать еще немало глупостей, желаю терпения и мужества.

— Ну, раз вы так любезны, доктор, позвольте спросить, может, со времени нашей последней встречи вы успели поразмыслить о возможном преступнике?

— Как и все в городе, я, конечно, не могу не думать об этом, но, увы, без особых результатов. Видите ли, среди почтенных жителей Каллендера немало «гробов поваленных», как сказал бы бедняга Хекверсон. Кто знает, на что они способны? Что творили в прошлом? Этого я не знаю. Однако позволю себе дать вам один совет: попробуйте поворошить грязное белье тех семейств, которые особенно кичатся своей добродетельностью. Право же, очень удивлюсь, если после этого вы не проникнетесь с ним глубочайшим отвращением.

На всякий случай Дугал решил принять к сведению совет доктора Элскотта. Он уже вычеркнул врача из списка подозреваемых, но для порядка все же собирался проверить его алиби. Однако в первую очередь надо было как следует допросить Кёмбре.

Ивен Стоу принял полицейского весьма дружелюбно.

— Могу я поговорить с Ангусом Кёмбре? — холодно спросил инспектор.

— Мне очень жаль, но он уехал на целый день — чинит машину в Эберфойле.

— Ладно... Тогда, может, вы сумеете ответить хотя бы на часть вопросов?

— Попробую.

— Давно у вас работает Кёмбре?

— Три года — то есть с тех пор, как я вернулся домой.

— А как вы его наняли?

— Случайно. Заглянул в один гараж проверить купленную с рук машину, и меня поразило, как совсем молодой парень разбирается в технике. Ангус согласился приехать ко мне в Каллендер, да так и остался.

— А что вы знаете о его прошлом? В досье я прочитал, что он вырос в сиротском приюте. Это правда?

— Да. Мать оставила Ангуса в пертской больнице. Он не раз пытался узнать, кто она, но в подобных случаях соблюдается строжайшая тайна. Парень оставался в приюте, пока его не отправили учиться. Во время учебы он жил у так называемых приемных родителей, кажется, их фамилия Стрэчен, а потом хозяин гаража, некий Скейтроу, забрал Ангуса к себе. Шесть лет назад Скейтроу умер, гараж продали и открыли на его месте кинотеатр. Тогда-то Ангус и перешел работать к Уэстмайеру, у которого я его и нашел. Как видите, история очень проста.

— Кстати, об историях... Вы не расскажете мне много об отношениях Кёмбре и Дженет Лидберн?

— Там тоже все на редкость просто, инспектор. Они познакомились здесь, понравились друг другу и договорились о новой встрече. Довольно скоро симпатия переросла в любовь, и дети решили пожениться, но Кит Лидберн встал на дыбы.

— Почему?

Стоу пожал плечами.

— Из-за денег.

— А вы что-нибудь знаете о ночи преступления?

— Ангус мне все рассказал. Они с Дженет условились сбежать и тайком повенчаться. Но только девушку по дороге перехватил отец и заставил во всем признаться. Думаю, Рестон пошел выяснять отношения с Ангусом... Почему он, а не сам Лидберн? Понятия не имею. Ну, а остальное вам известно.

— Короче, вы уверены, что Кёмбре не имеет ни малейшего отношения к смерти аптекаря?

— С какой стати ему убивать Рестона, если тот ни в коей мере не влиял на их отношения с Дженет? В крайнем случае, он мог лишь что-то посоветовать...

— Вы хорошо знали Рестона?

— Нет... Хотя лет двадцать назад вместе заканчивали Пембертонский колледж... Но я по натуре, скорее, бродяга. Перспектива всю жизнь проторчать в Каллендере меня ничуть не соблазняла, и я ушел в армию. А когда меня по возрасту отправили в отставку, я на сбережения купил здесь гараж.

— Что ж, благодарю вас, мистер Стоу, за то, что вы с пониманием отнеслись к моим вопросам.

Дугал хотел уже уйти, как вдруг у него за спиной послышался женский голос:

— Уж не от меня ли вы спасаетесь бегством, инспектор?

— Я не привык бегать от женщин, мисс, хотя ваша манера выпроваживать гостей...

— Надеюсь, вы с тех пор слегка освежили в памяти историю Шотландии?

— Думаю, степень моей подкованности в подобных вопросах вас совершенно не касается, мисс!

— Что верно — то верно, мне гораздо интереснее наблюдать, как вы ведете расследование.

Полицейский рассвирепел.

— Я уже слышал, что вы без всякого на то права вмешивались в дела кое-кого из моих коллег,

мисс. Возможно, это их забавляло, а меня — нет. Поэтому настоятельно прошу вас не совать нос, куда не следует, иначе я всерьез рассержусь!

— Полагаю, вам должны были сказать заодно, что никто из ваших коллег ни разу не жаловался на мою помощь, — обиженно бросила Иможен.

— С чем я их и поздравляю. Но мне вы абсолютно не нужны.

— Дело ваше. Очевидно, я ошиблась, думая, что вам очень интересно узнать имя убийцы Хьюга Рестона.

— А вы, конечно, его уже знаете?

— Разумеется.

Дугал издевательски хмыкнул.

— И кто же это?

— Зная, как низко вы цените мои возможности, было бы глупо делать вам королевские подарки. Думаю, вы, мистер Стоу, согласитесь со мной, что человек, в котором так мало от истинного шотландца, никогда не сумеет докопаться до правды.

— Во всяком случае, это потребует от него немалых усилий.

У Мак-Хантли окончательно сдали нервы, и накопившее раздражение прорвалось наружу.

— Как бы не так! Вы отказываетесь назвать имя убийцы только потому, что сами его не знаете!

— Думайте, что угодно. Если, по-вашему, оставить преступника безнаказанным, чем воспользоваться моим опытом, лучше — пожалуйста!

— И у вас есть доказательства?

— По крайней мере — превосходный мотив преступления...

— Готов спорить на бутылку виски: это неправда!

— Принимаю пари! Но виски должно быть высшего сорта!

— По рукам!

— Вы согласны быть свидетелем, Стоу?

— Да, мисс.

— Ну, так кто же убийца? — не в силах сдерживать нетерпение, воскликнул Мак-Хантли.

— Кит Лидберн.

— Правда? И что его толкнуло на это преступление?

— Любовная связь с Фионой Рестон.

Инспектор мчался по улице огромными скачками, а за ним, метрах в десяти, бежала мисс Мак-Картри. Наконец, она настигла полицейского и вцепилась ему в руку.

— Да остановитесь вы или нет?

— Зачем?

— Чтобы выслушать меня! Фиона — моя подруга!

Дугал насмешливо присвистнул.

— Ваша подруга? И вы ее предали?

— Вы, что же, упрекаете меня за эту жертву во имя правосудия?

— Допустим, вы поступили правильно. Так чего еще от меня хотите?

— Чтобы вы взяли меня с собой!

— Нет!

— Никто, кроме меня, не сумеет уговорить Фиону признаться.

Инспектор колебался минуту, но все же, в конце концов, согласился.

— Ладно, пойдёмте. Но только не воображайте, будто я взял вас в помощницы!

Возле аптеки они столкнулись с Мак-Клосту.

— Пойдёмте с нами, сержант, нам нужен свидетель! — окликнул коллегу Мак-Хантли.

Арчибалд с тревогой покосился на Иможен, но, коль скоро она оказалась тут по воле инспектора, возражать не посмел. Уже втроем они вошли в аптеку Рестона, где покупателей теперь обслуживал молодой человек, нанятый на то время, пока вдова не продаст заведение.

Слегка удивленная внезапным нашествием, Фиона проводила их в гостиную и сразу повернулась к Иможен.

— Что это значит, мисс Мак-Картри?

Однако, прежде чем та успела ответить, в разговор вмешался инспектор.

— Мисс Мак-Картри — лицо неофициальное, — сухо заметил он, — и давать объяснения — не ее дело. Так вот, нас с сержантом привело сюда расследование. Надо проверить кое-какие обстоятельства, связанные с убийством вашего супруга. А мисс Мак-Картри составила нам компанию только потому, что сумела убедить, будто ее присутствие несколько разрядит атмосферу.

Фиона улыбнулась Иможен.

— Несомненно. А теперь, инспектор, я готова ответить на ваши вопросы.

— Прошу не сердиться на меня за грубость, но я не вправе ходить вокруг да около и терять время. Итак, давно ли вы поддерживаете любовную связь с Китом Лидберном?

Фиона, казалось, остолбенела от удивления.

— Хорошо, что вы заранее извинились. По правде говоря, я ни разу в жизни не сталкивалась с подобным хамством.

— Я задал вам вопрос, миссис Рестон, и хотел бы получить ответ.

— Что ж, могу сказать одно: моя личная жизнь вас ни в коей мере не касается!

С этой минуты Дугал окончательно уверовал, что Иможен ему не солгала, и решил не отступать.

— Думаете, я удовольствуюсь таким ответом и смиренно иду, бормоча извинения?

— Именно так вам и следовало поступить, будь вы воспитанным человеком.

— Тысяча сожалений, миссис Рестон, но я прежде всего — полицейский.

— Оно и видно.

— Вы хотите, чтобы я повторил вопрос?

— Не стоит. Я никогда не была любовницей Кита Лидберна.

— И готовы поклясться в этом на Библии?

— Да.

Инспектор повернулся к Иможен.

— Ну?

Мисс Мак-Картри подошла к Фионе.

— Дорогая, прошу вас, скажите правду...

— Так это вы меня оклеветали? А я-то считала вас другом! О, Иможен, как вы могли так со мной поступить?

— Мне нужно разоблачить убийцу Хьюга.

— Но я не понимаю, каким образом...

Мак-Хантли не дал ей договорить.

— Я уверен, что мисс Мак-Картри меня не обманула и не возвела на вас напраслину, миссис Рестон.

— Почему вы так думаете?

— Это доказывает ваше поведение. Впрочем, сейчас мы окончательно все проверим. Сходите за Лидберном, Мак-Клосту, и притащите его сюда.

Сержант вышел, и началось тоскливое ожидание. Три участника маленькой драмы, разыгравшейся в гостинной Рестонов, волком смотрели друг на друга. Наконец, гнетущую тишину нарушила мисс Мак-Картри:

— Может быть, следовало бы...

— Нет! — буркнул Дугал. — Не вмешивайтесь, мисс! Я сам знаю, как вести допрос, и, пока мне не докажут обратного, предпочту свои методы вашим!

Мисс Мак-Картри снова погрузилась в полное затаенной обиды молчание. Но дрожь, пробежавшая по ее огненной шевелюре, свидетельствовала, что неосторожный Мак-Хантли обрел нового и очень опасного врага. Больше всего шотландка ненавидела, когда ее пытались публично поставить на место.

Зато появление Мак-Клосту и Лидберна немало позабавило Иможен. Грубое лицо мясника покраснелось больше обычного, а его возмущенные вопли доносились еще с улицы. По какому праву Мак-Клосту вырвал его из дому, не дав докурить трубку, и чуть ли не силой приволок сюда!

— Силой? — холодно заметил Мак-Хантли. — Боюсь, вы немного преувеличиваете, мистер Лидберн. Я что-то не вижу на вас наручников!

— Только этого не хватало!

— Если хотите знать мое мнение, мистер Лидберн, вы совершенно напрасно подняли шум. Чего вы так опасаетесь?

— Я? Ничего! Уж не пытаетесь ли вы, случаем, меня запугать?

— Не стоит попусту гадать, мистер Лидберн. Я послал за вами, потому что вы мне нужны.

— Допустим. И что дальше?

— Я хочу знать, как давно началась ваша любовная связь с миссис Рестон?

Иможен с видом знатока любовалась физиономией Кита, на которой последовательно проступали все цвета радуги. Из красного она стала пунцовой, потом под глазами появились синеватые круги, а старые шрамы приобрели отвратительный оттенок ошпаренного мяса.

— Что вы сказали? Нет, что вы посмели

сказать?

— Меня интересует, когда вы стали любовником миссис Рестон!

— И еще при свидетелях! Предупреждаю: я на вас в суд подам за клевету!

Мак-Хантли невозмутимо повторил вопрос.

— Это поклеп! — заорал мясник. — Никогда я им не был! Чудовищная клевета! Я требую, чтобы мне назвали имя мерзавца, у которого хватило подлости придумать такую грязную сплетню!

— Мы никогда не называем имен тех, от кого получаем сведения.

— Хотите вы того или нет, но я его сам узнаю и, клянусь...

— Не стоит так хлопотать из-за пустяков, — спокойно заметила Иможен, — это я.

— Вы? И как я сразу не догадался, что это ваша работа? Проклятая чертовка!

Мак-Клосту закрыл глаза, не желая видеть, что сейчас произойдет, хотя в глубине души ликовал: наконец, нашелся человек, способный высказать мисс Мак-Картри все, что он о ней думает. А Дугал потирал руки. Да, он избрал самый удачный метод ведения допроса: нет более надежного способа узнать правду, чем столкнуть лбами свидетелей! А Иможен все тем же невыносимо ровным тоном продолжала. — Вам ведь лучше кого бы то ни было известно, что я нисколько не погрешила против истины! Любвеобильная натура... Помните крошку Мойру, горничную ветеринара? Ваш бурный роман кончился тем, что ее, во избежание скандала, быстренько выставили за дверь...

Полицейские отродясь не слышали звука, подобного тому, что издал мясник, сжимая огромные кулаки. Однако наброситься на мисс Мак-Картри Лидберн не успел — еще один спокойный женский голос пригвоздил его к месту.

— Кит!

Обернувшись, участники драмы увидели застывшую на пороге живую статую оскорбленной добродетели — Флора Лидберн взирала на мужа испепеляющим взглядом.

— Уверяю вас, Флора, тут какая-то ошибка, — жалобно простонал Лидберн.

— Подумать только, а преподобный Хекверсон еще ставит вас в пример другим!

Дугал, решив до конца сыграть роль безжалостного детектива, не дал мяснику перевести дух.

— Ну, собираетесь вы отвечать на мои вопросы, мистер Лидберн, или нет?

Бедняга Кит испуганно хлопал глазами.

— Да скажите им хоть вы, Фиона...

— А что она может сказать? — презрительно бросила миссис Лидберн. — То, как вы оба себя ведете, уже признание!

— Объясните же, наконец, инспектор, почему вы преследуете именно меня? — спросил мясник.

— Да просто хочу понять, за что вы убили Хьюга Рестона.

Лидберн так и застыл с открытым ртом, не в силах издать ни звука, а жена его горестно простонала:

— Он убил моего брата! Ох, лучше бы мне сразу умереть! Пусть разделается и со мной тоже!

— Но это же полный бред! — взвыл Кит, как только к нему вернулся дар речи. — Обвинять меня в убийстве Хьюга?! Да мы с ним ладили лучше кровных братьев! У нас были общие вкусы, общие взгляды на жизнь! Зачем мне его убивать?

— Его жена — ваша любовница. Очевидно, вы любили ее до безумия и не желали ни с кем делить. По-моему, это совершенно ясно. Разве нет?

— Какой смысл отнекиваться, Кит, если они и так уже все знают?

— Ну, вот, она и призналась! — крикнула Флора. — Вы омерзительны, Кит Лидберн, просто омерзительны! А что до вас, Фиона Рестон, то вы — последняя потаскушка!

— Не считая вас!

— Ну, я-то порядочная женщина!

— Невелика заслуга! Поглядите в зеркало!

— Зато вы, как всем известно, путаетесь с каждым встречным!

— Только с теми, кому осточертели их собственные жены!

Флора Лидберн, утратив всякое самообладание, подскочила к Фионе прежде, чем та почуяла опасность, и вlepила ей две такие крепкие затрецины, что миссис Рестон рухнула без сознания.

— Ну, так получите и это в придачу!

Мисс Мак-Картри с большой симпатией относилась к Фионе, зато терпеть не могла чопорную Флору, считая ее надутой гусыней. А потому, в порыве дружеских чувств к поверженной хозяйке дома, Иможен одним метким ударом в челюсть отправила миссис Лидберн в «царство снов».

Мясник обладал развитым чувством собственности и, не стерпев обиды, нанесенной его половине, вцепился в волосы мисс Мак-Картри с твердым намерением, наконец-то, насладиться мстью — он так давно мечтал отплатить рыжей воительнице за долгие годы унижений! Однако Мак-Клосту счел драку на глазах у представителей закона прямым оскорблением полиции и бросился утихомиривать Лидберна. В это время Фиона пришла в себя и, вставая, схватила первое, что попало ей под руку, — не ее вина, что это оказалась борода сержанта. Арчибалд взвыл от боли. Мак-Хантли, разумеется, не мог оставить коллегу в беде. А Кит, меж тем, яростно махал кулаками, правда, в основном, доставалось воздуху. К несчастью для себя, инспектор случайно попал на линию обороны Лидберна. Размах и скорость придали свингу мясника чудовищную силу, и Мак-Хантли, схлопотав кулаком по лицу, отлетел на почтительное расстояние. Попытки уцепиться за что-нибудь по дороге не увенчались успехом, и, в конце концов, Дугал врезался в как раз поднимавшуюся на ноги миссис Лидберн. Супруга мясника снова утратила всякий интерес к ходу сражения. Мак-Клосту долго не мог вытащить бороду из цепких пальцев полубесчувственной Фионы и, разозлившись, вlepил ей пощечину — несчастной вдове, похоже, в тот день сама судьба предназначила такой вид наказания. Воодушевление битвы горячило шотландскую кровь сер-

жанта, и под одобрительные крики Иможен он так свирепо накинулся на Лидберна, словно решил раз и навсегда с ним покончить. Мисс Мак-Картри помогала ему по мере возможностей, от души пиная мясника ногами. Но Кит был крепким малым и, вложив всю силу в прямой короткий удар, заставил Мак-Клосту отступить, а сам, воспользовавшись передышкой, повернулся к Иможен. Один резкий «хук» в челюсть — и мисс Мак-Картри, воспарив над полом, рухнула на застекленную витрину, в которой Фиона хранила сувениры, привезенные из разных путешествий. Музыкальная шкатулка, включившись от резкого столкновения, заиграла «Маленький ноктюрн» Моцарта.

Столь, казалось, стремительная и полная победа не пошла Лидберну впрок. Пока он тешился видом Иможен, распростертой среди безделушек, Мак-Клосту пришел в себя и нанес новый удар. Мясник не успел развернуться и, получив от сержанта сокрушительный апперкот, без звука грохнулся на ковер. Арчибальд — последний, кто устоял на ногах — мог по праву считаться победителем в этой небольшой, но ожесточенной битве. Не без удовольствия обведя поле битвы взглядом, он стал искать глазами, чего бы выпить, и вдруг заметил парня, торговавшего в аптеке вместо Рестона. Продавец явно не знал, куда деваться от смущения.

— Неплохая работа, а? — гордо спросил Мак-Клосту.

— Это и есть ваш знаменитый допрос третьей степени? — робко поинтересовался парень.

— Это? Вы, что, смеетесь? Да нет, всего-навсего небольшая разминка!

Очнувшись рядом, Иможен и Лидберн не сразу поняли, что с ними произошло, но тут же начали ожесточенно переругиваться, и Мак-Клосту снова пришлось вмешаться. Он помог им встать и слегка утихомирил обоих. Фиона уже успела опомниться и беззвучно плакала. Флоре Лидберн было трудно дышать, поэтому ее оцепенение продолжалось чуть дольше. В полузабытыи жена мясника вообразила, будто попала в железнодорожную катастрофу и теперь лежит на рельсах под локомотивом. Видение привело несчастную в такой ужас, что она проснулась от собственного крика. И тут Флора наконец поняла, что на грудь ей давят не колеса поезда, а неподвижное тело инспектора Мак-Хантли. Впрочем, тот уже тоже начал стряхивать сон и отчаянно моргал, пытаясь оценить ситуацию. Тут Дугал почувствовал, что его тихонько хлопают по плечу, и услышал задыхающийся голос Флоры Лидберн:

— Прошу прощения, инспектор, если можно, встаньте, пожалуйста, а то вы совсем раздавите мне грудную клетку!

Приняв, наконец, вертикальное положение, все смущенно переглянулись. Кит не смел поднять глаз на жену, а та еще жадно хватала губами воздух. Иможен с трудом оправлялась от полученного удара, но уже обдумывала самые страшные

планы мести. Фиона оценивала урон, нанесенный ее гостиницей. Мак-Клосту раздумывал, насколько его поведение соответствует требованиям закона. А Дугал все никак не мог взять в толк, каким образом начатый по всем правилам искусства допрос закончился общей потасовкой. Кроме того, он с тревогой задавал себе вопрос, как нужно поступить, чтобы, не нарушая долга, замять скандал и при этом возместить убытки хозяйке дома. Первой нарушила молчание Фиона:

— Кто за все это заплатит?

Лидберн неожиданно проявил великодушие:

— Раз драку, сам того не желая, начал я, стало быть, на мне и лежит материальная ответственность...

Мак-Хантли и сержант, с облегчением переводя дух, искренне поблагодарили мясника, но благостную картину подпортило язвительное замечание Флоры:

— Вполне естественно, что вы купите этой женщине новую обстановку, коль скоро для вас здесь, в сущности, дом родной!

Эту ненужную реплику встретили ледяным и откровенно враждебным молчанием, и Флора поняла, что напрасно не придержала язык. Но теперь ничего другого не оставалось, как напустить на себя самый высокомерный вид.

— На сегодня с меня развлечений довольно, — сухо бросила она. — Я возвращаюсь домой. Извольте следовать за мной, Кит, если, конечно, вы не предпочитаете остаться с этой особой... Вероятно, вам есть, о чем вспомнить.

Однако мясник, чувствуя, что обещание привести в порядок гостиную миссис Рестон обеспечило ему всеобщие симпатии, держался гораздо увереннее, чем раньше.

— Я пойду с вами, Флора, хотя, повторяю, по не известным мне причинам Фиона солгала, и, следовательно, вы не имеете права разговаривать со мной таким тоном. Иначе наши отношения очень быстро испортятся!

Мак-Хантли решил, что пора и ему вставить слово.

— Извините, миссис Лидберн, но вашему супругу придется пойти с нами в полицейский участок — надо же окончательно прояснить это дело.

— Так забирайте его! И можете вообще оставить у себя — рыдать не стану!

Еще раз кольнув таким образом мужа, Флора Лидберн с достоинством выплыла из гостиницы. Инспектор подозвал Мак-Клосту.

— Проводите мистера Лидберна, сержант. — И сам молча двинулся следом за Арчибальдом и мясником.

Оставшись вдвоем, Фиона и мисс Мак-Картри весело переглянулись.

— Ну, что, сцена вполне в вашем вкусе, Иможен?

— Да, в такие минуты я чувствую, что в моих жилах течет кровь Роберта Брюса.

Подруги со слезами на глазах обнялись, и миссис Рестон вдруг воскликнула:

— Подумать только, а ведь этот полицейский воображает, будто вы на самом деле меня предали!

— Даже толстый болван Мак-Клосту не попался бы на эту удочку!

— Будем справедливы, Иможен. Как он мог угадать, что вы сказали это с единственной целью взбаламутить спящие воды нашего городка и заставить убийцу всплыть на поверхность?

— Вы замечательно сыграли свою роль, Фиона.

— Я хочу, чтобы они оставили Ангуса в покое! — с суровой решимостью заявила вдова.

— Ну, а я, дорогая, совсем не прочь дать хороший урок этому самоуверенному детективу. Будет знать, как относиться ко мне свысока!

Глава 6

Инспектор Мак-Хантли начинает сомневаться в себе

Дугал, устроившись за столом Мак-Клосту, гораздо дружелюбней, чем прежде, разговаривал с мясником.

— Если вы уже расстались с миссис Рестон...

— Повторяю вам еще раз, инспектор, между нами никогда ничего не было!

— Но зачем бы ей обманывать в подобном вопросе?

— Понятия не имею.

— Я не верю вам, мистер Лидберн.

— Догадываюсь...Но, черт побери, что же заставило Фиону так говорить?

— Быть может, нежелание обманывать полицию?

— Клянусь вам...

— Ладно, оставим пока... Давайте лучше потолкуем о миссис Рестон. Что она за человек?

— Трудно сказать...

— Вы намекали, будто миссис Рестон отнюдь не была образцовой супругой. Это верно?

— Послушайте, инспектор, не стоит однозначно судить о Фионе. Родители заставили ее выйти за парня, которого она терпеть не могла, а Хьюг женился, отлично зная, что девушка его не любит. Фиона и не думала это скрывать. Но Рестон и мысли не допускал, что кто-то может не склониться перед его волей — уж такой он был человек. Поэтому-то Фиона, не столько по природной склонности, сколько в отместку мужу, принялась кокетничать с кем попало.

— Значит, теперь, овдовев, она может, наконец, успокоиться?

— Не уверен. Честно говоря, инспектор, и при условии, что это останется строго между нами, по-

моему, Фиона, до сих пор никого не любившая, на сей раз влюбилась по-настоящему.

— В кого?

— В Ангуса Кёмбре.

— Но ведь он, по крайней мере, на двадцать лет моложе ее!

— На шестнадцать.

— Ну, знаете!

— Любовь не подчиняется никаким законам.

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Я сам несколько раз заставлял их во всяких укромных уголках, где влюбленные прячутся от нескромных глаз.

— Вы, что же, хотите сказать, что молодой человек разделяет эту, довольно-таки.... Странную страсть?

— Думаю, да... Поэтому я так упорно противлюсь замужеству Дженет. А раз правду сказать невозможно, приходится делать вид, будто вопрос упирается в деньги, пусть это и не очень красиво.

— Но почему вы не хотите открыто поговорить с дочерью?

— Не решаюсь... И потом, она все равно не поверит.

— Что ж, спасибо за откровенность, мистер Лидберн. Попытаюсь раздобыть подтверждение вашему рассказу и в случае успеха сам побеседую с вашей дочкой.

— Вы оказали бы мне чертовски большую услугу!

Инспектор и мясник вместе вышли из участка: один направился в «Черный лебедь», другой — в лавку.

Тем временем Тайлер расспрашивал шефа, что у него с лицом.

— У этих молодых следователей и впрямь очень странные методы работы, Сэм. Раньше, по старой доброй традиции, подозреваемых часами допрашивали, рассчитывая, что рано или поздно усталость вынудит их сознаться, ну, в крайнем случае, можно было ускорить дело, дав пару хороших затрещин. А теперь, судя по тому, что я видел в гостинице миссис Рестон, допросы стали смахивать на матч по регби. Поверьте человеку, повидавшему на своем веку немало фантастических драк, это нечто грандиозное! Кто бы мог подумать, что Лидберн так силен? Честное слово, он меня чуть не одолел, и, не вмешайся мисс Мак-Картри (которую, однако, наш мясник очень быстро вывел из игры), я вообще не знаю, чем бы дело кончилось!

— Так Иможен участвовала в схватке?

— Вас это удивляет?

— Нет, шеф, скорее, наоборот. А что другие?

— Не понял...

— Ну, что они делали, пока вы дрались с Лидберном?

— Ничего.

— И ни один не попытался вас растащить?

— Они были не в состоянии.

— Почему?

— К тому времени все уже полегли, старина.

— Даже инспектор?

— Инспектор — одним из первых! А если бы вы видели лицо мисс Мак-Картри, мирно спящей в витрине вдовы Рестон, Сэм... — Арчибальд громко расхохотался. — Ну, заставили вы меня поговорить, Сэм, — заметил он, отсмеявшись. — Почему бы вам теперь не предложить мне стаканчик? Чего вы ждете?

— Думаю, может, вы сами меня угостите, шеф!

— Я огорчен, Тайлер. Боюсь, вы и впрямь не способны на широкий жест!

Мак-Хантли, как новичок, притаился «в засаде» на главной улице Каллендера, не спуская глаз с аптеки Рестона. Около пяти вечера оттуда вышла Фиона, села в машину и поехала в сторону Доуна, а значит, и гаража Стоу. Инспектор осторожно покати следом, надеясь, что его неброский автомобиль не привлечет внимания вдовы. Фиона, не останавливаясь, проехала мимо гаража, зато полицейский решил притормозить. Ивен подошел к нему, вытирая перепачканные смазкой руки.

— Все охотитесь, инспектор?

— Сейчас больше, чем когда бы то ни было!

Кёмбре на месте?

— Нет, уехал всего несколько минут назад.

— Так я и думал.

— Почему?

— Да так, пришло в голову. Спасибо, Стоу, и — до скорой встречи.

Мак-Хантли почти не сомневался, что Лидберн сказал ему правду. Очевидно, Фиона и впрямь назначила Кёмбре свидание на свежем воздухе. Оставалось лишь найти, где они воркуют. Инспектор осторожно продвигался вперед, и его внимательный взгляд не упускал ни единой подробности окружающего ландшафта. У сворачивавшей в лес дорожки Дугал поехал еще медленнее и, увидев свежие следы колес, естественно, избрал то же направление. Полицейский не знал, как далеко углубились в лес миссис Рестон и Кёмбре, и на всякий случай сбавил скорость до минимума. Наконец, он остановил машину, вылез из нее и уже пешком стал искать кое-где различимые глазу следы колес.

Инспектор минут двадцать брел по изрезанным оврагами небольшим долинам среди холмов, не видя ничего, кроме скал, жесткой травы да овец, пока не услышал чьи-то приглушенные голоса. Прячась за скалами, Мак-Хантли чуть ли не ползком подобрался поближе.

— Как я счастлива, что ты, наконец, со мной, дорогой Ангус, — говорила женщина. — Без тебя мое существование не имело смысла... Но сейчас, получив свободу, я смогу всю жизнь посвятить тебе одному...

Дугал получил желанное подтверждение, но для очистки совести все же приподнялся на полусогнутых ногах и заглянул в овраг — Фиона обнимала Ангуса, а тот положил голову ей на плечо. Мак-Хантли захотелось подбежать к ним и высказать все свое отвращение: Кёмбре — за бессовест-

ный обман девушки, верившей в его любовь, а Фионе — за то, что на склоне лет посмела строить из себя Джульетту. Однако полицейский сдержал благородный гнев — не следовало забывать, что он прежде всего детектив, и, стало быть, его задача не читать проповеди, а искать убийцу. Впрочем, Дугал считал эту миссию уже законченной.

Идя в тот вечер к Лидбернам, Мак-Хантли искренне думал, что поступает правильно. Дверь ему открыла Дженет. Она с вежливым равнодушием кивнула инспектору и провела его в дом. Лидберны сидели в гостиной. Миссис Лидберн приняла гостя сдержанно, пожалуй, даже прохладно. Флора не могла простить полицейскому, что по его милости узнала то, насчет чего предпочла бы остаться в неведении (она, конечно, не сомневалась, что миссис Рестон сказала правду, а ее муж соврал). А Кит вел себя как нельзя учтивее.

— Надеюсь, в этот раз вы не принесли нам дурных новостей, инспектор?

— Увы, да!

Лица обоих супругов мгновенно помрачнели. Только Дженет оставалась совершенно безразличной к происходящему и словно бы вообще не замечала ничего вокруг.

— К несчастью, я только что получил самое весомое подтверждение вашим словам, мистер Лидберн, — поспешно добавил полицейский.

— А-а-а, так вы о...

— Да. Я могу говорить откровенно?

Кит слегка замялся.

— Ладно, все равно она когда-нибудь узнает...

Так лучше уж сразу...

Дженет поняла, что ей готовят жестокий удар, и сердце ее учащенно забилося. Инспектор мысленно пожалел девушку, но чувство долга, как всегда, взяло верх.

— Проведя тщательное расследование, я пришел к выводу, что Ангус Кёмбре умышленно застрелил Хьюга Рестона.

— Это ложь! — крикнула Дженет.

— Вероятно также, Кёмбре помогал сообщник, которому он успел передать револьвер, — невозмутимо продолжал полицейский.

— Но у Ангуса не было ни малейших причин убивать моего дядю!

— Ошибаетесь, причина — самая серьезная.

— Какая же, хотела б я знать?

— Желание устранить человека, мешавшего его счастью с любимой женщиной.

— Какая чушь! Против нашей женитьбы возражал не дядя Хьюг, а папа!

Дугал откашлялся.

— Прошу прощения, мисс, но я не вас имел в виду...

— Не меня? Но кого же тогда?

— Миссис Рестон, любовницу Ангуса Кёмбре. Я сам наблюдал их свидание неподалеку от Торнхилла, и тут все совершенно ясно, как Божий день. А за вами молодой человек ухаживал, види-

мо, лишь для того, чтобы возбудить ревность миссис Рестон.

— Но... но мы собирались бежать вместе...

— Простите, мисс, но увезти отсюда он хотел не вас, а миссис Рестон, вот только...

— Только — что?

— ...у Ангуса Кёмбре нет ни гроша, а миссис Рестон полностью зависела от мужа. Поэтому ради счастливой и обеспеченной жизни в чужих краях им пришлось совершить убийство.

— Я вам не верю! Все это — просто мерзость! Ангус любит меня! Уж я-то наверняка знаю! — И девушка вся в слезах выбежала из комнаты.

— Всю ночь проплачет, — вздохнула миссис Лидберн.

Ее муж покачал головой.

— Тут уж мы бессильны, мой бедный друг. До сих пор Дженет оставалась большим ребенком... а это потрясение сразу делает ее взрослой.

— Вы обо всем знали, Кит?

— Да, Флора.

— Поэтому так восставали против замужества Дженет?

— Разве причина недостаточно веская?

— Да, вы правы.

— Инспектор, а почему вы так уверены, что моего шурина убил Ангус Кёмбре?

— Насколько я помню, первым об этом заговорили именно вы.

— Да, конечно, но мне доказали, что мои подозрения беспочвенны...

— Просто наш молодой человек оказался гораздо хитрее тех, кому надлежало установить его виновность. По-моему, в первую очередь он постарался внушить окружающим, что безумно любит вашу дочь и, следовательно, никак не может думать о другой женщине. Внезапно Кёмбре подвернулся случай убить человека, чья смерть освободила бы его любовницу и обогатила их обоих. И парень поспешил им воспользоваться.

— А как же револьвер, который лежал у него в кармане?

— Выходя из гаража, Кёмбре прихватил другой. А потом кто-то подменил оружие... Вероятно, этот человек следил за ним от самого дома — то ли желая отговорить от похищения Дженет, то ли чтобы прикрыть беглецов. Этот доброхот и успел вовремя помочь Кёмбре.

— А... у вас есть какие-нибудь предположения...

— Послушайте, мистер Лидберн, кто покровительствует Кёмбре, с тех пор как тот приехал в Каллендер?

— О! Ивен Стоу?

— Вы сами его называли, мистер Лидберн.

Мак-Хантли попрощался с мясником и пошел к себе в гостиницу, но по дороге встретил Иможен — та как раз возвращалась домой из «Гордого Горца».

— А-а-а, мисс Мак-Картри, какая приятная встреча!

— Вот уж никогда бы не подумала, что она может вас обрадовать, инспектор.

— ...и еще приятнее — доказать вам, что вы напрасно мнили себя блестящим детективом.

— А по-моему, это вы считаете себя лучшим следователем, какой только появлялся в Департаменте уголовных расследований со времен его основания. Разве не так?

— Прошу вас, мисс, сейчас не время для шуток! Вы по-прежнему уверены, что в убийстве Хьюга Рестона виновен Лидберн?

— Более чем когда бы то ни было!

— Так вот, вы заблуждаетесь! Девяносто девять шансов из ста — что это преступление совершил Ангус Кёмбре.

— Не может быть! Итак, если я правильно поняла, вы снова вернулись к исходной точке?

— Да, но с той небольшой разницей, что Ангус Кёмбре застрелил Рестона не по ошибке, а совершенно сознательно.

— Почему?

— Потому что у него роман с женой аптекаря. А значит, парнем двигало вполне естественное желание устранить препятствие, стоявшее на пути к счастью и... богатству. — И Мак-Хантли подробно изложил ту же версию убийства, что в доме Лидбернов.

Иможен долго мерила его недоверчивым взглядом.

— У вас богатое воображение, инспектор, — наконец, заметила она.

— Богатое или нет, но я немедленно арестую мистера Кёмбре. Что до миссис Рестон, то ей придется весьма убедительно доказывать свою полную непричастность к этому делу, потому как над этой дамой тяготеет серьезное обвинение в сообщничестве!

— И, таким образом, вроде бы способный молодой человек собирается сделать ужасающую глупость, которая наверняка испортит ему карьеру! А все потому, что, ведя расследование среди не знакомых ему людей, не желает слушать тех, кто, в отличие от него, понимает толк в здешних делах. Мой бедный инспектор, вы так же плохо знаете психологию горцев, как историю Шотландии. Прошу прощения за прямоту, но, боюсь, в программе полицейской школы Глазго есть очень большие пробелы...

— Значит, по-вашему, коль скоро человек родился в самом сердце Горной страны, он уже по определению не способен на подлость?

— Наконец-то, слышу от вас разумные слова!

— Мисс Мак-Картри, я терпеть не могу, когда надо мной издеваются! Не для того я так упорно учился и достиг нынешнего положения, чтобы разыгрывать из себя клоуна на потеху какой-то горянке, свихнутой на почве самого неприличного национализма!

— Именно так рассуждают люди, готовые не без выгоды продать врагу.

— Я не позволю вам...

— Поступайте, как вздумается, инспектор, в конце концов, это ляжет на вашу совесть (если, конечно, она у вас есть), но не пытайтесь чернить

невинных людей. Обливая грязью Ангуса, который, между нами говоря, стоит тысячи таких, как вы, вы плюете в душу всем истинным шотландцам!

— Значит, вы полагаете, что, заведя роман с богатой женщиной, которая, к тому же, старше его на целых шестнадцать лет, Кёмбре продемонстрировал редкостную душевную чистоту? Позвольте заметить вам, мисс Мак-Картри, что за пределами Каллендера подобных типов называют очень нехорошим словом!

— Мне жаль вас, инспектор. Спокойной ночи.

Дугал в крайнем раздражении схватил мисс Мак-Картри за руку.

— Повторяю: я собственными глазами видел, как миссис Рестон его обнимала и целовала!

— Ну, и что? Что это доказывает? У вас, право, совершенно извращенный склад ума, мистер Мак-Хантли, и я не хочу больше оставаться в вашем обществе — мне слишком дорого мое доброе имя!

Иможен вырвала руку и быстро пошла прочь, оставив инспектора в глубочайшей растерянности, однако, прежде чем совсем скрыться из глаз, она обернулась и крикнула:

— Невероятно, мистер Мак-Хантли! Должно быть, ваша матушка согрешила с англичанином!

В то утро настроение мистера Мак-Хантли явно оставляло желать лучшего. Ему не терпелось как можно скорее позвонить суперинтенданту, но, увы, надо было ждать начала рабочего дня.

Наконец, ровно в половине десятого на глазах у весьма заинтригованных Мак-Клосту и Тайлера Дугал связался с Пертом и попросил к телефону Копланда. Не прошло и нескольких секунд, как в трубке зажурчал знакомый голос:

— Доброе утро, Мак-Хантли... Ну, как, следствие продвигается?

— По-моему, да.

— И что же вам удалось выяснить?

Инспектор методично обрисовал происшедшие в Каллендере события, а под конец объявил о намерении сегодня же арестовать Ангуса Кёмбре. Суперинтендант ответил не сразу.

— Что об этом думает мисс Мак-Картри? — вдруг спросил он.

Инспектор опешил от неожиданности.

— Но я не понимаю, сэр, с какой стати мнение мисс Мак-Картри...

— Инспектор, я задал вам вопрос!

— Разумеется, она против!

— Почему?

Молодой полицейский, не выдержав, произнес страстную обвинительную речь против своей учительницы. Когда он умолк, Эндрю Копланд спокойно заметил:

— Я думаю, вы напрасно недооцениваете точку зрения Иможен Мак-Картри. Впрочем, если сердце вам подсказывает, что надо арестовать Ангуса Кёмбре, можете так и сделать. Только не маринуйте его слишком долго за решеткой,

коли вам не удастся быстренько отыскать бесспорного доказательство вины. Не стоит восставлять против себя весь Каллендер. Желаю успеха!

Вешая трубку, Дугал явственно ощущал во рту привкус желчи. Он сердито повернулся к коллегам.

— Ушам своим не верю! Господи, да что с ними, со всеми? Помешались они, что ли, на этой полоумной старухе? Мисс Мак-Картри ни дьявола не смыслит, отрицает очевидные факты и при этом вообразила, будто она умнее всех на свете! Объясните мне, ради святого Георгия, кто из нас детектив — я или она?

Не успел Дугал повесить трубку, как в кабинет неожиданно ворвался Кит Лидберн.

— Инспектор, моя дочь сбежала из дому! Жена обезумела от горя, а я... я боюсь самого страшного! Если то, что вы нам вчера рассказали, верно, Дженет грозит опасность!

— Не знаю, как насчет опасности, мистер Лидберн, но самое скверное, что Кёмбре, узнав от вашей глупой девчонки о моих подозрениях, запросто мог удрать. Пойдемте, Мак-Клосту.

Три минуты спустя инспектор и сержант уже мчались к гаражу Стоу. Выскочив из машины у бензоколонки, они бросились к Ивену, который в это время заливал бензин в бак «олдсмобиля». Появление двух полицейских его, похоже, несколько не смутило.

— Где Кёмбре? — без лишних церемоний спросил Дугал.

Стоу, оторвав глаза от счетчика, улыбнулся инспектору.

— Добрый день.

— Где Кёмбре?

— Его тут нет.

— Естественно! Так где он?

— Подождите минутку.

Стоу взял у клиента деньги и неторопливо протер ветровое стекло машины. Он подошел к полицейским только тогда, когда «олдсмобиль», наконец, уехал.

— Так что вам угодно, инспектор?

— Берегитесь, Стоу!

— Это еще почему?

— Попытка воспрепятствовать ходу следствия может вам дорого обойтись.

Хозяин гаража с напускным изумлением взглянул на полицейского.

— Чем же я мешаю правосудию?

Дугалу безумно хотелось стукнуть его по физиономии.

— Еще раз спрашиваю, где Кёмбре?

— Не знаю.

— Ну, да. Хозяин понятия не имеет, куда девался его служащий?

— Слушайте, инспектор, Ангус влюблен... так что... когда малышка прибежала сюда...

— Какая малышка?

— Черт возьми, Дженет Лидберн, конечно! Разве вы не в курсе?

— Перестаньте морочить мне голову, Ивен Стоу! Вам отлично известно, что ваш парень любит (или, по крайней мере, делает вид, что любит) не Дженет Лидберн, а Фиону Рестон!

Хозяин гаража рассмеялся.

— Честное слово, престранные у вас фантазии!

— Я сам видел, как они тайком обнимались в овраге возле Торнхилла!

— Ну, и что? Это вполне естественно, правда?

Во всяком случае, Ангус уехал отсюда не с кем-нибудь, а с Дженет Лидберн, и было это чуть больше часа назад...

— В какую сторону они направились?

— Парень сказал, что в Эберфойл.

— Какую машину он взял?

— Аварийный джип.

— В дорогу, Мак-Клосту, мы должны непременно его догнать. Что до вас, Ивен Стоу, то мы еще увидимся и очень скоро!

— Тем лучше, инспектор, ничего не имею против.

Полицейские мчались на полной скорости, но им так и не удалось настигнуть беглецов. В Эберфойле их уверили, что никакой джип в округе не появлялся. Вывод напрашивался сам собой, и Мак-Хантли быстро сообразил, в чем дело.

— Ехать дальше бесполезно, Мак-Клосту. Стоу нас обманул, а за это время Ангус и Дженет сто раз успели добраться до Стирлинга и, возможно, сесть в поезд.

— Так что, арестуем Ивена?

— Невозможно. Он скажет, что только повторил нам слова Кёмбре, а тот, дескать, упоминал именно Эберфойл. И как мы докажем злой умысел?

Вернувшись в участок, Дугал не без мстительного удовольствия перезвонил суперинтенданту и рассказал о бегстве Ангуса Кёмбре.

— Он сбежал один?

— Нет, с несовершеннолетней Дженет Лидберн!

— Странно... Разве вы не говорили мне всего несколько часов назад, что любовница подозреваемого на шестнадцать лет старше его?

— Да.

— А удрал он с девчонкой? Впрочем, положила руку на сердце, я понимаю Кёмбре, и, пожалуй, это даже возвышает его в моих глазах. Так-то оно куда естественнее, правда? Но как вы, Мак-Хантли, объясните эту путаницу?

— Честно говоря, пока никак, сэр. Очевидно, разумнее всего немедленно объявить розыск девушки, а уже соображать, что к чему, — потом.

— Отец просил вас об этом?

— Официально — нет.

— Тогда, прежде чем что бы то ни было предпринимать, попросите его написать заявление.

— Но с ней ведь еще и Кёмбре, сэр!

— У вас нет новых доказательств, что преступник — именно он?

— Достоверных — нет... И я должен признать, что бегство Кёмбре с Дженет Лидберн, если, ко-

нечно, она не помогает милому обвести меня вокруг пальца, нанесло моей версии серьезный удар... Тем более трудно представить, что чуть ли не пол-Каллендера вступили в заговор и против меня, и против закона.

— А почему бы и нет?

— Но, сэр, у меня нет никаких оснований...

— Слушайте, Мак-Хантли, а вам не приходило в голову, что вас просто разыгрывают?

— Что?

— Я хорошо знаю жителей Каллендера... У них — довольно своеобразное чувство справедливости, и, по-моему, они вполне способны ломать комедию, если уверены, что полицейские ошибаются. Признайтесь честно, Мак-Хантли, вам-то самому та версия, которую вы мне недавно излагали, не кажется малость подозрительной?

— Однако я веду расследование по всем правилам...

— Могу дать вам последний совет, инспектор: в Каллендере лучше забыть о правилах и о всяких методиках, здесь главное — попытаться понять психологию людей. Спросите-ка Мак-Клосту и Тайлера, что они об этом думают.

— Коли на то пошло, сэр, быть может, мне следовало бы еще и попросить помощи у мисс Мак-Картри?

— Очень недурная мысль, инспектор!

— О!

Суперинтендант повесил трубку, не дав Дугалу выразить ему все свое возмущение. Инспектор пребывал в том возрасте, когда человек гордится своими познаниями и с трудом выслушивает советы даже от тех, в чьей компетентности совершенно уверен. Поэтому он решил действовать наперекор рекомендациям Копленда. Если суперинтендант воображает, будто он, Мак-Хантли, с отличием закончил школу детективов и победил на конкурсе только для того, чтобы получать указания от какой-то полупомешанной старой девы, то он жестоко заблуждается!

— Мак-Клосту!

— Да, инспектор?

— Надо потребовать от Лидберна письменного заявления. Пусть напишет, что у него похитили дочь. И мы арестуем Ангуса Кёмбре как похитителя малолетних и главного подозреваемого в убийстве Хьюга Рестона. Посидит несколько дней под замком — может, станет поразговорчивее. Скорее, Мак-Клосту!

Как только оба полицейских вышли из участка, по улице с бешеной скоростью промчалась машина и с визгом затормозила перед самым их носом. Из машины выскочил Тед Булит.

— Поехали, инспектор, быстрее!

— А в чем дело?

— Иможен Мак-Картри нашла Ангуса Кёмбре за рулем джипа!

— Ну, и что?

— Она думает, что парень мертв. Вся голова в крови!

— Где он? И где мисс Мак-Картри?

— Кёмбре — в овраге неподалеку от Торнхилла, а мисс Иможен я встретил на дороге. Она велела мне ехать сюда, а сама пошла обратно, к телу.

— Ладно, заскочите за доктором Элскоттом и везите его туда же, мы доберемся сами!

По дороге к уже знакомому оврагу Мак-Хантли думал о стойкости человеческих привычек — похоже, Ангус всех своих подружек возил в одно и то же место. Но если он и в самом деле мертв, то кто его убил и почему? Расследование все больше запутывалось. Инспектор свернул с дороги в Доун на ту же тропинку, по которой ехал накануне, преследуя Фиону и Ангуса. У опушки он вдруг заметил лежащую ничком женщину. Судя по положению тела, она явно не спала. Дугал притормозил, и Мак-Клостоу, первым выскочив из машины, побежал выяснить, что случилось.

— Господи Боже! — воскликнул он, перевернув тело. — Да ведь это проклятая стерва Иможен!

Дочь капитана приоткрыла затуманный глаз. — Арчи... — заплетающимся языком пробормотала она. — Не... могли бы вы... говорить обо мне... повежливее?

— Что с ней такое? — крикнул из машины Дугал.

— Наверняка перебрала виски!

Сержант нагнулся к самому лицу Иможен и, приняв хавшись, с удивлением обнаружил, что спиртным от нее не пахнет.

— Прошу вас, Арчи, ведите себя прилично — мы не одни, — с трудом прошептала мисс Мак-Картри.

Сержант отскочил от нее, как ошпаренный. Изумленный этим акробатическим номером, Мак-Хантли подошел поближе.

— Что случилось? Она вас укусила?

— Почти.

Полицейские помогли Иможен встать, но колени у нее подгибались, и гордая шотландка повисла у них на руках.

— Да ну же, мисс Мак-Картри, что с вами?

— Не знаю. Возвращаясь с дороги к бедняге Ангусу, я вдруг услышала, что сзади кто-то бежит. Очевидно, я обернулась недостаточно быстро, потому что тут же получила по голове. Удар был очень сильным — сперва я даже подумала, не свалилось ли на меня дерево!

— Стукнувшись о череп горянки, оно наверняка разлетелось бы на тысячу кусков, — хмыкнул Мак-Клостоу.

Кому и зачем понадобилось нападать на Иможен? Бедняга инспектор впервые почувствовал, что окончательно запутался.

Подъехала машина Теда Булита, и из нее деловито выпрыгнули сам хозяин «Гордого Горца» и доктор Элскотт. Врач первым делом занялся Иможен и, отведя ее в сторону, тщательно ощупал голову. Вернувшись, он сообщил полицейским:

— Удар нанесен тупым предметом, или, выражаясь понятным языком, мисс Мак-Картри стукнула по голове.

— Знать бы только, какой подонок осмелился... — воскликнул Тед Булит, сжав кулаки.

Но шотландка примирительно махнула рукой.

— Прошу вас, не надо, дорогой Тед... хотя я очень тронута.

Все эти реверансы и дружеские излияния действовали Дугалу на нервы, но, памятуя о советах суперинтенданта насчет Иможен, он изо всех сил сдерживал свои эмоции, лишь проворчал:

— Садитесь в машину, доктор, нас еще ждет покойник.

— Вряд ли он куда-нибудь торопится, — мрачно пошутил Элскотт.

Мак-Хантли не выносил каллендерской манеры подшучивать над тем, что ему самому внушало почтение, но опять-таки промолчал.

В овраге они и вправду нашли джип, однако тело Кёмбре исчезло. Лишь большая лужа крови на сиденье свидетельствовала о недавней драме. Что до Дженет Лидберн, то полицейские не обнаружили никаких ее следов пребывания в машине.

Глава 7 Все возвращается на круги своя

Поравнявшись с гаражом Стоу, инспектор остановил машину, дабы со всей возможной деликатностью предупредить Ивена, что бедняга Ангус Кёмбре погиб преждевременной и совершенно непонятной смертью, что Дженет Лидберн тоже исчезла, и лишь джип по-прежнему стоит на месте трагедии, Стоу может забрать его в любое удобное для него время.

К удивлению Мак-Хантли, весть о гибели механика не особенно потрясла Ивена.

— Так Ангус умер?

— Увы...

— Как — увы? Разве вы не собирались его повесить?

— Это не одно и то же!

— Только не для парня.

— Извините, мистер Стоу, но меня поражает ваше равнодушие. Я-то думал, вы относитесь к молодому человеку с большой симпатией...

— А вам какое дело?

— Кстати, где вы были в момент убийства Ангуса Кёмбре?

— У своей приятельницы.

— Ее имя?

Ивен окинул его высокомерным взглядом.

— Мне казалось, вы джентльмен.

Мак-Хантли покраснел и торопливо сел в машину — черствость Стоу его просто шокировала. Но у Фионы Рестон инспектора ждал еще более худший прием. Узнав о трагической

смерти молодого человека, вдова спокойно проговорила:

— История, конечно, очень печальна, но я совершенно не понимаю, почему вы решили рассказать ее мне.

— Потому что Ангус Кёмбре был вашим любимиком! — потеряв всякую власть над собой, рявкнул Дугал.

Миссис Рестон вскочила.

— Вон отсюда!

— Я видел, как вы обнимались в овраге у Торнхилла!

— Вам не мешало бы сходить к психиатру! Убирайтесь!

Идя по улице, Мак-Хантли тщетно ломал голову, недоумевая, то ли все жители Каллендера не в своем уме, то ли элементарные нормы западной морали не для них писаны.

Зато Лидберны отреагировали на сообщение Дугала, как самые простые смертные. Оба энергично высказали все, что думают о бездарности полиции, и миссис Лидберн, пока ее супруг объяснялся с Мак-Хантли, стала в отчаянии ломать руки, оплакивая судьбу любимой дочери. Несчастливая мать уже явственно представляла себе ее истерзанное, бездыханное тело. Под градом упреков и обвинений инспектор поспешно отступил.

В ближайшие пять-шесть дней полицейские развили бурную деятельность, подключив к поискам коллег со всего графства, но обнаружить трупы Дженет Лидберн и Ангуса Кёмбре им так и не удалось. А поскольку «неуловимые» покойники мало кого волнуют, пресса окончательно утратила интерес к бесследно исчезнувшим молодым людям. Через неделю после убийства Кёмбре суперинтендант отозвал Мак-Хантли в Перт, и все искренне поверили, что расследование закончено. Лидберны надели траур, а жизнь в Каллендере вернулась в прежнюю колею.

Две недели спустя Мак-Хантли вызвал к себе суперинтендант. Инспектор угрюмо поплелся к шефу.

— Садитесь, Мак-Хантли... Вопреки тому, что вы, очевидно, воображали, я вовсе не отказался от намерения разобраться в каллендерских загадках, но, коль скоро расследование по горячим следам ничего не дало, решил подождать, пока все немного остынут.

— Вы хотите заново начать расследование?

— А я и не думал его прекращать!

— Но убийца, наверное, уже далеко...

— Сомневаюсь, инспектор. Это преступление сугубо местного характера, и виновный спокойно прогуливается по Каллендеру в полной уверенности, что его подвиги нас больше не интересуют. Доказав, что это не так, мы его очень удивим, возможно, даже деморализуем.

— Но я искал повсюду, сэр, и не нашел ни малейших следов, а единственного подозреваемого убили!

— Вы уверены?

— Простите, не понял...

— Не мне вас учить, что, пока не найден труп, мы не можем считать человека мертвым. Для этого необходимо либо заключение медицинского эксперта, либо приходится ждать много лет. Лишь в том случае, если за это время наш объект не подаст никаких признаков жизни, мы получаем право объявить его покойником.

— Однако...

— Пораскиньте мозгами, инспектор. Кто видел труп Ангуса Кёмбре? Иможен Мак-Картри!

— О, эта женщина!

— И у нас нет доказательства, что она сказала правду.

— Но как заставить ее признаться?

— Если мисс Мак-Картри действительно солгала, гораздо разумнее понять, зачем. Кроме того, обратите внимание, что она ни словом не обмолвилась о Дженет Лидберн...

— Но чего ради понадобилось устраивать такую сложную мизансцену?

— Именно это нам и предстоит выяснить.

— Боюсь, такая задача мне не по зубам, сэр... Суперинтендант отменил это горькое признание.

— С тех пор, как вы вернулись, Мак-Хантли, я внимательно изучил досье об убийстве Хьюга Рестона и таинственном исчезновении обоих молодых людей. Меня поразила одна вещь: в событиях так или иначе замешаны всего несколько человек — Рестоны, Лидберны, мисс Мак-Картри, Ивен Стоу и верные рыцари нашей неукротимой воительницы Тед Булит и Уильям Мак-Грю. Можно назвать еще Гленроузов, но это, видимо, чисто эпизодические персонажи. Доктор Элскотт вряд ли принимал серьезное участие в перипетиях драмы, в крайнем случае, лишь немного помог кому-то.

— А нельзя ли узнать, к какому выводу вы пришли, сэр?

— Что убийцу надо искать среди этих людей.

— Невозможно!

— Почему?

— Все они почтенные, хорошо известные в городе граждане...

— Это ничего не доказывает.

— По-моему, там одна мисс Мак-Картри способна кого-то убить, да и то из политических соображений.

— Вы, наверное, удивитесь, инспектор, но я почти уверен, что Иможен Мак-Картри гораздо ближе нашего подошла к разгадке тайны и, если до сих пор она еще не знает имени преступника, то, во всяком случае, вот-вот докопается до истины. Я хорошо знаю мисс Мак-Картри, и, пока мы с вами раздумываем, она наверняка действует — пускай неправильно и путано, но зато ни в коем случае не сидит, сложа руки. И, честно говоря, я очень боюсь, как бы в результате мы не получили еще один труп.

— Чей?

— Ее собственный. Именно поэтому вы завтра же вернетесь в Каллендер.

— И с чего вы посоветуете начать, сэр?

— Во-первых, вам надо поближе приглядеться к участникам и зрителям драмы: Лидбернам, Гленроузам и Рестонам. Например, потолкуйте с их банкирами — порой банковский счет весьма красноречиво говорит о характере владельца. Затем попытайтесь разгадать тайну некоторых странных совпадений. Скажем, почему разговаривать с Кёмбре пошел Рестон, а не Лидберн? Откуда ехал Тед Булит, когда он так вовремя встретился на дороге с мисс Мак-Картри, чтобы сообщить вам об убийстве Кёмбре? Где находился самый загадочный из всех персонажей пьесы — Ивен Стоу, когда его протеже с возлюбленной столь внезапно растворились в воздухе? На вашем месте, Мак-Хантли, я бы всерьез покопался в прошлом мистера Стоу. Какова истинная причина его бегства из Каллендера двадцать с лишним лет назад? Я приказал доставить мне его военное досье. Там — сплошным превосходные характеристики. Записался в армию добровольцем в восемнадцать лет. Так что, с военной службой все ясно, можете не тратить время попусту. Повидайтесь лучше с директором Пембертонского колледжа. Двадцать пять лет назад он там уже работал, а до этого колледж возглавлял его отец. И держите меня в курсе дела.

Вопреки ожиданиям Дугала, его возвращение в Каллендер, по-видимому, никого особенно не взволновало, и полицейский почувствовал себя глубоко уязвленным. Он надеялся встревожить противников, но ощущал лишь весьма поверхностное любопытство. Мак-Пантиш сказал, что очень польщен вниманием инспектора к его гостинице. В «Гордом Горце» Тед Булит предложил выпить стаканчик, заявив, что вполне понимает, почему Дугал снова приехал в Каллендер — нигде в мире не найдешь такого отличного виски. А как всегда стоявший на пороге своей бакалеи Мак-Грю поздоровался с самым любезным видом.

— Что, соскучились по Каллендеру? — только и спросил он.

Миссис Рестон показала Мак-Хантли помолодевшей лет на десять, и выглядела она красивее и элегантнее, чем когда бы то ни было. Зато в довольно невежливо проводившей его черной фигуре Дугал с трудом узнал миссис Лидберн, несчастную мать Дженет. Наконец, в мелочной лавке, куда он зашел купить новый стержень для ручки, полицейский столкнулся с Иможен Мак-Картри.

— Инспектор! Как я рада вас видеть! Так вы, значит, еще не потеряли надежду изловить убийцу?

— Вы же знаете, мисс, полиция никогда не отступает.

— Однако я думала, вы закрыли дело.

— Признайтесь, мисс, что порой и вы совершаете ошибки.

— Да, но я хотя бы никогда не упорствую в заблуждениях. А вот вы упрямо отказываетесь поверить, что преступник — Лидберн.

— По-вашему, он мог убить своего шурина Рестона и родную дочь? Вероятно, этот тип совершенно лишен родственных чувств?

— Вижу, что вы все так же тупы и самоуверенны, инспектор.

— А вы — тщеславны и ограниченны!

Перепалка уже начала привлекать внимание других покупателей, и Дугал почел за благо ретироваться.

Мак-Клосту и Тайлер приняли инспектора без особого энтузиазма, ибо с увлечением разыгрывали карточную партию, и побежденному предстояло угостить победителя бутылкой виски.

— Я вам не очень помешал, джентльмены?

Полицейские, с сожалением оторвавшись от карт, встали.

— Зачем вы снова здесь, инспектор? — пробормотал сержант.

— Вам это неприятно?

— Мне? С чего бы? Насколько знаю, я никого не убил и не ограбил.

— Равно как, впрочем, и никого не арестовали.

Молодой человек начинал всерьез действовать Мак-Клосту на нервы, а когда сержант злился, невозможно было предсказать, что он вытворит.

Мак-Хантли вовсе не хотел ссориться с каллендерскими служащими закона и уже пожалел, что дал волю дурному настроению.

— Прошу прощения, если обидел вас, сержант, — примирительно сказал он, — но я только что столкнулся с мисс Мак-Картри, и она совершенно вывела меня из себя. Невыносимая женщина!

— Вам, по крайней мере, не приходится видеть ее круглый год! — поддержал инспектора Арчибальд. — Может, в вашем арсенале законов найдется что-нибудь такое, на основании чего мы сумели бы навсегда выдворить чертову ведьму из Каллендера, инспектор?

— Увы, нет! Сначала надо, чтобы мисс Мак-Картри совершила очень тяжкий проступок и попала в тюрьму.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Тайлер, как известно, давно испытывавший к Иможен давнюю и глубокую привязанность.

— Мне кажется, вы позволяете себе недопустимо вольничать с дисциплиной, Сэмюель Тайлер! — осадил его сержант. — Кто вам разрешил вмешиваться в разговор начальства? Это что, бунт? Впрочем, я давно подозревал вас в анархизме...

— Лучше быть анархистом, чем идиотом, сэр!

— Ах вот как? Значит, вы признаетесь? А кого же вы обозвали идиотом?

— Никого. Это обобщение, шеф.

— Да хватит вам препираться, — нетерпеливо заметил Дугал. — Лучше скажите мне, сержант, как лучше доехать до Пембертонского колледжа. Вы там бывали?

Арчибальд объяснил, как туда добраться, и, когда инспектор уехал, снова повернулся к Тайлеру.

— Воспользуйтесь этой передышкой, Сэм, и сбегайте за бутылкой, которую вы мне проиграли!

— Но ведь мы еще не закончили партию, шеф!

— Не отлынивайте, Сэм! Разве счет был не в мою пользу?

— Несомненно, но...

— Никаких «но»! Если партию приходится прервать, победителем считают того, кто набрал больше очков. Просто, ясно, логично. Идите, Сэм, я вас подожду и с удовольствием выпью за ваше здоровье.

— Я не согласен, шеф!

Мак-Клосту с горькой обидой поглядел на помощника.

— Так вы еще, плюс ко всему, не умеете проигрывать?

— Я не считаю себя проигравшим!

— Вы меня очень огорчаете, Сэм, и...

— Сожалею, шеф!

— Молчите, когда говорю я! Вы просто-напросто недостойны мундира, который носите! В последний раз спрашиваю, Тайлер: признаете вы себя побежденным или нет?

— Нет.

— Превосходно! Раз так, дайте мне свое досье — я сделаю в нем пометку о вашем недостойном поведении!

— Сами возьмите, коли на то пошло!

— Вы — озлобленный человек и мятежник, Тайлер!

— Ладно, пойду погляжу, что делается в Каллендере.

— Я запрещаю вам!

— Вы не имеете права мешать мне выполнять свой долг!

— Ваш долг — поскорее принести мне проигранную бутылку!

— И не подумаю! Во-первых, мы так и недоиграли, а во-вторых, вы передергивали!

— Я?! И вы смеете оскорблять старшего по чину?

— Правды боятся только трусы и дураки!

Мак-Клосту, побагровев до корней волос, приблизился к подчиненному и угрожающе прорычал:

— Тайлер! Вот уже второй раз за время разговора вы упоминаете о неких идиотах и дураках... Подумайте хорошенько и отвечайте, Тайлер! Скажете «да», я разобью вам морду, а «нет» — так назову проклятым лжецом и опять-таки разобью морду! Так что, поосторожнее! Ну, я жду ответа!

Полисмен вытянулся по стойке смирно и всю силу легких гаркнул:

— Смерть тиранам!

И, прежде чем Арчибальд успел опомниться от удивления и ужаса, в которые его повергло столь неожиданное заявление констебля, тот резко повернулся и вышел из кабинета.

Директор Пембертонского колледжа принял Дугала со свойственной выпускникам Оксфорда и Кембриджа утонченной вежливостью. Он проводил гостя в строго и со вкусом обставленный кабинет, усадил под портретом основателя

колледжа, мистера Пембертона, аристократического господина с бородкой «а-ля» Линкольн, налил ритуальный бокал виски и опустил в директорское кресло.

— Не в моих привычках поддерживать тесные отношения с полицией, инспектор. Не то чтобы я презирал людей вашей профессии — совсем наоборот! — просто мы встречаемся в разных сферах. Впрочем, это нисколько не мешает мне питать глубочайшее уважение к мистеру Копланду, тем более что мы с ним познакомились при самых трагических обстоятельствах — несколько лет назад в колледже произошло убийство... я тогда очень долго не мог оправиться от потрясения. Однако, полагаю, вы пришли сюда не из-за этой давней истории?

— Нет, господин директор, вовсе нет. Тем не менее я был бы вам премного обязан, если бы вы согласились поделиться со мной кое-какими воспоминаниями.

— Но зачем?

— Например, меня очень интересует, помните ли вы те времена, когда в вашем колледже учились Хьюг Рестон, Кит Лидберн и Дермот Гленроуз?

Суровое лицо директора озарила улыбка.

— Это было так давно, инспектор... Помню ли я четырех мушкетеров? Еще бы мне их не помнить? Они были почти неразлучны: один за всех и все за одного!

— Четверых? А кто же четвертый?

— Д'Артаньян, или Ивен Стоу. Гленроуз был Портосом, Лидберн — Атосом, Рестон, самый хитрый из всех, — Арамисом.

— Должно быть, ваши питомцы сохранили дружбу навсегда, потому что и теперь в полном согласии живут в Каллендере, только сейчас их осталось трое...

— Да, я слышал печальную новость. Тем не менее позволю себе заметить, что Хьюг Рестон вызывал у меня наименьшие симпатии. Он с такой холодной безжалостностью терроризировал «желторотиков». Нескольким раз мне даже пришлось вмешаться, а однажды вы вообще чуть не выгнал парня из колледжа. Представляете, Рестон требовал с младших учеников плату за кровительство! Самый настоящий шантаж! Нет, инспектор, что ни говори, Хьюг Рестон не был джентльменом.

— А остальные?

— Самый умный и способный — Стоу, наиболее ограниченный — Лидберн. Гленроуз и Рестон, закончив мой колледж, поступили в университет, а Лидберн, унаследовав от отца мясную лавку, занялся торговлей...

— А Стоу?

— Предпочел записаться в армию рядовым.

— Довольно странно для одаренного, по вашим же словам, юноши, правда?

Директор явно смутился.

— Мне бы не хотелось ворошить старые и давно забытые истории...

— Уверю вас, я спрашиваю отнюдь не из праздного любопытства.

— Не сомневаюсь. Ну, ладно... Стоу завел бурный роман с одной ученицей, Элспет Келмингтон. Девочка тоже приехала к нам из Каллендера. В то время ей не исполнилось и шестнадцати лет. Представляете, каким это грозило скандалом, когда выяснилось, что Элспет беременна?

— И Стоу бросил подружку?

— По правде говоря, его вынудили к тому обстоятельства.

— Каким образом?

— Мне очень не хочется об этом говорить. Но, надеюсь, разговор останется строго между нами?

— Несомненно, если только мне не придется использовать эти сведения в суде.

— Естественно... ну, так вот... Стоу — из небогатой семьи. К тому времени его родители, мелкие коммерсанты, уже умерли. А эта любовная история, вероятно, требовала денег. Так или иначе, из нашей кассы исчезло двести фунтов. Мне неприятно об этом говорить, но деньги нашлись в белье Стоу.

— Но ведь, наверное, у вас не было доказательств, что он сам их туда положил?

— Так я сперва и подумал, но трое остальных мушкетеров выдали Стоу.

— Довольно неожиданный поступок для таких близких друзей, вам не кажется?

— По их мнению, Стоу нарушил кодекс чести, а в таком возрасте юноши особенно щепетильны, поэтому они исключили его из своего круга.

— А кто донес на Стоу?

— По-моему, Хьюг Рестон, но двое других пришли вместе с ним.

— И как на это отреагировал Стоу?

— Удрал из колледжа, и со временем мы узнали, что бедняга записался в экспедиционный корпус.

— А что случилось с девушкой?

— Сначала родители забрали ее домой, потом отправили к какой-то родственнице в Перт. Насколько мне известно, в дальнейшем Элспет вышла замуж.

Дугал возвращался в Каллендер очень довольный тем, что ему удалось узнать. Легкую досаду вызывала лишь мысль о соблазненной Стоу девушке — напрасно он не расспросил о ней подробнее. Впрочем, директор колледжа наверняка не стал бы распространяться на эту тему. Теперь оставалось выяснить, не отомстил ли Стоу Рестону за давнюю обиду, если «мушкетеры» нарочно его подставили. Проще всего было поговорить с самим Ивеном.

Хозяин гаража выслушал просьбу полицейского уделить ему несколько минут со свойственным ему хладнокровием.

— Валяйте, я вас слушаю.

— Первый вопрос: кем вы хотели стать в те времена, когда обстоятельства заставили вас покинуть Пембертон?

— Адвокатом.

— Значит, это было для вас большим разочарованием?

— Очень большим.

— А почему вы сбежали?

— Потому что был зеленым юнцом и боялся полицейских. Сейчас — другое дело.

— К тому же вам пришлось расстаться еще и с мисс Элспет Келмингтон?

— Я вижу, вам удалось разговорить милейшего старину директора? — хмыкнул Стоу.

— И где теперь ваша Элспет?

— Забудьте о ней. Мисс Келмингтон вышла замуж и решительно ни в чем не виновата.

— Вы ее любили?

— Всю жизнь.

— И даже теперь?

— Да, и теперь.

Спокойная уверенность Ивена произвела на Мак-Хантли сильное впечатление.

— Можно мне задать вам один деликатный вопрос?

— По-моему, вы и так не стесняетесь...

— Мистер Стоу, это вы украли двести фунтов, которые потом нашли среди ваших вещей?

— Нет.

— А вам известно, кто это сделал?

— Хьюг Рестон.

— Но почему он так хотел вас скомпрометировать?

— Хьюг меня ненавидел.

— Из-за чего?

— Ну, допустим, он мне завидовал.

— Вашим успехам в учебе?

— Да, в частности, и успехам.

— Так это вы, мистер Стоу, убили Рестона в отместку за тогданнюю подлость?

— Нет. Лет десять назад я, может, и прикончил бы его, но не сейчас. Прошло слишком много времени...

— Не знаю, поверите ли вы мне, мистер Стоу, но я от души хотел бы, чтобы это оказалось правдой, — совершенно искренне признался инспектор.

Проезжая мимо мэрии, Мак-Хантли подумал, что неплохо бы попытаться узнать о дальнейшей судьбе Элспет Келмингтон. Он оставил машину на стоянке и пошел в отдел регистрации актов гражданского состояния. Там инспектора встретил Алистер Легхорн, чемпион округа по метанию стрел. Он принес полицейскому регистрационные книги за нужные годы и стал с любопытством наблюдать за его работой, в глубине души обижаясь, что Дугал отверг предложенную помощь. Очень скоро инспектор нашел запись, ради которой и заглянул в мэрию: «Элспет-Майри-Фиона Келмингтон», родилась в Каллендере 5 января 1936 года, вышла замуж за Хьюга-Чарльза-Лайонела Рестона 12 марта 1952 года».

Мак-Хантли побежал к машине. Сердце у него бешено колотилось. Победа! Наконец-то, он знает убийцу Хьюга Рестона и Ангуса Кёмбре! Оставалось как можно скорее поделиться новостью с Ко-

пландом, и Дугал помчался в полицейский участок, к телефону.

Однако при виде Мак-Клостоу он опешил от удивления: физиономия сержанта, во всяком случае, значительная ее часть, приобрела цвет зрелого баклажана, а распухший нос бесформенной грудой нависал над губами.

— Господи, сержант, что с вами стряслось?

— Ничего. А в чем дело?

— Но ваше лицо...

— А-а-а... у нас тут был небольшой спор...

— Невероятно!

— Да, мы с Тайлером не сошлись во мнениях насчет кое-каких слов. Впрочем, это, естественно, ни в коей мере не касается службы.

— О, еще бы! А что вы прячете за спиной?

— Бутылку... самую обыкновенную бутылку.

— Это, случайно, не виски?

— Как вы догадались, инспектор?

— Вы что, издеваетесь надо мной, Мак-Клостоу?

— Ничуть, я всегда с уважением относился к начальству! А эту бутылку, добровольно или, во всяком случае, почти добровольно, подарил мне мой друг Тайлер — таким образом он, в конце концов, признал, что напрасно отказывался платить, проиграв пари.

— А где сейчас ваш «друг» Тайлер? Вероятно, на дежурстве в городе?

— Не совсем...

— Ах, не совсем? И где же он?

— Понимаете... э-э-э... короче, у меня в комнате.

— А что он там делает?

— Отдыхает.

— В такое время?!

— Честно говоря, Сэму это совершенно необходимо...

Не слушая дальнейших объяснений, Мак-Хантли бросился к лестнице на второй этаж, промчался по ступенькам, распахнул дверь и тут же невольно вскрикнул от удивления.

Сэм Тайлер, одетый, лежал на постели, а Иможен Мак-Картри заботливо меняла компресс у него на лице.

— Что вы здесь делаете, мисс?! — рявкнул Дугал.

— А, инспектор! Добрый день. Помогаю Сэму прийти в себя.

— Вы, что же, решили стать сиделкой?

— Нет, но Сэм — мой старинный друг. Я заглянула сюда по чистой случайности и вдруг вижу, эти джентльмены с превеликим ожесточением... спорят... Ну, вы ведь меня знаете, инспектор? Я не могла не вмешаться.

— Вы меня поражаете, мисс! — иронически бросил Мак-Хантли.

— В результате, я получила великолепный удар левой, предназначавшийся Мак-Клостоу, ну, и джентльмены, заметив, что я упала, сразу прекратили спор и начали приводить меня в чувство. А теперь — моя очередь им помочь, разве это не естественно?

— О, разумеется! И то, что стражи порядка, наплевав и на закон, и на приличия, устраивают драку из-за бутылки виски! И то, что барышня, которую возраст, казалось бы, должен был уберечь от такого рода развлечений, получает по голове ни где-нибудь, а в полицейском участке! Да, с какой стороны ни глянь, просто замечательно! Можно не сомневаться, что, узнай об этом начальство, полицейские Каллендера и их друзья заработали бы медаль за примерное поведение!

— Не будь вы в каком-то смысле вырожденком, инспектор, знали бы, что шотландцев, и особенно уроженцев Горной страны, сама кровь всегда подталкивает к битвам!

— Спасибо за «выродка», мисс, но, если не ошибаюсь, Мак-Клостоу — не горец?

Иможен ласково улыбнулась Арчибальду.

— По-моему, он им потихоньку становится.

Сержант, вне себя от счастья, поклонился.

— Спасибо, мисс Иможен.

— Ну, в конце концов, коли вам нравится колотить друг друга, — дело ваше... — буркнул Мак-Хантли. — А вы что скажете, Тайлер?

Констебль с помощью добровольной сиделки поднялся на ноги.

— К вашим услугам, инспектор!

— Как? В таком состоянии?

Распухшие веки Сэма не поднимались, и, чтобы взглянуть Дугалу в глаза, ему пришлось запрокинуть голову.

— Я прекрасно себя чувствую, сэр.

— Ну, как хотите. В любом случае, предупреждаю, что завтра вы оба должны быть в отличной форме, ибо я твердо намерен поставить точку в расследовании, ради которого меня направили в Каллендер.

Иможен, отпустив Сэма, быстро подошла к детективу.

— Вы уже знаете имя убийцы?

— Ивен Стоу!

Мисс Мак-Картри, пожав плечами, отошла, Тайлер с Мак-Клостоу тоже выслушали сообщение без должного интереса.

— Вы мне не верите? — сердито осведомился инспектор.

Все трое промолчали. И Мак-Хантли начал пересказывать историю пембертонских «мушкетеров».

— Стоу убил Рестона из мести, равно как и Кёмбре, — подытожил он, — и у меня есть тому доказательства. Вы ведь, друзья мои, наверное, не знаете, как теперь зовут Элспет Келмингтон?

— Фиона Рестон, — в один голос ответила тройца.

Дугал задохнулся от возмущения.

— И вы об этом знали?!

За всех ответила Иможен:

— Это известно каждому жителю Каллендера, инспектор, и очень давно.

Мак-Хантли в бешенстве повернулся к сержанту.

— Так почему вы мне раньше не сказали?

— Но вы же не спрашивали!

Дугал махнул рукой и, сбжав по лестнице, бросился звонить суперинтенданту.

— Странно, что вы не выяснили этого раньше, — заметил Копланд, услышав, что вдова Рестона когда-то была возлюбленной Стоу.

— Это оттого, что меня окружают дураки!

— Мак-Хантли...

— Да, сэр?

— Помните, я говорил вам, что, возможно, над вами слегка потешаются?

— Да, сэр, но, клянусь вам, теперь им станет не до смеха!

— Осторожно, инспектор... Не торопите события. И прежде всего найдите доказательства.

— Но мне кажется, сэр, Стоу имел достаточно веские основания убить Рестона.

— На первый взгляд, вроде бы так...

— Честно говоря, не понимаю вас, сэр...

— Как давно он вернулся в Каллендер?

— Три года назад.

— И вас не смущает, что парень целых три года сидел спокойно, а потом вдруг решил отомстить?

— Очевидно, до сих пор ни разу не подвернулось удобного случая...

— Ну, при желании за три-то года он мог бы что-нибудь придумать, а? Повторяю вам, Мак-Хантли, будьте осторожны... разве что Стоу сам признается в преступлении.

— Завтра же я об этом позабочусь!

Глава 8 Мак-Хантли, наконец, понимает Каллендер

Большую часть утра Дугал разрабатывал стратегию будущего допроса, подбирая самые жесткие, самые хитрые и заковыристые ловушки в надежде, что это испытанное средство поможет ему загнать Стоу в угол. Из «Черного Лебедя» он вышел бодрым шагом, ничуть не сомневаясь в победе. Решив, что стаканчик доброго виски еще больше поднимет его боевой дух, инспектор заглянул по дороге в «Гордый Горец». Теда Булита на обычном месте у стойки не оказалось, но миссис Булит объяснила полицейскому, что ее супруг поехал навещать тетю в Икклфичен, на границе графства Дамфрис. Тут, разумеется, не было ничего странного, но Дугал, сам не зная почему, внезапно почувствовал, что его прекрасное настроение слегка омрачилось.

Проходя мимо бакалейной лавки, полицейский раскланялся с миссис Мак-Грю — сегодня у порога вместо Уильяма стояла она.

— Как поживаете, миссис Мак-Грю?

— Я всегда чувствую себя превосходно, когда моего супруга нет поблизости.

— Разве мистер Мак-Грю отсутствует?

— Укатил куда-то пьянствовать с Тедом Булитом, и только один Господь ведает, когда этот бездельник вернется и в каком виде!

Мак-Хантли не смог бы объяснить, почему ему вдруг стало так тревожно, и куда девался весь утренний оптимизм. Он торопливо сел в машину и поехал в гараж Стоу. Но двери гаража, как и бензоколонка, были заперты. Импровизированная табличка оповещала возможных клиентов, что хозяин не вернется до вечера. Ситуация прояснялась. Инспектор уже почуял какой-то сговор, хотя толком не понимал, в чем его суть. Интуиция заставила его поскорее отправиться к мисс Мак-Картри. Дверь, как всегда, открыла миссис Элрой, и Дугал узнал, что ее хозяйка в отъезде.

— И куда же она поехала? Случайно, не в Икклфичен? — с иронией спросил полицейский.

— Не знаю. А если бы и знала — так все равно не сказала бы.

Розмери не умела врать, и Мак-Хантли понял, что Иможен сейчас тоже гуляет по графству Дамфрис. Значит, те, кого инспектор не без основания считал заговорщиками, что-то затеяли, но что — этого он пока не знал.

Вернувшись в Каллендер, Мак-Хантли быстро убедился, что Лидберн и Гленроуз — на месте, зато миссис Рестон отправились в путешествие, оставив аптеку на попечение продавца. Инспектор больше не питал никаких иллюзий: по неизвестной причине и с не менее таинственными намерениями вся компания перебралась из Каллендера в Икклфичен. Но зачем?

Дугал поехал в участок. Увы, сержант Мак-Клостоу тоже не смог найти на этот вопрос вразумительного ответа. А Тайлера вообще не было на месте — он на весь день отпросился у шефа.

— Под каким предлогом?

— У Сэма тяжело заболела дальняя родственница.

— А вы не знаете, где она живет?

— Точно не скажу... вроде бы где-то на юге...

— Случайно, не в графстве Дамфрис?

— Да, так и есть, теперь припоминаю.

— Так, значит, несчастная больная живет в Икклфичене?

— Ну и ну! Интересно, как вы догадались?

Мак-Хантли так и подскочил на месте.

— Они издеваются надо мной, Мак-Клостоу! Слышите? Из-де-ва-ют-ся! Но, Богом клянусь, я это так не оставлю! Собирайтесь, сержант, мы тоже едем в Икклфичен!

Осторожности ради Дугал решил предупредить суперинтенданта, что ему надо съездить на юг. Копланд выслушал рассказ с ледяным спокойствием.

— Прошу вас, подождите немного, — сказал он, когда Мак-Хантли умолк.

Прошло несколько минут. Наконец, в трубке снова послышался голос суперинтенданта:

— Так вы сказали, Икклфичен, верно?

— Да.

— А у вас под рукой нет карты?

— Нет.

— Так вот, инспектор, имейте в виду: Икклфичен — всего в нескольких милях от Гретна-Грин*.

— Ну, и что?

Копланд весело рассмеялся.

— Поезжайте в Икклфичен, инспектор. И либо я сильно ошибаюсь, либо вас ждет большой сюрприз. Желаю приятно провести вечер.

Мак-Хантли вообще перестал понимать суперинтенданта, чье более чем своеобразное чувство юмора все больше действовало ему на нервы.

По дороге в Икклфичен Дугал еще раз заглянул в «Гордый Горец» и попросил у миссис Булит адрес тетки ее мужа. Почтенная дама жила на Локерби-стрит, 132, и звалась Эннабель Физем.

Когда Мак-Клостоу и Дугал приехали в Икклфичен, уже стемнело, но они без труда нашли дом миссис Физем — оттуда на всю улицу разносились песни и смех. Полицейские с недоумением переглянулись, и Мак-Хантли резко дернул дверной колокольчик. Дверь открыл благоухающий виски и блаженно улыбающийся Тед Булит.

— Инспектор! Как это мило с вашей стороны... Мы как раз только что о вас говорили. Ну, и очень смеялись.

— Ах, вы смеялись, да?

Мак-Хантли решительно отодвинул Теда и вместе с сержантом проследовал в комнату, из которой слышались крики и хохот. Глазам его предстала развеселая компания. Здесь были все, кто утром уехал из Каллендера. И вдруг у инспектора глаза полезли на лоб: во главе стола, нежно обнявшись, сидели Ангус Кёмбре и Дженет Лидберн, а Ивен Стоу и Фиона Рестон с нежностью взирали на эту картину. Что до Мак-Клостоу, то, узрев среди пирующих своего помощника, он мгновенно вскিপел.

— Тайлер! Вы переметнулись на сторону врага! Теперь вас ждет не только отставка, но и тюрьма! Иможен Мак-Картри, сидевшая на самом видном месте и, очевидно, председательствовавшая на дружеской пирушке, крикнула:

— Не валяйте дурака, Арчи! Идите-ка лучше сюда и выпейте за здоровье молодых!

Мак-Клостоу очень любил такого рода предложения и никогда не отказывался, но на сей раз не успел взять протянутого бокала — инспектор призвал его к порядку.

— Минуточку, Мак-Клостоу! Прежде всего пусть мне объяснят, что здесь происходит! Стоу поднялся со стула.

* Место на границе Шотландии, где влюбленные могли повенчаться без всяких формальностей. — Прим. переводчика.

— Инспектор, позвольте вам представить моего сына — Ангуса Кёмбре Стоу...

— Вашего сына?!

— ...и его жену — Дженет Кёмбре Стоу. Они обвенчались сегодня утром в Гретна-Грин.

Мак-Хантли почудилось, будто он опять слышит приглушенный смех суперинтенданта.

— А это Фиона Рестон, которая скоро станет миссис Стоу. Таким образом, мать и отец поженятся после сына. Оригинально, правда?

— Я очень хотел бы поздравить вас всех, мистер Стоу, но, к несчастью, вы ввели в заблуждение следствие, а это крайне опасная игра...

— В чем же мы вас обманули?

— Разве вы не убедили меня, что Ангус Кёмбре убит?

— Я? Вы меня удивляете, инспектор! Иможен сочла своим долгом вмешаться.

— Об убийстве заявила я, инспектор, и поверьте, без всякого злого умысла. Я видела, как Ангус сидит в машине, опустил измазанную кровью голову на руль. Подойти поближе я не рискнула и в ужасе помчалась к вам, а встретив Булиту, рассказала то, что сама считала правдой. Право, инспектор, в мои намерения вовсе не входило вас обманывать...

Дугалу страшно хотелось вцепиться ей в волосы и хорошенько стукнуть головой об стенку — он в жизни не слышал такого наглого вранья. Детектив еще раз обвел комнату взглядом, ища, кому бы отплатить за унижение, и, наконец, решил заняться Кёмбре.

— А вы что скажете? Для чего вы устроили эту комедию в овраге у Торнхилла?

— Никакой комедии я не устраивал, инспектор. Просто я застрелил куропатку и случайно испачкался ее кровью. А все из-за того, что у джипа заглох мотор. Дженет бросилась за подмогой — сами понимаете, мы спешили удрать подальше от Каллендера и родителей моей невесты. Поэтому, когда Дженет нашла парня, направлявшегося в сторону Икклфичена, мы сразу уехали, бросив джип в овраге.

Разумеется, Ангус тоже бессовестно врал. Но поскольку Мак-Хантли все равно не смог бы этого доказать, ему оставалось лишь повернуться на каблуках и, отклонив предложение хозяев выпить, навсегда покинуть этот дом. У Мак-Клостоу, разочарованного тем, что ему не дали принять участие в пиршестве, совсем испортилось настроение.

— Сэм Тайлер! Завтра утром я жду вас в участке. Прежде чем отослать в Перт соответствующий рапорт, мне хотелось бы выслушать ваши объяснения.

Дугал уже вышел из комнаты, и Мак-Клостоу направился следом, но его окликнул Ивен Стоу:

— Ловите, Арчибальд!

Сержант на лету поймал брошенную хозяином гаража бутылку виски, физиономия его мигом просветлела.

— Забудьте обо всей этой истории, Арчи, и помните только, что вы теперь — почти горец! — добавил Стоу.

Сержант хитро подмигнул.

— Не обращайтесь внимания на мои слова, я говорил не для вас, а для того мальчишки, — проворчал он.

И под громкое «ура», отголоски которого, вероятно, докатились до самых дальних пределов графства Дамфрис, Мак-Клосту вышел из пиршественного зала.

Полицейские уже собрались возвращаться в Каллендер, когда к машине подошла мисс Мак-Картри.

— Вы на нас очень сердитесь, инспектор? — спросила она, облачиваясь на дверцу.

— Ну, что вы! Вы ведь всего-навсего заставили меня отмахать Бог знает сколько миль, а на финал выставили клоуном перед милой компанией шутников! И я еще должен быть недоволен? Нет, право, каким же надо обладать скверным характером!

— С самого начала этой истории я тысячу раз повторяла, что вы ошибаетесь, инспектор, но вы, упрямая голова, и слушать ничего не желали! Неужели вы думаете, дочь клана Мак-Грегор стала бы вас обманывать и марать репутацию соотечественника, не будь она абсолютно уверена, что этот тип — сущий мерзавец?

— Ох, если б я только мог выложить дочери клана Мак-Грегор все, что о ней думаю, означенная особа тут же слегла бы с печеночной коликой! В дорогу, Мак-Клосту!

На следующее утро после чудовищной неудачи Мак-Хантли вошел в кабинет суперинтенданта. Слушая рассказ инспектора о путешествии в Икк-фичен, Эндрю Копланд рыдал от смеха, чем довёл беднягу Дугала до белого каления.

— Вот уж никак не рассчитывал так вас позабавить, сэр, — наконец, с обидой заметил он.

— Простите, инспектор, но это... ужасно смешно и, в сущности, так просто...

— Для вас — может быть...

— Если хотите знать мое мнение, Мак-Хантли, я думаю, вам стоило бы послушать мисс Мак-Картри.

— И арестовать Лидберна?

— Нет, но приглядеться к нему повнимательнее.

— У бедняги убили шурина, украли дочь... По вашему, этого мало?

— Досада мешает вам смотреть на вещи объективно, инспектор. Вы просто злитесь, что Иможен и ее команда обвели вас вокруг пальца.

— Они вралы мне в глаза!

— Вне всяких сомнений.

— И в моем лице оскорбили само правосудие!

— Вероятно, так.

— Мы не можем оставить это безнаказанным!

— Боюсь, придется.

— Но почему?

— Вам все равно не удастся доказать, что они умышленно направили вас по ложному следу. Стало быть, забудьте о прежних неприятностях и помириться с ними, поймав настоящего преступника.

— Прошу вас, сэр, поручить это кому-нибудь другому. Кажется, уже совершенно ясно, что я не способен справиться с заданием и...

— Ни слова больше, инспектор! Судить о ваших способностях — мое дело! А я настаиваю, чтобы именно вы довели расследование до конца. Только это вернет вам веру в собственные силы.

— Но я напрочь запутался и даже не представляю, с чего начать...

— А все потому, что не желали слушать тех, кто хорошо знает Каллендер и его жителей. Вот и бросились преследовать две влюбленные парочки. Между нами говоря, вы не находите, что любовь Фионы Рестон и Ивена Стоу, выдержавшая более чем двадцатилетнюю разлуку, очень трогательна?

— Пожалуй, хотя... репутация миссис Рестон наводит на мысль, что она довольно весело провела это время!

— Я почти уверен, что все это чепуха и Лидберн, когда его обвинили в связи с миссис Рестон, возмущался совершенно искренне. Сама же она нарочно вас обманула, надеясь отвести подозрения от Кёмбре. Счастье Ангуса для нее куда дороже, да и какая мать не пожертвует ради сына добрым именем?

— Но согласитесь, сэр, тут сам черт ногу сломит!

— Конечно, только не забывайте, что для хорошего детектива главное — медленно и терпеливо продвигаться вперед, отбрасывая все лишнее и случайное. Это единственный способ добраться до сути. А что для нас суть, как не убийство Рестона?

— Да, конечно.

— Судя по всему, аптекарь был пренеприятным типом. То, как он поступил со Стоу, чтобы отнять у него подружку, достаточно красноречиво свидетельствует о характере. Кстати, участие в этой грязной истории Лидберна и Гленроуза тоже не говорит в их пользу.

— Еще бы!

— А если человек так прогнал к двадцати годам, у него мало шансов исправиться на старости лет. Очевидно, Рестон продолжал строить козни, и, в конце концов, одна из жертв его прикончила. Таким образом, вам осталось выяснить имя этой жертвы.

— Совсем пустячок!

— В первую очередь вы должны покопаться в бумагах покойного.

Лидберны настолько обрадовались, увидев дочь живой и здоровой, что охотно простили ей превращение в миссис Кёмбре. Кроме того, прежние тревоги несколько смягчили то обстоятельство, что со временем зять унаследует гараж Стоу. Так и этак, а Дженет вышла не за перекасти-поле!

Мак-Хантли отправился к даме, которая пока еще носила фамилию Рестон, и та, не смущаясь, рассказала ему свою историю.

— Когда я поняла, что скоро стану матерью, мне еще не исполнилось и шестнадцати лет. Сначала я, по детской наивности, чувствовала себя счастливой, а потом в Пембертоне произошла эта

жуткая буча с кражей, и мой Ивен в панике побежал записываться в армию. Мне пришлось рассказать родителям правду, а они, к несчастью, получили воспитание в духе викторианской морали. Вспоминая ту кошмарную сцену, я и сейчас вздрагиваю. Мать хотела покончить с собой и таким образом избежать бесчестия. Отец собирался последовать ее примеру, но сначала убить меня. В общем, вы, наверное, представляете себе их состояние. Хьюг Рестон спас положение, заявив моим родителям, что охотно женится на мне, если я избавлюсь от плода прежних ошибок. Я была слишком молода, чтобы устоять против них троих. Меня вынудили отдать новорожденного сына в приют, и долгие годы, несмотря на все старания, я не могла ничего о нем узнать. Мужа я не любила, а после того, как во время очередной ссоры он стал хвалиться сделанной Ивену подлость, просто возненавидела. С того дня я не жила, а существовала. Если кокетничала и даже флиртывала с другими мужчинами, то лишь для того, чтобы позлить мужа. Зато, хотя после Ивена у меня никого не было, я сумела создать себе репутацию легкомысленной женщины и поставить Хьюга в смешное положение. Ничего другого мне и не требовалось.

— Но зачем же вы с мисс Мак-Картри уверяли, будто Лидберн — ваш любовник?

— Это придумала Иможен. Она хотела настроить вас против него.

— Почему?

— Потому что Иможен считает Лидберна убийцей.

— Ну, и нравы тут у вас! Мисс Мак-Картри — просто сумасшедшая, и, глядя на вас, я начинаю думать, что безумие — болезнь заразная, миссис Рестон!

— После возвращения Ивена замужество стало для меня особенно тягостным. Вот почему я благословляю того, кто убил Хьюга и тем самым вернул мне свободу. Надеюсь, вы никогда не поймаете этого человека, инспектор!

— Прошу прощения, миссис Рестон, но профессиональный долг не позволяет мне разделить ваши надежды. Однако я пришел к вам с просьбой. Можно взглянуть на бумаги вашего мужа, если, конечно, вы их не уничтожили?

— Даже не дотрагивалась.

До самого вечера Мак-Хантли рылся в оставшихся после смерти Рестона бумагах, но не нашел ничего интересного, в том числе и письма с угрозами, которое так надеялся отыскать. Единственное, что его слегка заинтриговало, это ежемесячные вливания на счет Рестона в пертском «Коммодор Нэшнл банке», причем сумма в последние годы оставалась неизменной: сто и пятьдесят фунтов. Ничего не скажешь, очень недурная рента! Узнав от вдовы, что ее покойному супругу пансиона никто не выплачивал, Дугал для очистки совести решил съездить в Перт и проверить финансовые документы.

Как все представители его профессии, директор банка недоволено сморщился, когда Мак-Хантли, предъявив удостоверение, потребовал сведений о происхождении сумм, ежемесячно поступающих на счет Рестона. И только узнав, что клиент умер, в конце концов, он неохотно согласился удовлетворить законное любопытство инспектора. Не прошло и часа, как Дугал выяснил, что интересующие его цифры, несколько менявшиеся с годами и возросшие — одна — с двадцати фунтов до пятидесяти, другая — с тридцати до ста, — переводились с помощью чеков, подписанных, соответственно, мистером Лидберном и мистером Гленроузом, двумя гражданами Каллендера.

На обратном пути радостное возбуждение Мак-Хантли слегка отравляла только мысль о том, что Иможен Мак-Картри, по-видимому, была права. Оставалось спросить у мясника и ветеринара о причинах столь поразительной щедрости к покойному аптекарю, чья смерть сэкономила одному из них пятьдесят фунтов стерлингов в месяц, а другому — сто.

Лидберн не мог долго противостоять натиску инспектора и почти сразу признался, что Рестон его шантажировал. Как-то раз мясник по неосторожности сбил и серьезно ранил женщину, но, вместо того, чтобы взять на себя ответственность, поспешил удрать с места происшествия. Аптекарь, которому он обо всем рассказал, поехал к хозяину гаража, где Лидберн чинил машину, и взял у него письменные показания о ремонте. С тех пор Кит ежемесячно платил так называемому другу за молчание. Мак-Хантли даже не стал ему объяснять, что только круглый дурак мог поддаться на этот грубый шантаж, поскольку «доказательства» Рестона ни один суд присяжных не принял бы всерьез. Так или иначе, полицейскому стало ясно, что такому ограниченному человеку, как Лидберн, и в голову бы не пришло разделаться с мучителем подобным образом, в крайнем случае, он мог сделать это открыто, подавшись слепой ярости.

— А что вы скажете насчет горничной, которую, по словам мисс Мак-Картри, сбили с пути истинного?

— Это ложь, инспектор! Так же, как и моя связь с Фионой!

После того, что он услышал от миссис Рестон, Дугалу оставалось лишь поверить мяснику на слово.

Теперь в списке подозреваемых стояла только одна фамилия, и полицейский пошел к ветеринару. К несчастью, тот оказался крепким орешком. Толстяк с улыбкой поведал Мак-Хантли, что они с аптекарем раз в месяц ездили погулять в Эдинбург или Глазго, а поскольку казначеем у них был Рестон, потом Гленроуз расплачивался с ним чеком. Само собой разумеется, ветеринар попросил никому не выдавать эту маленькую тайну.

Инспектор тем более огорчился, что, казалось, уже достиг цели. С горя он рассказал о своих открытиях и последней неудаче мисс Мак-Картри, и та, схватив его за руку, прошептала:

— Поехали в Перт!
— Но я как раз оттуда!
— Ну, и что?

Поразмыслив, Мак-Хантли признал беспочвенность своих возражений, кроме того, теперь, когда следствие окончательно зашло в тупик, он готов был ухватиться за любую соломинку.

Добравшись до Перта, они заскочили в бар на Каунти-Плейс и, выпив по стаканчику виски, отправились на Нельсон-стрит. Иможен позвонила в дверь дома 232, а Мак-Хантли с тревогой думал, в какую еще авантюру позволил себя втравить на этот раз. Открыла им молодая женщина.

— Как поживаете, Мойра? — с дружелюбным видом спросила Иможен.

— О, мисс Мак-Картри, какой сюрприз! Жаль только, хозяев нет, так что, если вы хотели их повидать...

— Нет, Мойра, мы пришли поговорить как раз с вами. Но давайте-ка я вас познакомлю. Это мистер Мак-Хантли... а это — Мойра Трекуэйр из Каллендера. Можно нам войти?

— Прошу вас.

Мойра с извинениями отвела их на кухню, объяснив инспектору, что она здесь — всего лишь горничная. Как только все сели за стол и девушка налила чай, Иможен принялась растолковывать, какое важное дело привело их с Дугалом сюда.

— Вы могли бы оказать нам большую услугу, Мойра... Мистер Мак-Хантли — полицейский инспектор и расследует убийство Хьюга Рестона. Вы, конечно, о нем слышали?

— Еще бы!

— Так вот, прошу вас очень откровенно и без ложного стыда ответить на мои вопросы.

— Но я не имею ни малейшего отношения к этому преступлению!

— Не беспокойтесь, Мойра, никто вас ни в чем не обвиняет. Кстати, дитя мое, как ваш малыш? Молодая женщина расплакалась.

— Он... он не выжил? — прошептала смущенная мисс Мак-Картри.

— Может... для него... так оно... и лучше, — глотая слезы, пробормотала мисс Трекуэйр.

— А кто был отцом ребенка?

— И это спрашиваете вы, мисс Мак-Картри?

Как будто вы не знаете, что происходит у нас в Каллендере...

— Да, но я хочу, чтобы вы сами назвали инспектору имя.

— Мистер Дермот Гленроуз.

Рыжая воительница кинула на Мак-Хантли торжествующий взгляд.

— Миссис Гленроуз в курсе? — спросила она.

— О нет, мисс, нет!

— А что случилось бы, узнай она об этом?

— Трудно сказать... но наверняка что-нибудь ужасное... Мистер Гленроуз до смерти боится жены...

— Тем не менее он, вероятно, не бросил вас на произвол судьбы?

— О нет! Каждый месяц мистер Гленроуз передавал мне по двадцать фунтов.

— Через кого?

— Через мистера Рестона.

Дермот Гленроуз смахивал на огромную выжатую губку. Сначала на все расспросы Дугала он лишь жалобно повторял:

— Главное, чтобы Майра ни о чем не провела!

Жалкое зрелище... Мало-помалу из сбивчивых объяснений, полупризнаний и умалчиваний инспектору стало ясно, что бедняга ветеринар всю жизнь дрожал от страха. Сначала он боялся товарищей по колледжу, особенно Рестона, который сумел получить над ним огромную власть, потом — жены. Мойра пожалела Дермота, и тот, естественно, стал искать у нее утешения... А потом Гленроуз узнал, что скоро родится ребенок... В полной панике он обо всем рассказал Рестону. Аптекарь обещал уладить дело, но, убедившись, что приятель крепко сидит на крючке, начал его шантажировать.

В ту ночь, когда Кёмбре ждал Дженет, Дермот вышел вместе с Лидберном, прихватив, по просьбе последнего, револьвер — сам мясник в случае неприятностей побоялся бы пустить его в ход.

Под фонарем они увидели Рестона, возвращавшегося после разговора с Кёмбре. И тогда, повинаясь какой-то необъяснимой силе, сам не соображая, что делает, Гленроуз выстрелил в аптекаря. Лидберн сначала пришел в ужас, но, поняв, что смерть Рестона сэкономит ему пятьдесят фунтов в месяц, мгновенно стал на сторону ветеринара. Не сговариваясь, они обвинили в убийстве Ангуса, прибежавшего узнать, что случилось.

— А если бы несчастного Кёмбре повесили за совершенное вами преступление?

— Ни о чем таком я не думал... мне хотелось лишь спасти свою шкуру...

Самое ужасное, подумал Мак-Хантли, что это чистая правда.

Дугал Мак-Хантли не слишком гордился победой и пришел доложить суперинтенданту о том, что тайна убийства Хьюга Рестона раскрыта, виновные, Дермот Гленроуз и его сообщник Кит Лидберн, — под замком.

— Успешное начало всегда полезно для карьеры, инспектор, — поздравил его Копланд.

— Спасибо, сэр.

— Признайте, однако, что, если бы вы сразу приняли в расчет мнение мисс Мак-Картри...

— Чистая правда, сэр. Поэтому, с вашего разрешения, я хотел бы вернуться в Каллендер и сказать ей спасибо.

В «Гордом Горце» стоял адский гвалт. Все столики были заняты, а за самым длинным, в центре, восседали сам Тед Булит, Ивен Стоу, Дженет и Ангус Кёмбре (миссис Рестон не смогла прийти из-за траура), Уильям Мак-Грю, доктор Элскотт, Сэм Тайлер, Мак-Клосту и, разумеется, мисс Мак-

Картри. Пили они за Горную страну и за горцев — самое благородное племя на свете, и сержант, под влиянием виски совершенно забывший, что сам он — пришелец из Приграничной зоны, орал чуть ли не громче других. Друзья праздновали победу Иможен Мак-Картри. Пришел на торжество и Фергус Мак-Интайр с вольничкой. Сначала он с чувством сыграл «Энни Лоури», песенку, неизменно умиляющую сердца уроженцев Кидкербрайшира, и Дженет роняла слезы в мужнин бокал с виски. Потом мисс Мак-Картри ужасающе фальшиво, но с большим воодушевлением затянула «Джесси, цветок Денблейна», и ее тут же поддержали Тед и доктор Элскотт. К десяти часам вечера все, включая юную Дженет, пребывали в полной эйфории и твердо верили, что рай, если, конечно, о нем говорят правду, несомненно, похож на Каллендер, точнее, на зал «Гордого Горца».

Именно в этот момент в зал вошел Дугал. Его встретили громкими приветственными воплями. Смущенный столь теплым приемом, инспектор приблизился к Иможен.

— Мисс Мак-Картри... я хотел поблагодарить вас за...

Она не дала полицейскому закончить и, схватив в охапку, звонко чмокнула прямо в губы. Мак-Хантли показалось, что его поцеловал перегонный куб. Меж тем шотландка уже усаживала его за стол и просила выпить во славу Горной страны. Маргарет Булит принесла хаггис, и, когда она ставила блюдо на стол, сержант вдруг хлопнул ее по спине. Миссис Булит негодуя выпрямилась.

— Вам... не стыдно?

В стельку пьяный Арчибалд Мак-Клосту уже окончательно утратил представление о приличиях и границах допустимого, поэтому спокойно отвечив:

— Нет, моя дорогая!

Кипя от возмущения, Маргарет напустилась на мужа:

— Тед, неужели вы позволите этому проклятому пьянице вольничать с вашей законной супругой?

— Если парню это доставляет удовольствие, Маргарет, значит, он и в самом деле мертвецки пьян!

Миссис Булит, издав что-то вроде предсмертного хрипа, убежала на кухню и уже, наверное, в

сотый раз всерьез задумалась о разводе. Кто-то из посетителей имел неосторожность вступить за честь жены хозяина заведения, но, получив от сержанта здоровенную затрещину, рухнул под стол. Как истинные шотландцы, несколько других мужчин, даже на разобравшись, в чем дело, спешили на помощь побежденному — лупить полицейского доставляло им особое удовольствие. Само собой, друзья Арчибалда не могли допустить, чтобы его смяли превосходящие силы противника, и очень скоро в баре началась всеобщая потасовка. Мак-Хантли, благоразумно оставаясь под столом, все-таки получил по голове ножкой пролетавшего мимо стула. Иможен, полагая, что ей надлежит опекать гостя, стала отпаивать его виски, а потом коварно указала на ненавистного ей мэра Гарри Лаудэма, который мирно попивал пиво в дальнем уголке зала.

— Видите эту лицемерную рожу вон там, Дугал? Это он вас ударил сзади, и тут же, как ни в чем не бывало, снова уселся на место!

Прогулка в страну грез и разбитый о его голову стул совершили с инспектором удивительную метаморфозу: Дугал вдруг почувствовал себя истинным горцем.

— Я вижу, вам тут очень хорошо, да? — осведомился он, подойдя к столику Гарри.

Тот, немного удивившись фамильярности Мак-Хантли, спокойно ответил:

— Да вроде бы...

— А, по-моему, так будет еще лучше!

И Дугал изо всех сил съездил Лаудэму по физиономии. Тот на время отключился, а инспектор во все горло рывкнул:

— Да здравствует наша Иможен!

Не прошло и получаса, как Тед и его друзья выдворили вон всех недовольных, и в ознаменование победы грянули знаменитую «Вы, кого водили в бой...», которую Роберт Брюс написал накануне сражения при Баннокберне.

На следующий день, разбирая кипу жалоб и обвинений, прибывших из Каллендера после вечеринки в «Гордом Горце», суперинтендант Копланд обнаружил в списке отличившихся хорошо знакомую фамилию. Он вызвал Джонсона и протянул ему бумагу.

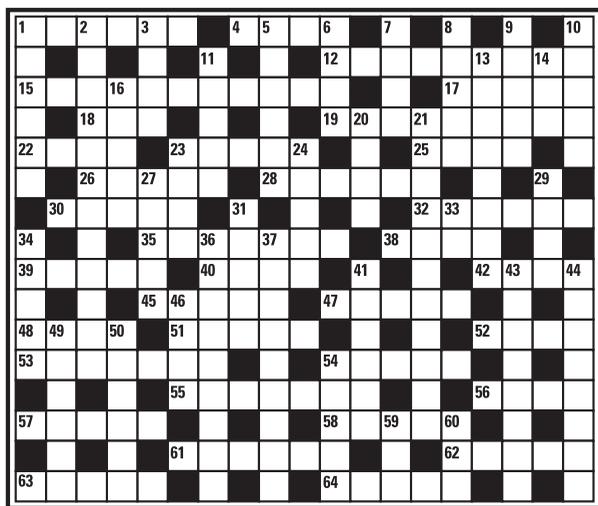
— По-моему, Берт, наш молодой Мак-Хантли, наконец, понял Каллендер. ☞

Кроссворд

По горизонтали: 1. «Рука помощи, дрожащая от нетерпения» (Г. Малкин). 4. ... на мушке (весь внимание). 12. Вольнодумка. 15. «Надежная пружина в механизме общежития» (К. Прутков). 17. Жилплощадь в мире тех или иных животных. 18. Героиня в повести В. Губарева «Королевство кривых зеркал». 19. Пьеро дела... — художник итальянского Возрождения, воплотивший ренессансную идею гармонии человека и природы. 22. Гора, которую гиганты в греческой мифологии хотели взгромоздить на Пелион. 23. «Отец памяти» (Т. Фуллер). 25. Где наша не пропадала! 26. Порыв необузданного гнева. 28. «Единственное бремя, какое становится тем тяжелее, чем больше людей его несут» (Жан Поль). 30. Энтузиаст долбежки. 32. «Такой стол, из-за которого никто добровольно не встанет» (Ф. Искандер). 35. Область в Италии с административным центром Флоренция. 38. Певец-сказитель, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 39. Прославленная молдавская певица по имени Мария. 40. Между этой и йотой. 42. Заглавная героиня в романе Т. Гарди 45. Одноголосное песнопение в западнохристианской церкви. 47. Творец «Моны Лизы», чья улыбка выдает в ней куртизанку. 48. Заспиртованный компо-

нент тоника. 51. Молитвенник за весь мир. 52. Тяговая сила общественного транспорта в зоопарке. 53. Контрольно-судебный орган в древних Афинах из родовой аристократии. 54. Красна после морозов. 55. Замешательство на стройке. 56. «... привередливые» — одна из лучших песен В. Высоцкого. 57. «Нужные слова в нужном месте» (Д. Свифт). 58. Самый странный персонаж в повести А. Платонова «Котлован». 61. Предварительное выяснение, прущупывание, разведка. 62. «Я, бабушка, Илларион» — фильм Т. Абуладзе 1963 г. 63. Хвойное царство. 64. Утка с бантиком.

По вертикали: 1. Пространство, какое взглядом не обшаришь. 2. Церковное таинство, дарующее больному отпущение грехов, в которых он не успел раскаяться. 3. Сокровенная реальность. 5. Французский композитор, друг К. Дебюсси. 6. Один из описавших поиски золотоносного рогатого скота. 7. Предмет одежды, по которому прозвали волокиту. 8. «... прилетели» — самая известная картина А. Саврасова. 9. Характерная особенность глаз покупательницы при виде понравившейся ей вещи. 10. Специалист, при встрече с которым многие казнились. 11. Не пьющий и не курящий мужчина с пустым карманом. 13. Борец только за свою свободу. 14. Похититель части

стада коров у Геракла, за что герой убил вора. 16. Как... лежит умирающий от усталости. 20. Русский художник XIX века, мастер живописи в «византийском стиле». 21. Наивное средство перевоспитания лентяя, а тем более вора. 23. Обычный прежде подарок куме в прощёное воскресенье. 24. Римская богиня охоты, олицетворение лутны. 27. Единственный, кто знает, что было раньше: яйцо или курица. 29. Участок волжского берега, обросший диким мхом. 31. Больше моря. 33. Самая легкомысленная нота. 34. Ребенок, любящий стукнуть, хотя он вовсе не драчун. 36. Фамилия купцов и промышленников, организаторов похода Ермака. 37. Упомянутая Плато-

ном легендарная земля, обросшая множеством гипотез. 41. Остров, паломничество на который по меньшей мере дважды изобразил А. Ватто. 43. «Искусство тратить деньги, не получая от этого никакого удовольствия» (Л. Левинсон). 44. Русский адмирал, уничтоживший турецкий флот в Чесменском бою. 46. Морской рак, которого новые русские, говорят, называют «клопстер». 49. Жадно проглатываемая еда. 50. Место для сна после захода солнца. 54. Руль в руках ямщика. 59. Озеро, на побережье которого родился, по новым данным, пушкинский «Арап Петра Великого» — Абрам Ганнибал. 60. Известная пианистка, жена Р. Шумана.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 11

По горизонтали: 1. Фаэтон. 5. Иголка. 10. Тачка. 12. Ост. 13. Летосчисление. 14. Тир. 15. Сознание. 17. Пояс. 18. Клоун. 19. Фиалка. 22. Зга. 23. Юниорка. 24. Яшма. 27. Неру. 29. ... рёбра. 30. Мазь. 32. Инжир. 34. Хлёстова. 36. Бим. 38. ... салтык. 40. Версия. 41. Ил. 43. Актриса. 45. Таджичка. 46. Кнут. 47. Буало. 48. Витт. 50. Легаш. 51. Вицин. 52. Уклад. 53. Дрок. 54. Стела.

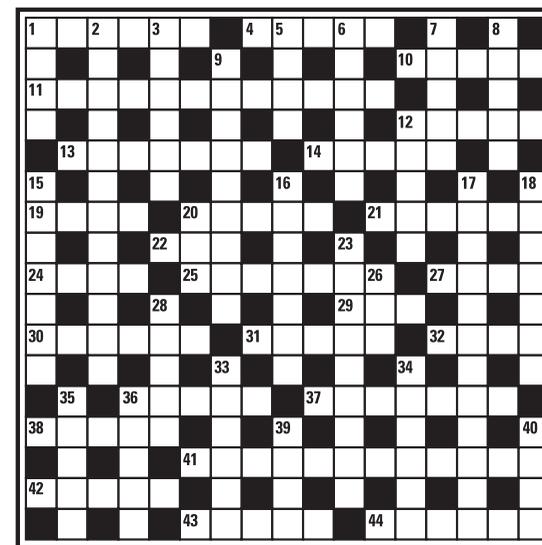
По вертикали: 1. Философия. 2. Энтузиазм. 3. Отставка. 4. Начин. 5. Икс. 6. Гало. 7. Лондон. 8. Кси. 9. Атеист. 11. Чирик. 16. Елань. 17. Пузотёр. 20. Лганьё. 21. Шкурник. 25. ... швах. 26. Крит. 28. Унос. 29. Риал. 31. Элорадство. 33. Жвачка. 35. Стихия. 36. Былина. 37. Цветовод. 39. Тиркушка. 42. НАТО. 43. Акцент. 44. Султан. 47. Баул. 49. Тик. 50. Лис.

Эрудит

По горизонтали: 1. «Черная юрта» у монголов. 4. Киноактриса, сказавшая «Тарасу Трясило»: «Я люблю», но вскоре ее позвала «Выборгская сторона», где после грозовой «Радуги» ее успокоила «Майская ночь». 10. «Кальвин в созерцании» (Д. Мережковский). 11. «Вежливое проявление зависти» (А. Бирс). 12. Девичья фамилия Елизаветы, жены М. Ломоносова. 13. Американский композитор, испытавший сильное влияние И. Стравинского, французской музыки 1920-х годов и американского фольклора. 14. «Владелец» черепа в «Гамлете» Шекспира. 19. Повозка, у которой на Востоке раньше не смазывали оси, отчего она нещадно скрипела. 20. «Капельное» ювелирное искусство на Руси. 21. Чудо в искусстве. 22. Голос лавины. 24. Один из двоюродных братьев спартанских Диоскуров, участник Каледонской охоты и похода аргонавтов. 25. Человек, просто обязанный вжиться в чужую жизнь. 27. Символ немецкого ландшафта и национального «германского» поэтического гения, возникший с легкой руки Ф. Клопштока. 29. Польский сатирик, заметивший: «Покойники, которым при жизни кадили, быстрее разлагаются». 30. Полное имя некрасовского дедушки Мазая. 31. Лесной хор, в котором лишь знаток распознает отдельные голоса птиц. 32. Мо-

лодая лошадь, какую еще объездить надо. 36. Самоцвет, открытый, по преданию, мореплавателями, потерпевшими кораблекрушение. 37. Советская спортсменка, которую журналисты назвали «железной леди» фигурного катания. 38. Греческий поэт, к которому восходит поговорка: истина в вине. 41. «Искусственное качество, какое у большинства из нас развивается лишь в результате несчетных ошибок» (С. Моэм). 42. Картина Ф. Малявина, которую С. Маковский называл «Бабами» и говорил, что она польхает красным пожаром платков и сарафанов. 43. Шведский инженер, в 1897 г. с двумя спутниками на воздушном шаре «Орел» вылетевший со Шпицбергена к Северному полюсу, но шар отнесло к острову Белый, где все трое погибли. 44. Баснословный изобретатель пытки ухой.

По вертикали: 1. Болотный беспредел. 2. «Приправа к жизни, придающая ей весь аромат» (У. Каупер). 3. «Принятые каким-то кругом для себя или другого круга людей готовые мнения, как людям жить надо» (Н. Козлов). 5. Языческий священнослужитель. 6. Плат на престоле в христианской литургии, символизирующий плащаницу, какой было обернуто тело Христа при положении во гроб. 7. Один из цветков в венке на голове жен-

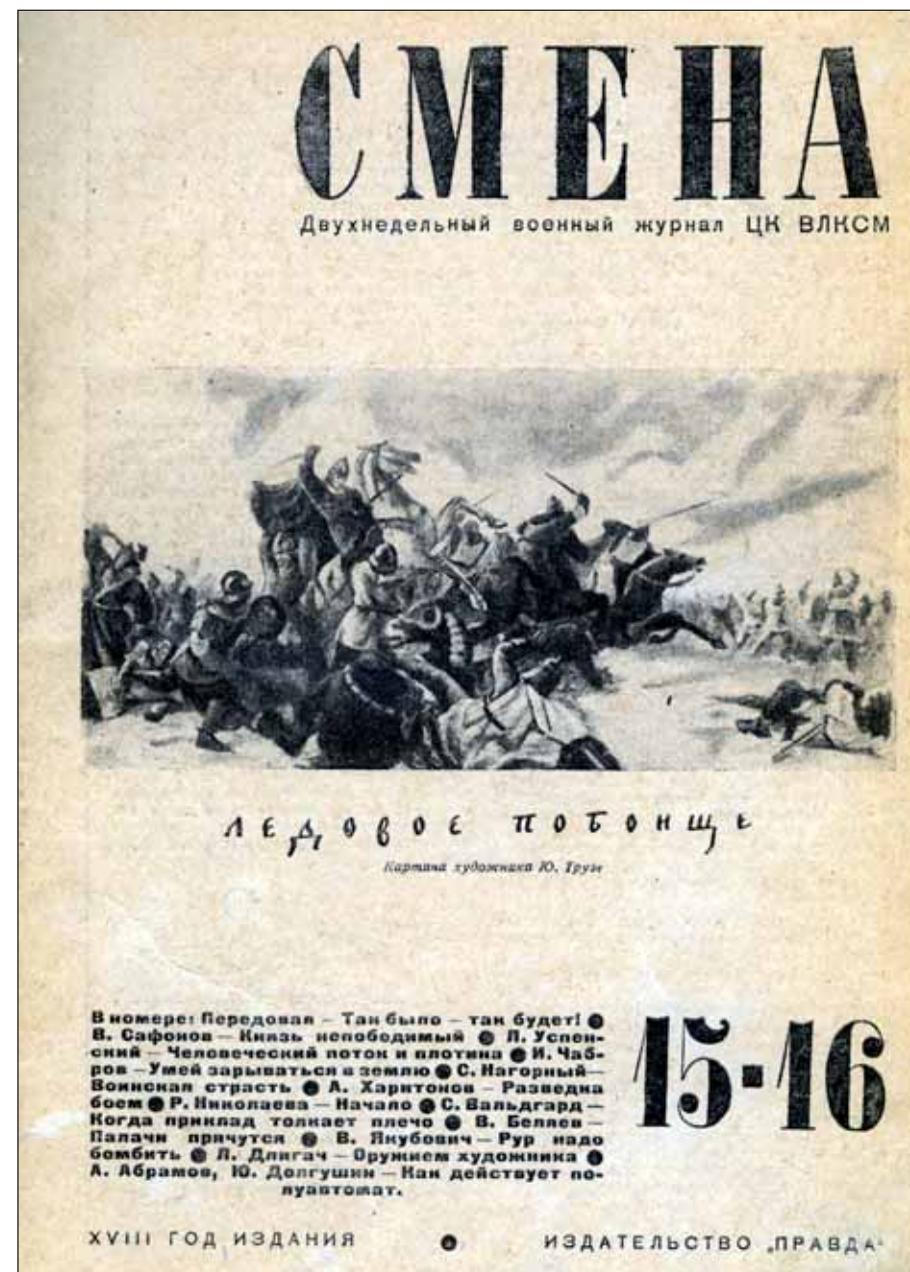
щины (гравюра Дюрера «Меланхолия»). 8. На Руси говорили: добрая жена — веселье, а худая — злое ... 9. Каждая из четырех икон Христа (по С. Желудкову). 12. Горячее сладкое блюдо еврейской кухни, сочетающее морковь и сухофрукты. 15. Исключительное качество личности, делающее ее привлекательной для толпы. 16. Французский композитор швейцарского происхождения. 17. «Умение не приближаться вплотную» (Ингеборг Бахман). 18. Ежегодный большой торговый съезд и привоз товаров. 20. Акулий орган, какой в Нюрнберге времени Дюрера считали змеиным языком и верили, что, будучи на пиршественном столе, он спасает от

любых ядов. 23. Большой любитель па. 26. Поэт, первым переведший на русский язык работу А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». 28. «Самая короткая на свете профессия» (К. Роджерс). 33. Бык, ездовое животное Шивы. 34. «Двигатель жизни» (К. Антарова). 35. Гипотетическая жидкость, какой до XVIII века объясняли явления тепла, магнетизма. Электричества. 36. Аквариумная рыбка родом из окрестных вод Рио-де-Жанейро. 39. Мастер арф и клавишных инструментов, создатель первого французского рояля. 40. Скользящая рыба, используемая рыбаками как живец при ловле хищных рыб.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 11

По горизонтали: 1. Герб. 3. Юдолл. 10. Саратов. 11. Лавровишня. 12. Человек. 13. Боров. 14. Вещун. 16. Ней. 17. Жизнь. 18. Удушье. 19. Мел. 20. Исаак. 24. Овидий. 25. Флейта. 26. Ригер. 29. Чай. 30. Печень. 31. Траур. 32. Кир. 33. Химия. 34. Волхв. 35. Голоцен. 38. Центрифуга. 39. Синкопа. 40. Наука. 41. ... ерши...

По вертикали: 1. Галл. 2. Равнодушие. 4. Дрил. 5. Линней. 6. Габен. 7. Таборит. 8. ... болезнь. 9. Сокольник. 12. Чурек. 14. Венский. 15. Зубов. 19. Материя. 21. Аллегория. 22. Эйзенхауэр. 23. Тафья. 26. Ратин. 27. Ярнович. 28. Куколка. 32. Кибела. 33. Хеопс. 36. Штук. 37. Сати.

Смена 1942 года

«В 1241 году немцы ворвались в вольный город Псков, захватили Изборск и Копорье и приближались к стенам Великого Новгорода. Во главе русского войска встал князь Александр Ярославович (Невский). От края и до края разнесся его призыв: **«Русь — в опасности!.. Не служить людям русским немецкому псу! Кровь за кровь, смерть за смерть!» ...**

Эти строки из журнала «Смена» в августе 1942 года.

Конец сорок первого и сорок второй год были самыми сложными в истории «Смены» — журнал выходил раз в два месяца в уменьшенном формате на газетной бумаге. Он стал военным журналом ЦК ВЛКСМ, в котором печатались материалы «прикладного» характера: «Умей зарываться в землю», «Откуда и как лучше стрелять», «Уничтожай танки врага». Но в то же время редакция не забывала и о литературе: в журнале напечатаны рассказы Льва Успенского и Михаила Матусовского, поэма Маргариты Алигер «Зоя», стихи Максима Рыльского и Василия Захарченко — будущего главного редактора журнала «Техника молодежи».